

Геннадий Бажонов

МОГИЛЬЩИК

ТРОЕ ОТВЕРГНУТЫХ

Война Древних отгремела больше семи десятков лет назад, оставив после себя руины, заполненные Гневом Их — магией, соприкоснувшись с которой грозит верная смерть. Лишь на окраинах одного из старых городов выжила горстка людей, зажатых с одной стороны Гневом Их, с другой Серым Зверем — смертоносным магическим туманом. Их ведёт за собой Друг. Друг учит их. Друг обороняет их от Серого Зверя. Друг — единственный, кто может ходить по проклятому городу.

Но однажды на земле выживших появляется жуткий чужак, а на следующее утро люди находят изуродованный труп одного из лесорубов. Отправившиеся на поиски убийцы люди во главе с молодым охотником Хаслом находят тело чужака на заброшенной ферме... но это не тот чужак, которого видели вчерашним вечером.

Часть первая. Город людей. Глава первая. Чужак пришёл

Сегодня началась осень. Под утро поднялся такой сильный ветер, что с таверны Хоркле сорвало вывеску. Хасл и ещё двое охотников, свободных сегодня, конечно же, согласились помочь трактирщику, пока ветер хоть немного поутих. Какая может быть таверна без вывески? Какой может быть город без таверны? Однако стоило охотникам взяться за работу, как буря разыгралась с новой силой. Дело всё же решили не бросать. Друг всегда говорил: начатое нужно обязательно завершать.

Хасл терпел горсти воды, которые швырял ветер ему в лицо. Его ноги грозили соскользнуть с лестницы, он почти ничего не видел, однако вывеска «Пьяной лихорадки» — запрокинутая голова с кружкой пива у рта — была крепко зажата в его руках.

— Там гвозди понадобятся, — крикнул Хоркле. — Приколоти её к чёртовой матери над входом, и делу конец!

— Сразу надо было говорить!

— А как бы ты поднял всё за один раз?

И действительно. Хасл прижал одной рукой вывеску к стене, а вторую опустил вниз, давая понять: он готов принять гвозди с молотком. В этот момент ветер задут так зло, что затрепыхались полы хасловой куртки. Что-то мокрое прилетело ему в лицо, и от неожиданности он подался назад, теряя равновесие. Вывеска полетела вниз, а сам Хасл вцепился в балку, на которой раньше и висела многострадальная голова. Раздался хлопок дерева о камень, внизу кто-то смачно выругался.

— Лучше б ты сам свалился, ей богу, — буркнул дружок и постоянный собутыльник Хасла Микке. — Руки у тебя из жопы — это точно. Глядишь, выпрямились бы.

Хасл скосился вниз. Второго падения старая деревяшка не пережила — лопнула почти пополам, развалившись на голову и кружку. Рядом с ухом охотника трепыхались верёвки, на которых до сегодняшнего дня болталась вывеска. Должно быть, это один из обрывков едва не сбил молодого охотника с лестницы.

— Дурной знак, — сказал третий помощник трактирщика — Эрли.

— У тебя всё дурной знак, — проворчал Хасл, осторожно отпуская балку и начиная спускаться. — А у тебя самого руки из жопы, понял? А тебе, Хоркле, мы сделаем новую вывеску.

Трактирщик, держащий обломки в руках, горестно кивнул.

— Ладно, парни, спасибо за помощь, — сказал он, вздыхая. — Пошли, налью вам за полцены.

— Лучше тогда полкружки бесплатно, — отозвался Микке. — У меня ни полмонеты нет.

— Бесплатно не наливаю, ты меня знаешь. Даже полкружки.

— Ты только что пообещал мне полкружки бесплатно, Хоркле.

— Это как? — опешил трактирщик.

— Так смысл в том, что обещая кружку за полцены, ты даёшь полкружки за полную цену, а вторую половину — бесплатно. Вот я и прошу свою бесплатную половину.

— Не понимаю о чём ты, — выдавил Хоркле, задумчиво морща лоб. — Если хочешь

полкружки, я налью тебе за четверть цены.

— У меня сегодня есть монеты, — сказал Хасл, спрыгивая с последней ступени лестницы и вытирая мокрые и чёрные от старого дерева руки о растрёпанные полы куртки. — Пошли быстрее, пока меня совсем не продуло. И, Хоркле, давай-ка мне бесплатную кружку — пока эти два олуха стояли с тобой, я лазал наверх.

— И разломал ему вывеску, — вставил Эрли. — Так что вообще ему ничего не наливай.

— Шёл бы ты, дружище... Куда лестницу-то?

— Бросай здесь, — отмахнулся трактирщик. — Что ей будет-то? И так почти сгнила, новую делать надо.

Хасл всё равно отнёс лестницу на задний двор, один раз едва не свалившись вместе с ней в лужу от резкого порыва ветра. Тем радостней было войти в тепло трактира и почувствовать запах подогретого пива и супа с копчёностями. Друзья заняли стол у камина, благо с утра свободных мест хватало, и Микке уже уткнулся в свою кружку. Хасл поспешил к друзьям, стягивая с себя промокшую одежду. Куртку со шляпой он швырнул к камину, перчатки шлёпнул о столешницу и тут же завладел кружкой. Откуда ни возьмись появился Хоркле и, улыбнувшись, протянул руку:

— Первая за полцены.

Хасл снял тощий кошель и, порывшись в нём, извлёк на свет такую старую медную осьмушку, что она позеленела бы от времени, если б не использовалась так часто.

— Мы будем по три кружки минимум.

— И суп, — добавил Эрли. — У меня от его запаха слюней уже полкружки налилось.

— Тоже за полцены, — встрял Микке, — а то, как я думаю, это те самые копчёности, которые мы сначала поймали, потом разделали, а потом закоптили.

— Вы за это деньги уже получили, так что никакой половины цены, — сказал Хоркле и исчез, как сквозь землю провалился.

— Засранец, — раздражённо буркнул Эрли. Впрочем, без какой-либо злости. Не будь Хоркле таким скаредным, он бы давным-давно разорился, и пить им всем городом и окрестностям домашнее пиво и брагу.

Суп принесла дочь Хоркле — Хория, по совместительству служанка в трактире. Расставив тарелки, она присела к охотникам — других посетителей всё равно пока не было. Судя по горящим глазам и возбуждённому виду, кто-то вчера рассказал ей какую-то небылицу, и сейчас она собирается пересказать её охотникам.

— Вы слышали? — спросила служанка срывающимся от волнения голосом. — У хутора Викле видели чужака.

— Дурной знак, — сразу сказал Эрли.

— Чужак? — переспросил Микке. — У хутора Викле чужаков отродясь не водилось.

— На то они и чужаки, — вставил Эрли, швыряя супом. — Чтобы их отродясь в наших местах не водилось. Говорю же, дурной знак.

— Глядишь, скоро конец света, — фыркнул Хасл.

— Так и есть. Вчера появился чужак. Сегодня осень пришла. Вывеска сломалась... — охотник ткнул тремя растопыренными пальцами в лицо своим товарищам. — Всё сходится. Сегодня кто-то умрёт, попомните мои слова.

— Да погоди ты, — отмахнулся Микке. — Слушай, Хория, а как чужак выглядел?

— О-о, — протянула служанка, прикрывая рот ладошкой. — Высоченный, весь чёрный, сгорбленный. Голос низкий, говорит, что каркает. На человека не похож даже, так Кераг

сказал, он его своими глазами видел.

— Ну, понял теперь?

Даже пессимист Эрли не мог бы ничего возразить: Кераг-лесоруб был редкостным болтуном, да ещё и любил навешать лапши на уши легковёрной Хории. После каждой попойки лесорубов служанка с горящими глазами рассказывала про жутких демонов, лесных драконов и зелёных деревянных женщинах, соблазняющих неосторожных путников, заглянувших в чашу за хворостом. Охотники, в лесу, фактически, обитающие, ясное дело, ничего такого не видели. Но лес находился в миле от другой оконечности Бергатта, и Хория, ни разу там не бывавшая, больше верила в небылицы лесоруба, чем правду охотников.

— А что чужак делал на хуторе? — почти скучающе спросил Хасл.

— Пытался купить еды, — пожала плечами Хория. — И пытался вывести дорогу в Бергатт. Его сразу прогнали.

— И он не дышал огнём? — удивился Микке. — Не вонял, как разлагающаяся корова?

— Ну, может, и дышал, Кераг ничего об этом не говорил. Разве что сказал, чтобы мы тут были поосторожней.

— Удивительно, — хмыкнул говорливый охотник, — я-то думал...

Никто не узнал, что думал Микке. В трактир ворвался Жерев — один из лесорубов, и вид у него был перепуганный.

— Кераг! — взвизгнул он. — Кераг мёртв! Это вчерашний чужак его убил! Нужно... нужно... — лесоруб, задыхаясь, упал на пол, по его перекошенному лицу бежали слёзы.

— Дурной знак, — сказал Эрли, меланхолично допивая пиво. — Дурной.

В этот раз с ним никто спорить не стал.

***

Последние несколько дней лесорубы работали около хутора Викле — валили старые уродливые деревья, поросшие на склоне горы. Когда-то здесь была дорога, ведущая к Шранкту — городу-спутнику Бергатта, перекрывающему ущелье, отделяющее Долину людей от мёртвого мира. Шранкт был гиблым местом, но деда Викле в своё время это не остановило, и теперь его внук катался как сыр в масле — со склонов иногда спускались горные козлы, лес рядом, да и до Серых полей, где до сих пор родилась пшеница, рукой подать. Хутор и двадцать восемь его обитателей жили прекрасно, многие им завидовали.

Одно плохо — чтобы добраться до хутора нужно обойти почти весь Бергатт. Тем более, сегодня Хасл, Эрли и Жерев торопились.

Сначала троица прошла сквозь город — последнее в мире поселение людей, если не считать хутор Викле. Жилища людей ютились на окраине Бергатта, там, где Гнев Древних нанёс меньше всего разрушений. Весь город — одна С-образная улица, по обе стороны которой стояли две дюжины двух и трёхэтажных домов. Улица начиналась от таверны Хоркле и площади напротив, а заканчивалась гостевым домиком Друга. За домиком начиналась окраина Бергатта, куда сейчас и спешили два охотника и лесоруб.

Все дома несли на себе следы древней битвы, но за годы мира люди их аккуратно восстановили — где-то разрушенные стены заложили камнями, где-то заделали деревянными брусьями. Выбоины в дороге тоже заделали, восстановили торговый ряд. И, как не раз упоминал Друг, ценой нескольких жизней полностью обезопасили город от Гнева Их. Здесь было самое безопасное место Живых Земель. Здесь жили, женились, рожали детей и воспитывали их. Здесь ждали прихода Друга на очередной Йоль.

Но людям нужны были камни, дерево, шкуры и хлопок, пшеница и мясо, фрукты из одичавших садов и вода из озера. Поэтому этот пятачок полной безопасности приходилось покидать каждый день. Иногда, как сегодня, по самым скорбным причинам.

Ветер дул всё крепче. Возможно, завтра придёт настоящая промозглая зима. Впрочем, до завтра нужно ещё дожить. Порывы ветра шуршали листвой высоких кривых деревьев, стелящихся своими ветвями и изогнутыми стволами по крышам домов. Молодой охотник часто думал, что если бы не эти деревья, Бергатт давным-давно развалился бы по камешку. Хотя, возможно, это лес разрушал древние строения.

Они шли гуськом, перебираясь через огромные валуны и ямы, наполненные раскисшей грязью. Налево, в Бергатт, старались не смотреть — ничего хорошего всё равно там не увидишь. Справа же, там где, по словам стариков, когда-то возвышались горы, стелился туман. Между стеной и туманом двадцать шагов, и это небольшое расстояние было самой жизнью для троицы путников. Направо иногда поглядывали, чтобы убедиться — жирное, дышащее болотом и разложением тело Серого Зверя никуда не ползёт в их сторону. Воющий ветер, дующий от Башни Друга, иногда проходил сквозь кривую улочку, вырывался из города и впивался в серое мутное брюхо, оголяя кусок земли — когда мертвенно-чёрный, когда кроваво-красный. Даже Эрли, предсказывающий дурные знаки на каждом шагу, помалкивал, зная — в таком месте обычно куда менее суеверные товарищи могли испугаться, что он кликает беду, и всыпать ему как следует.

Слева раздался душераздирающий визг, затем сочное чавканье, а после всё вновь заглушил свист ветра. Хасл мельком глянул влево, но звуки раздавались издалека. Не хватало ещё чтобы какая-нибудь тварь вылезла из руин... Впрочем, никаких крупных чудовищ из Бергатта давным-давно не появлялось, и молодой охотник предполагал: рассказы о них лишь небылицы стариков.

Они прошли пригороды и зашагали мимо городской стены, которая сама по себе представляла опасность — ветхое сооружение вот-вот могло рухнуть, а уж в такой ветер и подавно. Хоркле как-то сказал, будто станет лучше, если стена упадёт, ведь тогда им удастся добыть достаточно камня для постройки новых домов. Он всё хотел справить отдельное хозяйство для Хории, словно слепец не понимая — при образе жизни, который вела его дочь, она давным-давно забеременела хотя бы однажды; но этого не случилось, а связываться с бесплодной никто не станет.

— Друг говорил, что у неё большое будущее, — сказал как-то Хоркле, прикладывая ладонь к груди, где под одеждой скрывалась выжженная ещё в детстве и обновляемая каждый год семиконечная звезда.

Конечно же, ему никто не верил.

Сегодня стена выглядела как никогда плохо, но Хасл отметил про себя, что думает об этом каждую осень. Мокрый камень казался ему куда ненадёжней сухого, а струи воды, сбегаящие по неровным щелям и выбоинам, как будто могли увлечь с собой в землю всю стену.

Дорога здесь была почти ровной — там, где устояла стена, гнев древних удержался внутри города, и земля для жизни почти не пострадала. Ноги ступали здесь по зелёной траве, ещё вчера, знойным летом, сероватой от пыли. Хасл хотел остановиться, чтобы сорвать несколько стебельков и, как он это делал всегда, съесть их, но сегодня у них было неотложное дело. Тем более, полуторачасовой путь мимо города практически окончен — стена города уходила всё левее, впереди виднелся лес, а им нужно поворачивать направо, к

Шранкту, осторожно огибая границу занятых туманом земель.

Неожиданно Эрли остановился и резко выпрямился, будто и не было того ужаса, что охватывал людей в моменты соседства с Серым Зверем.

— Если ты скажешь, будто видел какой-то дурной знак, ей-богу, я тебя задушу, — прошипел Хасл. Ему не терпелось убраться подальше от тумана.

— Я видел чёрную тень, бредущую между домами, — сказал охотник. — Огромную чёрную тень.

— Мало ли какая хрень может ходить по Бергатту? — буркнул Жерев. Лесоруб прошёл уже десятка три шагов вверх по склону, и всё же пока не чувствовал себя в безопасности.

— Это был человек. Или кто-то очень похожий.

— Чушь, — фыркнул Хасл, — в город люди не ходят. Скажи ещё, это был вчерашний чужак из бредней Хории.

— Это не бредни, — жестко проговорил лесоруб, зло кривя лицо. — И если это действительно он убил Керага, от меня он не скроется даже в Бергатте.

— Так это не обычные рассказы Керага? — удивился молодой охотник.

— Нет. Я видел чужака своими глазами. И, ради всех богов, поднимайтесь уже скорей от Зверя, мне кажется, он зашевелился.

Охотников будто кнутом стегануло. Они взлетели на склон по скользким камням, догнав Жерева, и, обеспокоенно озираясь, зашагали к хутору. На дороге громоздились насыпи мелких камней, кое-где виднелись чахлые кусты. Полмили вверх, и перед охотниками и лесорубом отрылась ровная, как стол, каменистая поверхность. Здесь дед Викле и поставил хутор, часть стены сделав из дерева, а часть из камня древнего храма, чьи развалины виднелись в нескольких сотнях шагов дальше. За храмом рельеф вновь начинал повышаться, а ещё через две мили из-под земли росли руины старой крепости, постепенно переходящие в Шранкт.

Отец как-то говорил Хаслу: дед Викле считал себя лучше других, потому и возвёл хутор именно в этом месте, выше города, где жили остальные люди. Возможно, так оно и было — справа туман, слева лес, позади Бергатт, впереди Шранкт. И, конечно, чуть впереди и правее, по другую сторону Серого Зверя, Серые поля, благодаря которым у Викле на столе почти каждую неделю бывал хлеб.

Уже отсюда они слышали бабский вой. Видать, поминают Керага, хотя он никакой не хуторянин, а из города. Смерть — общая беда. А уж если это действительно сделал чужак... Молодой охотник почувствовал, как его кулаки непроизвольно сжимаются. Идущий рядом Эрли скрипел зубами. Да, Жерев был прав: здесь не место для чужака, и если в смерти лесоруба виноват он, его достанут отовсюду — и из развалин, и с Серых полей, и даже из тумана, приди ему в голову забраться туда.

Обиталище Викле было настоящей крепостью. Четыре набитых камнями и землёй деревянных сруба, расположенных по углам, соединял облицованный камнем частокол. Когда они подошли к стенам хутора, им скинули крепкую и сухую лестницу — ворот строители не предусмотрели, опасаясь всяческих напастей. По ту сторону сруба их тоже ждала лестница. Внутри стен — две полуземлянки сыновей Викле и хозяйский дом. Перед домом утоптанная площадка, где обычно собирались все хуторяне на праздники. Сегодня же там поставили низкий стол, около которого собрались все женщины. Бабы выли и стенали, оплакивая погибшего лесоруба. Все мужики, кроме двух стражников и по совместительству горожан-батраков, видимо, собрались в доме — обсуждали, что делать.

Хасл постарался не искать глазами Миреку — свою предполагаемую невесту — но всё же нашёл. Она сидела у головы Керага, спрятав лицо в ладони. Молодой охотник немного занервничал, как делал это каждый раз при виде любимой, но почти сразу его мысли ушли совсем в другую сторону.

— Кто мог сделать такое?.. — пробормотал Эрли. — Дурной знак. Дурной.

Хасл не стал спорить с товарищем. Это действительно был дурной знак — найти такой труп на следующий день после встречи с незнакомцем.

И без того обычно потрёпанная одежда лесоруба была сильно изорвана. Живот и грудная клетка вскрыты от самого паха до шеи, кадык вырезан, глазницы превращены в две кровавые ямы, обрезана та часть правой щеки, где была метка, указывающая на принадлежность Керага к лесорубам. Во внутренностях своей жертвы убийца тоже порядком покопался, выдрав часть кишок и желудок.

— Ещё ему вырезали язык, — прошептал Жерев. — А в затылке дыра, и череп совсем пустой.

— Это не зверь сделал, — сдавленно пробормотал Эрли.

— Это уж точно.

— Пошли. Я привёл вас сюда не для скорби, а для мести.

Они вошли в дом Викле. Обширное помещение занимала одна комната, лишь скот — бараны да поросята — ютился за перегородкой. За столом сидело семь мужчин — Викле, младший брат хозяина Кралт, двое его сыновей, племянник и два лесоруба. Детей, видимо, отправили в землянки, чтобы не путались под ногами ни у обсуждающих проблему мужчин, ни у скорбящих женщин.

— Это всё? — спросил Викле вместо приветствия. — Только двое?

— Остальные на работе, — ответил Хасл. — А Микке остался охранять трактирщика с дочерью. Вечером придут ещё люди.

— Пиво он остался охранять, — буркнул старший сын Викле — Зерв.

— Заткнись, — оборвал его отец. — Что ж, до вечера мы ждать не можем, придётся довольствоваться тем, кто есть. Мы уже всё обсудили. Вы трое пойдёте с Некпре к Серым полям. Мы с племянником и лесорубами прочешем лес и окраину города, остальные будут охранять женщин и детей. Я дам вам арбалет, копьё и два меча, а то, как погляжу, ума взять с собой оружие у вас не хватило.

На самом деле у охотников на поясах висели ножи, а их охотничьи луки годились для убийства человека не хуже, чем зверя, но Хасл не стал спорить. Возможно, пришелец вовсе и не человек, а арбалет бьёт куда мощнее лука, не говоря уж о том, что с копьём и двумя мечами можно будет одолеть любого противника.

Они вышли, едва проведя в тёплом помещении четверть часа и успев выпить по кружке горячего травяного отвара с каплей креплёной настойки, да собрать скудный обед, состоящий из горсти съедобных корней и двух лоскутов вяленого мяса. Викле не собирался кормить нахлебников, пусть даже они охотятся на завёдшегося у его дома убийцу. Впрочем, его младший сын получил не больше.

— Это не настоящая облава, — сказал Некпре, когда они выбрались из-за стены. — Настоящая будет вечером, когда здесь соберётся человек двадцать. Пока же отец хочет его напугать.

— Его — это чужака? — спросил Хасл, возводя арбалет. — И вообще, я ни черта не понимаю — что за чужак, как он убил Керага?

Про убийство начинал рассказывать Жерев, но ещё в таверне, плача и сбиваясь через слово. В дороге же они почти не разговаривали — ужас, внушаемый Серым Зверем, не слишком-то располагал к беседе. Да и, честно говоря, Жерев — тот ещё рассказчик, он обычно только поддакивал Керагу.

— Чужак появился вчера вечером, — сказал Некпре, подумав. — В самую жару пришёл. Подошёл к стене и начал звать людей. Хотел купить еды. Но он был такой странный и страшный, что мы прогнали его, забросав камнями. Я его толком и не рассмотрел.

— Надо было его сразу убить, — буркнул лесоруб. — Мы отдыхали рядом, и я видел его — высокий, уродливый, весь в чёрном. Точно сама смерть.

— И это всё?

— Да.

— А как он убил Керага?

— Не знаю, — пожал плечами Жерев. — Мы остались ночевать у стены, иначе Викле потребовал бы с нас ещё дерева за ночёвку. Когда я проснулся, нашёл выпотрошенного Керага... — По лицу лесоруба заходили желваки.

— И это всё?

— Угу.

Хасл тяжело вздохнул и огляделся. И кого они ищут?

— Это не к добру, — мрачно проговорил Эрли, и все опять с ним согласились.

***

Внизу, под холмом, перед ними открылись Серые поля, поросшие одичавшей пшеницей и сорняком, местами заболоченные, местами покрытые лёгкой серой дымкой — испражнениями Зверя. У болота стояли развалины каменной мельницы, и ветер скрипел её обветшалым колесом, частично погружённым в болото. Впрочем, этих мест гнев Друга почти не достигал, и если бы не лёгкий туман, многие перебрались бы сюда. Хоть здесь и не водилась живность, а для постройки домов не было материала, одной пшеницы хватило бы, чтобы прожить — её можно выменять на что угодно. Но Зверь осквернил и эти места, иногда наведываясь сюда самолично.

— Горы, — сказал Некпре, тыча копьём в отвесную стену, отделяющую долину от остального мира. — Всегда смотрю на них и думаю — а что там?

— Ничего, Друг же говорил: всё погибло, — ответил Жерев. — Мы сюда не на горы смотреть пришли.

Хуторянин пожал плечами и принялся тыкать копьём в разные стороны:

— Откуда тогда появился чужак, если всё погибло? И что нам вообще здесь делать? Чужак не может спрятаться ни в болоте, ни в тумане, ни в поле. Нам нужно проверить только мельницу, но и туда человек в здравом уме не сунулся бы.

— Откуда ты знаешь, что он человек? И что у него есть ум?

— Тебе об этом судить ещё сложнее, — парировал Некпре.

— Да ладно? А чего ж ты тогда отцу не сказал, что здесь нечего делать?

— Сам-то со своим много спорил?

— Пошли на мельницу, — сказал Хасл, прерывая спорщиков. — Проверим её, а после всё-таки прочешем поле там, где поменьше тумана. Раз нам задали дело, нужно сделать его как можно лучше, так нам говорит Учитель.

Они выстроились в шеренгу на расстоянии десяти шагов друг от друга и зашагали к

мельнице. До неё было полмили, и люди не торопясь прошли это расстояние за полчаса. Поле как будто пустовало, и всё же Хасл хотел проверить все проходимые места, расположенные справа от мельницы.

— Пшеница всё мельче и мельче, — печально проговорил хуторянин уже у самой мельницы. — Скоро, говорят, совсем выродится.

— Нам-то с этого что? — фыркнул дровосек. — Я хлеб только во время посещения Друга ем, на Йоль. Это вы...

— Заткнись, — рыкнул Хасл. — Чуете запах?

— Болотом воняет, — сказал Эрли.

— Нет... как будто...

Они осторожно, один за другим, вошли на мельницу. От неё остались только три стены да груды камней, а среди завала то тут, то там торчали иссохшие кости, от которых пахло смертью и страхом. Когда-то здесь погибла уйма народу — десять или двенадцать человек.

Но сегодня на один труп здесь было больше. И этот не успел разложиться.

— Это чужак, — с облегчением в голосе сказал Эрли. — Можно возвращаться.

В голосе же Жерева сквозил нескрываемый ужас:

— Это не тот чужак, которого мы видели вчера.

— А даже если бы и он, то кто убил этого? — добавил Хасл, склоняясь над телом.

Над этим трупом неизвестный убийца издевался не так жестоко — разорвал лишь живот, выдрав желудок и кишки, да размозжил лицо. Этот удар в лицо, видимо, и убил чужака, а над требухой убийца работал уже после. Молодой охотник понял, что он чувствовал за запах — смесь испражнений и рвоты. Даже кровь почти не пахла, по сравнению со смрадом дерьма и не до конца переваренной пищи.

— Его убили пару часов назад, — сказал Эрли.

— Похоже на то.

— Эй, — крикнул Некпре, — смотрите, я нашёл его сумку. Здесь какие-то побрякушки... еда... котелок...

— Неси сюда, — приказал Хасл.

Они выпотрошили сумку рядом с трупом. Шило, нитки, одеяло. Твердокаменный хлеб, баклажка с чистой водой, полоска мяса. Огниво, котелок, нож. Такие вещи Хасл взял бы с собой, если бы собрался в лес на несколько дней. Да и одежда чужака (та, что не была изорвана и залита кровью) выглядела хоть и поношенной, но пригодной для долгой дороги.

Но нашлись в сумке и другие вещи — золотые и серебряные украшения, прекрасная гравюра, изображающая какую-то башню, золотое блюдо, и другие бесполезные побрякушки.

Это беспокоило. Очень сильно беспокоило. Плохо то, что им нужен Друг, нужен немедленно, а до следующего Йоля ещё две недели.

— Мне страшно, — тихо проговорил Эрли.

— Всем страшно, — отозвался Хасл.

— Здесь что-то ещё... — бормотал Некпре, шаря в сумке. — Вот, тут подшито...

Хуторянин извлёк на свет толстый кошель, в котором перекатывались монеты, и вещь, от которой по спине Хасла, да и всех остальных, прошёл могильный холод.

Чёрные кожаные перчатки с широкими раструбами, доходящими почти до середины предплечья.

Хуторянин вскрикнул, роняя и перчатки, и кошель.

— Что это?

— Перчатки, — сказал Хасл, сглатывая. Во рту сохло. Кружилась голова. Так, будто Зверь наведалься в гости, или пришёл Друг. Но рядом не было ни того, ни другого. — Забери кошель, а перчатки оставь здесь. От них пахнет дурной магией.

— А то я не почувствовал... — пробормотал Некпре, наклоняясь за кошелём.

— Я не хочу прочёсывать поле, — прошептал Жерев. Его глаза алчно поблёскивали, но в них читался и неподдельный ужас. — Давайте поделим деньги и уйдём.

— Деньги мы, конечно, поделим, — ответил Хасл. — Но сначала нужно всё-таки пройти по полю. Нас, в конце концов, четверо, и у нас много оружия.

На этот раз они шли плотной группой, опасливо оглядываясь по сторонам. Но, к собственному счастью, не нашли ничего, кроме мокрой травы и обрывков тумана. После они поделили деньги — каждому досталось по две с тремя четвертями кроны — и пошли обратно к холму. И каждый из них надеялся, что другая облава нашла и убила страшного чужака...

... в то же время понимая — они встретили бы его по дороге либо сюда, либо на хутор, а значит, он спрятался где-то в поле. Выходит, им ещё придётся вернуться сюда вечером.

Глава вторая. Вечерняя облава

К их возвращению на хутор вторая группа поисковиков ещё не объявилась. Вдоволь наревевшиеся бабы разошлись по собственным делам, а на приличном расстоянии от стола столпились дети разных возрастов. Их куда больше интересовали увечья, нанесённые Керагу, чем, собственно, смерть чужого им человека. Не бойся они, что труп может восстать, наверняка начали бы бросать в него камнями или что-то в этом духа.

Впрочем, у Хасла было предвзятое отношение ко всем хуторянам, кроме Миреки. Виной тому отец, в каждый удобный момент утверждающий: каждый житель хутора — злобное жадное говно, а не человек. Как иногда убеждался сам охотник, утверждения не были безосновательными.

— Нужно закопать труп, — сказал Хасл, обращаясь больше к Жереву, чем остальным.

— Закопаем, когда вернутся наши. Мы все должны присутствовать на похоронах брата.

Они разогнали детишек и устроились у стола, благо дождь закончился, а плотно утопанную землю и так-то почти не размочило, да ещё и ветер подсушил. Некпре сразу куда-то ушёл. Видимо, прятать деньги, чтобы отец не забрал — по дороге назад они сговорились ничего не рассказывать про монеты, оттягивающие им пояса.

— Как думаешь, Хасл, нужно рассказать об этом Другу? — спросил Эрли, засовывая в рот пару корешков, которые он нашёл по дороге.

— Думаю, надо.

— Он заберёт кого-то из стариков, если его вызвать...

— А что делать? Чужак может убить ещё не одного человека.

Жерев, удобно устроившись на своей куртке, похрапывал. Как будто это не у него друга убили...

— Надеешься, что Друг заберёт Викле? — шёпотом спросил Эрли. — Думаешь, не будет его, и тебе легче станет сосватать Миреку?

Хасл лишь слабо усмехнулся в ответ.

Да, он надеялся именно на это. Впрочем, на очереди мог быть трактирщик или старший из рыбаков — Эзмел. Всем другим было сильно меньше сорока лет, и уж они-то явно не будут противиться вызову Друга. В этом году осталось два Йоля, и если внепланово позвать Друга, до конца года не доживёт ни один из трёх стариков. Два из трёх, что на ближайший Йоль заберут Викле. Два из трёх, что после посещения Другом людей, Хаслу удастся заполучить Миреку, которой в этом году исполнилось семнадцать, и ей пришла пора выходить замуж. Хасл, которому было уже девятнадцать, два года ждал этого, понимая — ненависть его отца к Викле взаимна, и на Хасла эта взаимность тоже распространяется.

— Как думаешь, долго они будут ходить к озеру? — спросил Эрли громким голосом, как ни в чём не бывало.

— Ещё час, не меньше, — пожал плечами Хасл. — Туда дорога длиннее, да и мест, где можно спрятаться, больше.

— Так чего ты сидишь, олух? — прошипел охотник, кивая куда-то в сторону.

Хасл проследил направление и увидел, Миреку, стоящую рядом с баней, угол которой едва выглядывал из-за хозяйского дома. В руках девушки была полная кадушка мокрого белья. Поняв, что охотник увидел её, Мирека кивнула ему и сразу же нырнула за баню.

— Пойду до ветру схожу, — задумчиво проговорил молодой охотник. — Кажется, яма за баней?

— Наверное. Я по дороге успел сходить. Проверь сам.

— Вот и проверю.

Никого из взрослых баб не было, да и детей они напугали так, что те сбежали в один из маленьких домов. Кажется, никто его не видит... не увидит их...

У Хасла закружилась голова. Нырнув за баню, он увидел Миреку, ловко левой рукой развешивающую на шест портки, а правой прижимающую к боку кадку. Одним долгим взглядом он окинул её длинные волосы, узкую спину и широкие бёдра, икры, едва торчащие между юбкой и разбитыми башмаками с высокими голенищами, а, самое главное, её зад, готовящийся разорвать узкое платье.

— Тебе помочь? — спросил он, с трудом сглатывая булькающий в горле комок.

— Помоги... кадка тяжёлая... а в грязь ставить не хочу... — буквально исчезающим голосом произнесла девушка. О её скромности говорили все, и молодому охотнику эта черта характера нравилась.

Хасл забрал у Миреки кадку.

— Да это разве тяжёлая, — пробормотал он, не зная, что ещё сказать.

— Ты сильнее меня...

— Вот, смотри, могу поставить её на ладонь и держать на вытянутой руке. Не очень долго, конечно...

Мирека тихо рассмеялась в ответ.

Бельё заканчивалось с устрашающей скоростью, Хасл хотел поговорить с возлюбленной, но на ум не приходило ничего такого, о чём можно поболтать, хотя обычно он за словом в карман не лез. С другой стороны, ему было хорошо вот так просто стоять рядом с ней, и ничего другого не нужно...

— Всё... — сказала Мирека.

— Я отнесу кадку, куда нужно.

— Ты не знаешь, куда идти...

— Ты мне покажешь.

Девушка улыбалась, вытирая влажные руки о платье, которое от этих движений натягивалось на её груди, не слишком большой, но, как думал Хасл, крепкой.

«Если я сейчас не обниму её, то сойду с ума...»

Он уже обнимал её левой рукой — в правой болталась кадка — а его рот впился ей куда-то в нос: Мирека наклонила голову, не давая поцеловать в губы. Хасл бросил наконец кадку, ухватил правой рукой девушку за талию, прижал к себе изо всех сил. Его рот скользнул по её щеке, подбородку, нашёл, наконец, губы и на вечность остановился там.левой рукой охотник взял возлюбленную за ягодицы, правая скользнула к груди. Мирека сопротивлялась долю секунды, а потом расслабилась, давая шарить ему там, где вздумается.

«Если бы мы были наедине... в кровати... стала бы она сопротивляться? Как же мне забрать тебя к себе, в город?..»

С другого конца хутора слышался шум, и Мирека в один миг превратилась из мягкой податливой девушки в каменную статую.

— Отец...

Хасл отскочил от неё, будто его кипятком ошпарило.

— Я пройду за домом, а ты иди к яме — она с другой стороны бани...

Мирека исчезла, оставив Хасла тяжело дышать и сжимать в кулаки ладони, которые ещё помнили тепло её тела.

Поход к яме выглядел привлекательно — его мочевого пузыря на самом деле готов был лопнуть — но не слишком вероятно. Невольно вспомнилась история от Микке, который хвастал тем, что как-то раз обмочил верхний косяк собственной двери, стоя в двух шагах от порога.

Но воспоминания о причинах, которые привели его сюда, быстро сняли возбуждение. Нужно вызвать Друга, затем убить чужака, и тогда его счастьем быть.

***

— Мы нашли его, — говорил Викле, по виду очень довольный собой, — нашли, и загнали в Бергатт.

— Угу... — промычал Сверкле. У племянника Викле была бледная рожа, а правую руку стягивала окровавленная повязка, виднеющаяся из-под располосованного рукава куртки.

Зато с ними пришли четверо рыбаков и трое каменщиков. Значит, всего на хуторе собралось девятнадцать взрослых мужчин-горожан из двадцати пяти — остальные были в городе. В большом доме сейчас то тут, то там сидело пятнадцать мужиков, да ещё четверо несли караул на стене, хотя вряд ли чужаку пришло бы в голову сейчас соваться сюда.

С другой стороны, он мог попытаться сбежать откуда пришёл, а прийти чужак мог только от Шранкта, единственную дорогу на который перегораживал хутор Викле. Значит, важно его не пропустить.

— А что вы нашли? — с презрительной ухмылочкой спросил Викле у Хасла. — Не кучу ли своего говна, что со страху выронили по дороге? Твой папаша, как я помню, был храбрец из тех ещё.

— Мы нашли второго чужака, — сухо ответил Хасл. — У него было распоротое брюхо, как и у Керага. И убили его за пару часов до нашего прихода, выходит, часа четыре, может, пять назад.

— Так и есть, — кивнул Некпре. — Быть может, даже час.

— Не может быть, — покачал головой Эзмел. — Мы встретили чужака у озера... дай-ка прикину... три часа назад. Мы погнали его прочь, а потом встретили Викле. Мы-то просто хотели прогнать его с перепугу, но когда узнали о случившемся с Керагом, решили убить. Думали, что зажали его в ловушку, но он располосовал руку Сверкле и смылся в Бергатт. И, готов поклясться, он драпал по руинам так же быстро как я по ровному.

— Это был тот чужак, который ошивался вчера у хутора? — спросил молодой охотник у Викле. Старик медленно кивнул, по его скулам ходили желваки. Двое чужаков и неизвестный убийца под самыми стенами хутора, это действительно хреновые новости для хуторянина. Эта картина доставляла Хаслу удовольствие, но помимо этого он ощущал нарастающее беспокойство. И не только за Миреку.

— За час или два никто бы не добрался от Серых полей до озера, — озвучил Эрли мысль, которая сейчас была в голове у каждого. — Выходит, у нас тут не один чужак, а три. Кто знает, может, ещё больше. И никто не заметил, как они здесь появились? Это дурной знак, попомните мои слова.

— Быть может, чужаков всего двое, — предположил старший лесоруб. — Но это означало бы, что Керага и второго пришельца убил кто-то из наших.

— Невозможно, — в один голос сказали Викле, Жерев и ещё пара человек. После

короткой перебранки всё-таки пришлось признать, что лесоруб неправ — никто не мог бы совершить два убийства и не попасться, кроме того все лесорубы и хуторяне всё время были на виду друг и друга.

— Выходит, — продолжил Эзмел, — у нас завелось ещё двое чужаков. Один из них в Бергатте, а второй... где?

— Думаю, остался где-то в полях, — сказал Хасл. — Вчетвером мы не смогли бы прочесать всё как следует и за весь день.

— Не факт, — встрял Эрли. — Помнишь, я увидел по дороге сюда чёрную тень в развалинах? Того времени, что было у чужака, должно хватить, чтобы добраться с полей до Бергатта.

Лесоруб какое-то время думал, морща лоб. Но, что самое удивительное, помалкивал Викле, а рожа у него была такая, будто кот нагадил ему в молоко, и молодому охотнику это не нравилось. Чёртов старик что-то скрывал.

— Значит, у нас есть два живых чужака, в этом мы почти уверены, — начал рассуждать Эзмел. — Одного никто толком не видел, но сомневаться в его существовании не приходится. Второго мы загнали в город. Первый повинен в смерти человека и третьего чужака. Второй никому ничего плохого, вроде бы, не сделал. В любом случае, нам нужно избавиться от обоих. Вот только вопрос: от которого в первую очередь? Опасного, но неизвестно где спрятавшегося, или того, что ушёл в Бергатт там, где лес почти подступает к стене. Или разделимся на два отряда, чтобы попытаться убить обоих?

Все молчали, раздумывая. Потом заговорили всем скопом. После пятиминутного спора решили: облава нужна одна, но большая — так у жертвы будет меньше шансов уйти.

— Значит, решаем, кого мы ищем в первую очередь.

— Убийцу, — предложил Эрли первым. — Пока никто ещё не погиб.

— А я бы сначала выследил того, что мы загнали в Бергатт, — прошипел Сверкле, осторожно ощупывая раненую руку. — А когда поймал бы его, то как следует выпросил про другого — вдруг они друзья?

Разгорелся второй спор. А во время споров побеждает большинство. И, судя по крикам, выходило, что хуторяне уж слишком сильно хотят поквитаться с парнем, располосовавшим руку Сверкле, в то время как охотники и лесорубы собирались поквитаться с неизвестным убийцей. Рыбаки орали вместе со всеми, лишь Эзмел помалкивал, понимая, что решать придётся ему — как скажет он, так сделают рыбаки, а значит, и все остальные.

— Я предлагаю, — сказал наконец Эзмел, — идти к лесу, а потом пробовать пробраться в Бергатт. Уж лучше синица в руке, как говорится. Вытащим пришлого наружу, поговорим... Эту проблему решить проще. Что с убийцей... — Рыбак буквально просверлил взглядом Викле. — Я думаю, нам придётся вызывать Друга. В конце концов, кому-то из старших придётся отвечать за судьбу всех остальных. Если мы найдём ещё кого-то из наших людей с вспоротым брюхом, Другу это не понравится куда больше, чем причинённое ему беспокойство.

Викле сплюнул на пол и ничего не ответил.

***

Четырнадцать человек вышли из хутора; четверо остались у подножия холма, десять пошли к Бергатту: охотники, Жерев, рыбаки, каменщик и двое сыновей Викле. Сам хозяин хутора заявил, будто желает охранять дорогу с двумя оставшимися каменщиками и

лесорубом. Судя по тому, что сейчас на него работали дровосеки, Викле запланировал какую-то стройку или ремонт, а значит, старик собирается не столько охранять дорогу, сколько уговорить каменщиков работать на него за минимальную плату. Про своё благополучие этот засранец никогда не забывал, так Хаслу говорил отец.

Слова, которые сказал Викле об отце, заставили молодого охотника сжать кулаки и выругаться про себя. Хуже всего то, что старый ублюдок прав. Хасл плохо помнил тот день, когда Друг забрал отца, но неподобающее поведение родителя запомнил хорошо. Как всегда, что-то туманило ему воспоминания, и тот Йоль, который был почти уже три года назад, оставался смутной чехардой чувств — блаженства, боли, ненависти, отчаянья и вновь блаженства.

Хасл протянул руку к груди, но отдернул её. Не приведи боги, его ярость передастся Другу через метку магов.

Тем временем, отряд уже почти добрался до Бергатта. Погода совсем успокоилась, лишь редкие порывы влажного ветра напоминали об утренней буре. Возможно, завтра придёт весна или лето, и сегодняшний день станет дурным сном. Но для этого нужно поймать чужаков.

— Вот сюда он убежал, — сказал Эзмел, останавливаясь у одного из проломов в стене. — Предлагаю идти по двум улицам в четверти мили друг от друга. Я пройду чуть дальше со своими ребятами и Жеревом — он лучше помнит пришельца, — а вы, парни, идите по этой улице. Внимательно смотрите на проклятья Древних, возможно, в одном из них мы и найдём нашего чёрного чужака.

Жерев нервно рассмеялся:

— Надеюсь, ему вырвет кишки и оторвёт ноги.

«Бахвалится, — понял Хасл. — Возможно, в одном из них останется кто-то из нас, с оторванными ногами или без головы. Или, как это было с Мерше, несчастный будет умирать долго, превращаясь в иссохший ходячий труп».

Омерзение и страх, вызванные воспоминаниями о младшем брате трактирщика, решившим однажды найти монет на выпивку в руинах, заставили Хасла поёжиться. Когда он был мальчишкой, они с Эрли и ещё парой ребят частенько забегали за стену, но никогда далеко. Потому что тот, кто заходил далеко, не возвращался. В тот день Хоркле отказался наливать брату ещё кружку эля, заявив, будто тот пропил уже всё, на что наработал, и обиженный Мерше сказал, что пройдёт к руинам. Все кто был в таверне пошли следом, смеясь и подначивая пьяницу. Никто не боялся за него — все думали, трусоватый Мерше не сунется в Бергатт. Но желание выпить пересилило трусость. Мерше тогда прошёл два квартала, и все кричали ему, чтобы он шёл назад, кто-то даже обещал поставить выпивку за свой счёт. Но Мерше был туп и упрям как баран и шёл дальше и дальше, пока одно из уродливых деревьев, на которое он опёрся, чтобы отдохнуть, не загорелось. Тогда пропойца побежал назад, воя во весь голос. Так как он остался жив, и никаких ран на теле не оказалось, все посмеялись над ним и пошли пить дальше.

Но на утро у Мерше из глаз потекла кровь. К обеду его глазные яблоки иссохли и выпали, оставшись болтаться на стебельках. К этому моменту кровь сочилась у него из носа, ушей и зада. За следующую ночь кожа неудачника высохла и полопалась во многих местах, с его кистей слезло почти всё мясо. Мерше валялся голым на улице, прямо посреди города, мычал от боли, едва ворочая распухшим языком, из его рта текла сукровица. Никто не решался к нему подойти — проклятье могло перекинуться на любого. Его боялись добить

даже из лука. К вечеру второго дня у него лопнул пополам член, а из зада сочилась уже не кровь, а кровавая слизь. Он уже должен был умереть, но что-то сохраняло его жизнь ещё два дня. К тому времени тело пьяницы больше напоминало обтянутый обсохшим мясом скелет. Его сожгли на месте, забросав издалека сухими ветками, а пепел собрали лопатами и выбросили к руинам.

Друг тогда был в ярости, но никого не наказал, сказав, что пример Мерше отучит людей соваться в Бергатт. И какое-то время даже мальчишки боялись бегать на развалины древнего города.

— Главное, не лезть к Гневу Древних и не трогать деревья, — сказал кто-то из рыбаков, отвлекая молодого охотника от воспоминаний.

— Вообще ничего лучше не трогать, — отозвался Эзмел. — Ладно, пошли. Боги с нами, настоящими людьми, а не с чужаком, пришедшим из мёртвого мира. Подождите, пока мы выберем подходящую улицу, войдём в Бергатт вместе. Будьте внимательны — чужак не мог пройти далеко. А если и прошёл... каждый из вас помнит Мерше, а я могу назвать ещё пару имён из своей молодости.

Они разделились. А уже через пару минут Хасл перебрался через пробоину в стене, чувствуя, как по спине бежит холодная струйка пота. Как всегда его посетило ощущение, словно руины поглотили его и никогда не выпустят назад. Наверное, то же чувствовали те, кто уходил с Другом. Но Друг несёт благо, он единственный, кто может ходить по развалинам без вреда для себя, они же лишь жалкие детишки, осмелившиеся на кощунство.

Да, Бергатт сожрал всех их. Возможно, старый город когда-нибудь он схлестнётся с Серым зверем за право пожрать остальных, и свежие кости лягут на землю. Пока же люди осторожно ступали по развороченной брусчатке, усыпанной обломками камней. Жадные до солнечного света кусты тянули свои уродливые лапы кверху. Ветви деревьев, поросшие шиповидными листками, стелились по крышам, перебрасывались с дома на дом, практически не давая косым вечерним лучам упасть на каменные стены и дорогу. Кустарник разрывал брусчатку, впивался в стены, забирался в окна, обвивал деревья, но те оказались слишком сильны, чтобы пасть под натиском братьев-карликов. Люди шли сквозь тёмный коридор из серого камня, на котором лишь изредка можно было рассмотреть старую краску, и тёмно-коричневой растительности. Мрачные тона навевали тёмные мысли.

Но ещё более тёмные мысли пришли к ним вместе с другими цветами — бело-жёлтым и зеленовато-синим. Бело-жёлтыми были кости, высушенные солнцем и обмытые дождями. Они лежали везде, переломанные, раскрошившиеся от старости. Где-то виднелись целые скелеты, каким-то образом сохранившиеся за долгие десятилетия, где-то лишь фрагменты и обломки, а местами кости громоздились кучами. И везде: под костями, над костями, среди костей, в кустах, посреди камней, у входов в дома, внутри темнеющих развалин, на крышах и в пересохших фонтанах; в любом месте, где была хоть крупинка железа, серебра, бронзы, меди, свинца или золота, тревожно и пугающе светились проклятья Древних.

Здесь, на окраине Бергатта, их оставалось не так уж и много: большая часть исчезла со временем, некоторые впитались в деревья, а другие обезвредили несчастные вроде Мерше — кто-то унёс с собой в город, а кто-то остался здесь свежей грудой костей. Но дальше, буквально в двух кварталах, сияния становилось всё больше, оно приобретало красные оттенки, а воздух дрожал от готового вот-вот высвободиться напряжения.

— Надеюсь, мы найдём чужака быстро, — помертвевшими губами проговорил Хасл.

— Перчатки, помнишь перчатки? — медленно произнёс Эрли. — Они пахли мёртвыми

людьми и мёртвой магией. Здесь пахнет так же.

Молодой охотник кивнул, тиская мокрыми ладонями арбалет с наложенной стрелой. Да, друг прав. Неужели чужак мог найти их здесь? Кроме как в Бергатте искать барахло нигде...

... но если найденный ими чужак был в Бергатте... как он мог пройти от Серых полей до руин незамеченным стражей, которую Викле всегда выставляет у своего хутора? И ведь второй чужак искал еду у хутора. Пусть мимо пройти ему бы и не удалось, но...

... но мысль ускользала от Хасла. В его голове вновь засел туман, будто бы он пытался вспомнить тот день, когда Друг увёл отца, а тот кричал, кричал и вырывался...

Сапоги Хасла ступали по неровной мостовой, давили редкие стебельки травы. Всё труднее становилось дышать, пот стекал ручьём по его вискам и лбу, норовил затечь в глаза. А ведь им надо смотреть в оба...

— Видите кого-нибудь? — спросил Зерв. От звуков его голоса молодой охотник едва не нажал на крючок арбалета.

— Нет, — буквально прошелестел Эрли, — а мы уже два квартала прошли.

— Он мог уйти куда угодно... — сказал каменщик. — Зря мы вообще сюда сунулись.

— Но мы должны были его напугать, — проямлил Некпре.

— Расчёт был на то, что чужак уже умер, — обрезал старший сын Викле, — а мы либо должны найти его труп, либо напугать так, чтобы он побежал прочь из города, либо угодил в ловушку Древних.

Они остановились, поглядывая по сторонам. Идти дальше — самоубийство, проклятья ждали их на каждом шагу. Кустарник рос так густо, что пробраться через него не представлялось никакой возможности. Да и стены домов буквально склонялись над дорогой, а ветви стелящихся по ним деревьев тянулись через улицу, словно хотели сцепиться в яростной драке.

— Пошли на другую улицу? — предложил Некпре. — Дальше всё равно не пройдем.

— Пошли, — согласился Хасл, а Зерв пожал плечами и первым двинулся по перекрёстку к отряду Эзмела.

Хасл быстро обогнал своего — как он надеялся — будущего родственника. Арбалетчик должен идти впереди облавы...

В развалинах Бергатта можно найти не только деревья, камни, кости и злую магию. Была здесь и каким-то чудом пережившая гнев Древних живность, которой удалось приспособиться к новой жизни. Хасл едва не вляпался правой ногой в подрагивающий студень, медленно тянущийся по брусчатке. Рассмотрев тварь поближе, молодой охотник сплюнул и выругался — внутри полупрозрачного слизня растворялись большие жирные пауки. Как назло в эту же секунду ему на лицо опустилась липкая и очень крепкая паутина, свисающая с одной из ветвей. Арбалетный болт отскочил от мостовой, высекая искру, и покатился по дороге.

— Хасл, мать твою!

— Да сними эту чёртову паутину с моего лица!

— Сам снимай!

Трясущимися руками Хасл очистил лицо. Его тошнило. Ноги подкашивались.

— На паутинах проклятья не задерживаются, — успокоил его каменщик. Хасл не стал говорить, что он просто боится пауков, а прикосновение паутины для него хуже калёного железа.

— Трусилка Хасл, — протянул Зерв. — Арбалет-то подбери.

Охотник с трудом справился с желанием толкнуть ублюдка в ближайший дверной проём по верху которого крепилась, слабо поблёскивая синим отливом, ржавая стальная полоса.

Студень тем временем, подрагивая и чмокая, вползал в щель между древесным корнем и валуном, выдранном, должно быть, из какой-то скалы — для постройки такие большие камни вряд ли кто-то бы использовал. Впрочем, кто их, Древних, знает, что они строили и как. Что в этой щели — гнездо слизня или кладка какой-нибудь незадачливой паучихи — Хасл знать не желал. Он трясущимися руками подобрал арбалет и кое-как его взвёл, вложив второй из шести болтов.

— Эй! — послышался издалека крик Эзмела. — Ты кто?

И тут же:

— Вот он, вот он! Лови его! Он к вам бежит! К вам!

Зерв и Эрли бросились дальше по улице, спустя пару секунд каменщик и Некпре побежали следом, а внезапно абсолютно успокоившийся Хасл как следует прицелился из арбалета. Пусть бегают, ему будет достаточно одного выстрела.

Наконец охотник увидел первого в своей жизни чужака. Он отличался большим ростом, имел чёрные крылья за спиной и невероятно уродливое лицо — оно казалось пустым, как коленка, хотя и рот, и нос, и глаза, и уши вроде были на своих местах. Хасл пустил болт в чужака, едва не зацепив кого-то из своих. Но арбалет не лук, охотник пользовался им чуть ли не в первый раз, потому промазал по уроду, несущемуся навстречу Эрли.

Поняв, что его зажимают с двух сторон, чужак метнулся влево, намереваясь бежать прочь из руин. Хасл с удивлением понял — за спиной у чужака развеваются не крылья, а полы странного по крою плаща. В тот же момент охотник выпустил ещё один болт, и снова мимо.

— Он уйдёт! — взвизгнул Некпре.

Но нет, бежать чужаку было некуда — по той улице, куда он собирался смыться, ему навстречу вышли двое рыбаков, вооружённые мечами. У пришельца же в руках, затянутых в знакомые чёрные перчатки с широкими раструбами, была только широкополая шляпа да кривой длинный нож. Его почти перехватили, когда он повернул назад, но прыткостью чужак отличался не меньше, чем ростом — он каким-то образом успел проскочить схлопывающуюся с трёх сторон ловушку и самоубийственно метнулся в единственно доступном направлении. То есть вглубь Бергатта.

— Ты же сдохнешь, идиот! — рявкнул Эзмел.

Чёрного это не остановило. Он перескочил вздыбившуюся мостовую, увлекая за собой потоки мелких камней, скатился к полуразрушенному двухэтажному дому, каким-то чудом миновал полыхающую проклятьями грудю железа и костей и ужом пролез сквозь заросли кустов.

— Он в ловушке! — с хохотом крикнул Зерв, с видимым трудом поднимаясь на грудю камней, костей и земли, которую чужак так легко перескочил несколько секунд назад. — Дальше ему не уйти!

Его смех остановился так же резко, как и начался. Из руин прилетело латунное блюдо, ударившее старшему сыну Викле в грудь. Хасл успел заметить, что снаряд отливал светло-зелёным... долю секунды... потому что в следующий миг он окрасился красным, и Зерв завизжал. Завизжал в то же время, пока глухое эхо его смеха ещё катилось по коридору

камня и дерева.

Хасл упал на колени, роняя невзведённый арбалет и крюк на камни. Его голова разлеталась на части. Не только его голова, но и весь мир... вот-вот... воздух звенел... Хасл закричал и сжал виски ладонями, сжал из всех сил, боясь, что его череп просто разлетится на части.

Зерв визжал (визжало его эхо — сам Зерв был уже мёртв), в разные стороны хлестала его кровь, лёгкие вздувались, выбираясь наружу сквозь переломанные и развороченные рёбра. Хуторянин сделал два шага вперёд и неуклюже завалился на кучу костей и ржавчины, которую так ловко миновал чёрный чужак.

Напряжение, повисшее в воздухе, разрядилось, и мир лопнул пополам. Вверх, в стороны разлетелись груды щебёнки, осколки железа, костей и то, что ещё несколько секунд назад было Зервом. Груда проклятий, секунду назад покоящаяся на ржавом металле сплетёнными змеями и мерцающими печатями, расцвела всеми цветами радуги, и по улице прошёл вихрь. Высвободившаяся магия плетью хлестнула по улочке, разбивая в щепу деревья, громя стены и разметая жёлтые кости в пыль. Дом, в котором укрылся чужак, рухнул, по его развалинам прошла искра, перекинувшаяся на соседнее здание. Спустя несколько мгновений здания уже пылали. Удушливый чёрный дым смешался с тучами пыли, поднятыми рухнувшими стенами. На и без того мало освещённую улицу будто опустилась безлунная ночь, и лишь рыжие обрывки пламени позволяли рассмотреть хоть что-то.

Дым и пыль поползли по Бергатту, накрыли стоящего на коленях Хасла и начали душить, душить, душить. Залезли в нос, рот, лёгкие, начали выжигать глаза. Зато прошла головная боль. В голове стояло ясно как никогда...

Где-то в глубине руин тяжело ухнул взрыв от ещё одной магической вспышки. Чудовищный скрип практически выдрал Хаслу ушные перепонки. Горячий воздух, распространяющийся по узким улицам Бергатта, опрокинул охотника навзничь. На миг тяжёлые клубы дыма рассеялись, но практически сразу же чёрная пелена заполнила собой всё пространство. Отравленный магией дым выворачивал лёгкие, Хасл закашлялся, раздирая пальцами горло.

— Вставай, идиот! — прорычал кто-то рядом и рванул охотника за куртку, поднимая на ноги. — Бежим, бежим, бежим!

Хасл выблевал всё содержимое желудка на своего спасителя и заковылял следом. В голове крутилась одна мысль: как можно быстрее выбраться из руин и там начать кашлять так, как не кашлял никогда, лишь бы выдавить из лёгких проклятый дым. Мог бы охотник разорвать себе грудную клетку, он бы сделал это, но лёгкие очистил.

Рядом бежали тени, совершенно не похожие на людей, но охотник знал, что это друзья. На миг перед ним появился Эрли, зажимающий ладонью рану на щеке, в двух шагах слева ковылял Некпре, сильно припадая на правую ногу. Судя по резкому запаху рыбы, его тащил кто-то из рыбаков. Накатившая рыба вонь едва не вызвала второй желудочный спазм, Хасл едва сдержал его. Охотник старался не дышать. Лёгкие горели, отравленный дымом воздух давил на горло, стараясь вырваться наружу тяжёлым приступом кашля, но если он сейчас закашляется, то упадёт на мостовую, и, задохнувшись, останется здесь навсегда.

Спустя сотню лет его вышвырнули в пролом в стене. Хасл упал в лужу, скользнул по грязи ладонями, окунулся лицом в липкую землю, но, извернувшись, выбрался на сухую траву и принялся кашлять, сплёвывая мокротой и остатками еды, застрявшей в горле.

— Эк его продрало, — сказал Эзмел, стряхивая с одежды рвоту смешанную с чёрной

копотью.

Да, больше никто так сильно на чёрный дым не отреагировал, лишь пара человек покашливала в кулаки. Того же Эрли куда больше беспокоила ссадина щеке. У самого молодого охотника саднили колени, но в тот момент ему на это было плевать. Способность дышать возвращалась с огромным трудом, но всё же возвращалась, а значит, вряд ли он подцепил какое-то проклятье, иначе оно его уже задушило бы.

— Мы потеряли кучу оружия, которое дал нам Викле, — медленно проговорил старый рыбак, оглядев потрёпанный отряд, — ещё мы потеряли сына Викле. Сомневаюсь, что старик обрадуется. Но могу сказать одно — вряд ли чужак переживёт то, что сейчас происходит в Бергатте. Выходит, своей цели мы добились, пусть и заплатили втридорога.

Над руинами дрожал воздух, кое-где поднимались клубы едкого дыма, и всё же взрывы больше не повторялись. Люди кое-как приводили себя в порядок и проверяли свою одежду и оставшееся оружие.

— Остался ещё один, и мне это не нравится, — угрюмо сказал Эрли.

Хасл набрал, наконец, полную грудь воздуха и медленно его выдохнул, пару раз едва сдержавшись, чтобы не закашляться.

— Мне кажется, он всё ещё жив, — просипел молодой охотник. — Не могу понять, почему, но я почти уверен в этом.

— Чушь всё это, — отмахнулся Эзмел. — Кто сунется сейчас на руины, костей не соберёт.

— Почему-то мне кажется, что этот чёрный урод как будто родился среди руин — слишком он свободно там двигался. Мы ведь не знаем, как он выжил там, в Мёртвом мире.

Судя по выражению лица, даже Эрли не верил ему, хотя уж он-то должен был заметить какой-нибудь дурной знак. Остальные и вовсе подняли бы охотника на смех, если бы не были так подавлены из-за смерти хуторянина и разбушевавшегося в Бергатте Гнева Их.

— Пошли, — махнул рукой старый рыбак, — нужно принести Викле печальные вести, а потом думать, как поймать убийцу. Но уже не сегодня.

Они ушли, а Хасл остался на месте, его не смущал даже могильный холод, который тянулся к нему от Серого зверя. В какой-то момент ему показалось, будто он заметил какое-то шевеление среди развалин, но то была лишь длинная тень, отбрасываемая Башней Друга.

— Хасл! — крикнул Эрли.

— Иду, иду...

Охотник принялся догонять отряд, чувствуя, как его спину буравит злобный взгляд. Обернувшись, он так никого и не увидел.

Глава третья. Ночная охота

Начался мелкий моросящий дождь. Не магический, который часто вызывает Друг из Башни, чтобы Серый зверь не сполз со своей лёжки на землю людей, а обычный, падающий из серых туч, собравшихся на небосводе.

— Завтра тоже будет осень, — медленно сказал Эрли. Он морщился, ощупывая ссадину. — А у меня будет новый шрам.

Они шли вдвоём, отстав от остальных на добрую сотню шагов. Хасл едва передвигал ноги — у него время от времени темнело в глазах, да и разбитые колени начинали неприятно ныть.

— Будто первый, — отозвался Хасл. Его не покидали дурные предчувствия. Чувство, будто за ним кто-то наблюдает, тоже никуда не делось.

— Да мёртв он, мёртв. Не может же он как Друг ходить по развалинам.

Хасл кивнул, но не слишком уверенно.

— У него на руках были перчатки, вроде тех, что мы нашли в сумке у мёртвого пришельца.

Эрли дёрнул плечами.

— Значит, что они, возможно, пришли вдвоём, и теперь оба мертвы. Нам осталось только выследить убийцу Керага.

— Твою мать, Эрли, ты всегда предсказываешь неминуемую гибель всему живому, а сейчас не видишь всех этих дурных знаков, связанных между собой? Как чужаки прошли сквозь Шранкт? Не там ли они собрали всё то барахло, которое мы нашли в сумке погибшего? Помнишь, что перчатки воняли трупами и проклятьями? И как, мать твою, чёрный чужак схватил блюдо с проклятьем? Его же порвать на куски должно было!

Хасл остановился, тяжело дыша и стискивая кулаки. Его едва не скрутил ещё один приступ кашля. Эрли встал рядом, и угрюмо исподлобья уставился на друга.

— И что, по-твоему, я должен сделать? Подойти к каждому и сказать: завтра к нам придут две сотни чужаков в чёрных перчатках и начнут грабить Бергатт? Я не верю, что такое может произойти. Мы единственные, кто выжил. Ладно, не единственные, иначе чужаки не появились бы, но те единицы, что ещё слоняются в Мёртвом мире, никакой опасности не представляют. И знаешь, что? Пусть приходят. Хоть две сотни, хоть три. И идут в Бергатт. Я буду смотреть, как они умирают, и смеяться. Пришли двое, и они мертвы. Придёт сотня, и они тоже сдохнут. Только Друг может ходить сквозь руины без вреда для себя, и точка. Друг говорил, что от старой цивилизации остались только мы, значит, так и есть, и других чужаков не появится ещё долго. Потому что так сказал Друг.

Эрли добавил к своей речи пару крепких ругательств и поспешил за рыбаками, чьи спины уже исчезали за поворотом стены. Сгущались сумерки, и никто не хотел остаться ночью рядом с Серым Зверем. Эта мысль немного отрезвила Хасла, и он тоже заторопился.

Его мысли совершенно неожиданно метнулись совсем в другую сторону. Если у Викле погиб старший сын, то его жена, дети и дом доставались в наследство Некпре, значит, никого из городских женщин он брать в жёны не будет. На одного мужчину на хуторе стало меньше, что даёт уже на два взрослых человека меньше, чем ожидалось. Выходит, старик за оставшееся ему время попытается сделать так, чтобы сосватавший Миреку остался вместе с

ней, а не увёл её в свой дом, в город. Иначе взрослых мужчин на хуторе не будет хватать для работы.

«И что? Пока старик жив нашему счастью не бывать, а без него жизнь на хуторе даже среди всего этого сброда не будет настолько дерьмовой. Некпре не такой уж и мудака, чего не скажешь о его дядьке...»

Нет. Раз Хасл решил во что бы то ни стало жениться на Миреке, он это сделает. Ничто не сможет стать между ними.

До охотника донёсся вопль ярости. Кричал Викле. Ему стало жаль старика. Смерть наследника — большое горе, такого не пожелаешь и врагу. У него, конечно, остался младший сын, но Некпре слишком молод — ему восемнадцать, а через Йоль ему придётся брать управление хутором в свои руки, живя с нелюбимой женой и чужими детьми. Надежда разве что на дядьку, который поможет... или захочет переехать в хозяйский дом...

«Мне нужно поговорить с Кралтом, обязательно».

Когда Хасл пришёл к месту засады, Викле стоял посреди круга людей и, обхватив голову руками, раскачивался из стороны в сторону.

— Как вы могли такое допустить? — выли он. — Как?

— Каждый мог погибнуть, — резко сказал Эзмел. — Твой сын повёл себя храбро, но безрассудно, за что и заплатил.

— Не-ет, не-ет, — зашипел Викле, — я знаю своего мальчика, он не мог погибнуть просто так. Чужаку наверняка кто-то помог! Где выродец Варла? Где этот ублюдок?

— Я здесь, — отозвался Хасл, твёрдо встречая полный ненависти взгляд Викле. — Любой подтвердит, что Зерв сам сунулся за чужаком и нарвался на проклятье.

— Это правда, — кивнул Эзмел. — Твои обвинения беспочвенны, это скажет любой, хоть перед лицом Друга. То, что вы с Варлом когда-то передрались из-за давно мёртвой бабы, на ваших сыновей не распространяется.

— Может, мне ещё извинится перед ублюдком? — едва не проревел хуторянин.

— Не помешало бы.

Старики какое-то время сверлили друг друга глазами, пока Викле не взвыл от горя и не отвернулся.

— Не обращай внимания, — шепнул Эрли на ухо Хаслу.

— Угу.

— Шёл бы ты домой, Викле, — сказал Эзмел. — И Некпре с собой возьми. Предайтесь горю, а мы пока подумаем, что делать дальше.

Викле сидел на камне, спрятав лицо в ладони, и молчал. Тогда к нему подошёл младший сын и, обняв за плечи, поднял на ноги.

— Пошли, отец.

Они начали взбираться по тропе, а через несколько секунд их сгорбленные фигуры загородил старый рыбак, завладевая вниманием каждого из оставшихся.

— А нам нужно думать, что делать дальше. — Эзмел перевёл взгляд на Хасла. — Я краем уха слышал ваш спор. Ты говорил, что у чужаков было что-то общее?

Хасл высказал все свои догадки. Рыбак слушал его очень внимательно, время от времени кивая.

— Что ж, выходит, у нас остался только неизвестный убийца, — сказал он, когда охотник закончил. — И по твоему мнению, он спрятался где-то в Серых полях. Мне думается так же. Но скоро закат, а на поля ночами иногда приходит Серый Зверь. Я предлагаю всем

нам переночевать вблизи хутора. Разделимся на два отряда. Один, большой, устроится у тропы к полям, а маленький пусть сторожит эту дорогу. Я в это не слишком-то верю, но чёрный чужак действительно мог выжить. В этом случае он наверняка попытается бежать — мы ведь дали ему понять, что его здесь никто не ждал.

— Это уж точно, — буркнул кто-то из рыбаков.

Дождь закончился, но тучи никуда не делись, замерев на небе, словно их гвоздями приколотили. Сквозь серую хмарь практически не проникали солнечные лучи, а в сгущающихся сумерках и вовсе почти ничего не получалось рассмотреть. Какое-то время они решали, кому сторожить какую дорогу. В конце концов, каменщики остались на тропе, ведущей из города, а остальные направились к Серым полям. Уже наступила ночь, когда они расположились в полуразрушенной постройке неизвестного назначения, испокон веков стоящей у тропы, и съели скудный холодный ужин.

— Сторожим по двое, — приказал Эзмел и вызвался дежурить первым вместе с одним из своих людей.

Было ещё достаточно тепло, чтобы ночевать на улице без костра, а среди развалин нашлось достаточно сухих уголков, чтобы шесть человек устроились в них спать. Хасл закутался в свою куртку и с воспоминаниями о Миреке провалился в сон.

***

Чёрная фигура, отдалённо напоминающая человеческую, скользнула между камнями. Нечто, пробирающееся по склону холма, казалось слишком высоким для человека и двигалось слишком быстро, у него была горбатая спина, с которой свисали кожистые крылья, и заметивший его человек решил, что это просто ночной кошмар. Сонный каменщик закрыл глаза, а открыв их снова, никого не увидел. Его товарищи спали в паре шагов слева, как ни в чём не бывало, кажется, им кошмары не снились. Потому-то снова всё как следует оглядев и никого не увидев, каменщик закрыл глаза и вжался в сухую щель между двумя валунами. Через секунду он уже спал.

Он не видел, как рядом со спящими «стражниками» появилось то уродливое чёрное существо, постояло какое-то время, играя в правой руке длинным кривым ножом, а после, убедившись, что ему никто не мешает, двинулось в сторону Серых полей.

Каменщики спали, и только один из них видел кошмары о чёрном существе, загнавшем его в руины Бергатта. Но, так как он очень устал, даже это не могло его разбудить.

***

— Просыпайся, твоя очередь, — прошептал Эзмел, тряся Хасла за плечо.

Молодой охотник не спал уже некоторое время, с того момента, как рыбак решил его разбудить, но лежал с закрытыми глазами, пытаясь хоть на пару секунд задержаться в той сладостной дрёме, в которой ему грезились Мирека без платья в его кровати. Странно, но Хасл всегда просыпался в тот момент, когда что-то вот-вот могло помешать его сну, без разницы, будто то Микке, решивший сыграть с ним шутку, или птица, собирающаяся через секунду шумно взлететь. Об этой его особенности знал только отец. Вернее, благодаря отцу о ней не знал никто: когда Хасл рассказал ему о своей манере пробуждаться, он строго запретил говорить об этом кому бы то ни было.

— Большую часть времени ты среди друзей, — пояснил отец. — Но когда-нибудь может оказаться так, что рядом окажется враг, и, возможно, он решит подстроить тебе ловушку во

сне или вообще попробует убить, и ему будет невдомёк, что ты уже не спишь и готовишь ловушку ему.

Пока никто убивать Хасла не пытался, но совета отца он никогда не забывал.

— Кого ещё будить? — шёпотом спросил он, зевая. Время, кажется, уже перевалило за полночь, значит, он спал часа четыре.

— Никого. Мне сегодня не спиться. С возрастом после волнений засыпать становится всё сложнее.

— А.

Охотник и старик уселись у пустого дверного проёма приютившей их развалюхи.

— Кажется, что совсем не хочешь спать, а назавтра весь день мучаешься. — Эзмел какое-то время помолчал, а после горько усмехнулся. — Но, возможно, завтра нам придётся позвать Друга, и, если наступит моя очередь, спать мне больше никогда не придётся.

— Никто не знает, что бывает с теми, кого уводил Друг.

— Кроме того, что они никогда не возвращаются.

Теперь настала очередь горько усмехаться Хаслу.

— Наверное, поэтому мой отец плакал, валялся у него в коленях и просил пощадить.

Какое-то время Эзмел молчал, но после паузы всё же осторожно произнёс:

— Думаешь, лучше бы он взбесился, как Ульме?

— Ульме был трусом, всегда. Мой отец — нет. К тому же, Ульме даже не дождался прихода Учителя.

— Я видел людей, которые вели себя и похуже, когда Учитель призывал их. Один даже пытался напасть на него, но это было очень давно, двадцать три года назад.

— Не скажу, что это меня сильно успокоило.

— Тебя и не должно. Это был твой дед.

— Никому об этом не рассказывай.

— Я и не рассказываю. Ни я, ни Хоркле, ни Викле. Друг, определённо, благо для нас людей, без него нас давным-давно пожрал бы Серый Зверь, или какое-нибудь древнее зло вырвалось бы из Бергатта, и кто знает, что ещё могло остаться в Шранкте. Но, на самом деле, никому не хочется уходить с Другом. Здесь слишком много дел — дети, внуки, работа, друзья... те, что не успели уйти. Тебе проще, ты молод, те, кто ушли, для тебя лишь полужнакомые старики.

Хасл не знал, что ответить, поэтому промолчал, так ему всегда советовал отец. Но ночь была слишком тихой и спокойной, а его гнело любопытство.

— Ты говорил, что отец с Викле поссорились из-за женщины.

— Зря я это сказал, — прямо ответил Эзмел. — Но раз я уже проболтался об этом, а ты спрашиваешь, я должен всё рассказать до конца. Слушай, и думай, как бы не сделать так же плохо.

Твой отец старше Викле на четыре года, но так уж вышло, что им нравилась одна девушка, а она была ещё на год младше Викле. Варл уже тогда был умным и удачливым человеком, я, откровенно говоря, тогда разве в рот ему не смотрел, да и многие из молодых — тоже. Но когда дело доходило до Миреки, ему как будто мозги отшибало. Потому что сама она отвечала на ухаживания Викле, а от отца твоего не приняла ни одного подарка. Ему это очень сильно не нравилось, а Викле, которого как хуторянина и так никто не любил, ему не нравился ещё больше.

Хорошо это кончиться не могло. Оно и не кончилось. Не знаю точно, как было дело,

знаю только итог. Твой дед, кстати, тоже Хасл, и родители девки сговорились выдать её замуж за Варла, чтобы та не ушла на хутор. На следующий день после третьего Йоля кто-то так отлупил Викле, что тот на сватанья не появился, а Варл насильно взял в жёны Миреку. Через четыре дня бедняжка повесилась. На отца твоего потом ещё года два страшно было смотреть, как он переживал... но случилось и ещё кое-что.

На следующий Йоль после свадьбы Викле и семья девки всё рассказали Другу, да ещё и выставили так, что кругом виноваты только Варл и Хасл. Друг очень сильно разгневался, но сразу наказывать никого не стал, сказав только, что тот день, когда он заберёт их к себе, они запомнят надолго. Потому твой отец и боялся уходить с Другом.

Потому, парень, так не любит тебя Викле, да и, наверное, вся его семья. И, поверь, все догадываются, почему ты никого из девок ещё не сосватал. Не знаю, что ты собираешься делать, но если...

— Нет! — резко сказал Хасл. — Подобного не повторится. По крайней мере, мы любим друг друга.

— Тише-тише, парень. Просто знай: Друг хоть и несёт всем благо, но может сделать так, что его прихода ты будешь ждать как худшего в своей жизни момента. А теперь, — Эзмел так сильно понизил голос, что охотник едва различал его слова, — глянь-ка туда, не видишь чёрный силуэт среди камней?

Хасл напряг зрение и почти сразу заметил крадущегося чужака. Того самого, которые «погиб» в Бергатте. Молодой охотник потянулся за ножом, но Эзмел положил на его локоть ладонь.

— Он идёт в поля, — буквально прошелестел старик, — пусть идёт, дорога оттуда одна, а вдвоём мы ему помешать не сможем, только вспугнём, и ищи его потом, видел я, как он бежит. Кто знает, может, он встретит там убийцу, и одной проблемой станет меньше. В любом случае, назад мы никого из них не выпустим.

Хасл проследил за тем, как чужак бесшумно скользнул вниз по склону и растворился в ночной темноте.

— Иди спать, парень. Поспи ещё полчаса, а потом будем поднимать остальных.

— Что-то мне сегодня тоже не спится, — покачал головой охотник.

— Как знаешь. Остаток ночи поспать не получится.

— Я и не собираюсь. Но прежде чем всех будить, нужно проверить каменщиков, кабы с ними ничего не случилось.

— А ты мозговитый парень, в отца. Подожди пару минут и иди, а я пока подготовлюсь к встрече.

***

Через час они собрались у тропы, злые и не выспавшиеся. Каменщики, которым следовало бы повиниться, наоборот, злились больше всех. Один даже принялся уверять Хасла с Эзмелом, будто им на посту привиделся кошмар, мол, он сам видел сон про чёрное горбатое чудовище с крыльями.

— Так это чужак из развалин, идиот! — прошипел Хасл.

Каменщик заткнулся, но друзья его всё равно продолжили возмущаться.

— Заткнулись! — рыкнул в конце концов Эзмел. — Берём оружие, какое осталось, и одним отрядом идём к полям. Одиннадцать человек легко справятся с одним чужаком, даже когда не выспались.

Заморосил холодный дождик. Облава медленно и шумно спускалась по холму вниз. Хасл готов был убить каждого из них. С другой стороны, их шум запросто мог напугать чёрного, и, если он захочет спрятаться в полях, до рассвета драться им не придётся. Молодой охотник сказал об этом вслух, но его попросили заткнуться.

Хасл шёл по скользким камням, пытаясь сквозь сопение, ворчание и вздохи товарищей услышать шаги или дыхание чужака. Возможно... Нет, хватит гадать, просто нужно быть наготове. Охотник держал правую руку на ноже, но на самом деле готовился как можно быстрее схватить лук и натянуть тетиву — он был в этом лучшим. Хотя, конечно, большого опыта стрельбы в кромешной тьме у него не так уж и много. Если б не дождь, он достал бы лук сразу и шёл с наложенной на тетиву стрелой, тогда от него даже мышь не прошмыгнула бы — даже в такой темноте...

— Стойте, — сказал Эзмел. — Дальше пока не пойдём.

Они остановились в полутора сотнях футов от того места, где каменистый холм переходил в плоскую покрытую травой равнину. Здесь холм резко обрывался, давая разницу в высоте в два десятка футов, не считая того места, где шла тропа — она спускалась более плавно, и не сказать теперь насыпали ли её древние, или это просто особенность рельефа.

Люди напряжённо всматривались в темноту перед ними. Серого Зверя на такой высоте можно не бояться, а вот чужак мог появиться в любой момент. Но не сунется же он прямо к ним в руки?

— Зверя как будто нет, — проговорил Хасл. — Может, спустимся? Или будем стоять здесь всю ночь?

— Я предлагаю выставить стражу, а остальным лечь спать, — предложил кто-то из каменщиков.

— Под дождём? — фыркнул кто-то в ответ.

— Вас-то только на стражу ставить, — добавил Эрли.

— Да не сунется же он против одиннадцати...

— ... он же не человек...

— ... да хрен с ними с хуторянами, я бы подождал, пока всех мужиков поубивают, а сам пошёл бы к бабам...

— Да, бабы там сочные, а мужики все — говно...

— ... в жопу Викле, пусть сам ловит...

— ... трахнул бы раз пять подряд...

Хасл всматривался в поле, будто спрашивая у него, куда подевался чужак. Поле молчало... но в то же время как будто и хотело ответить ему — чёрные застывшие стебли пшеницы словно были направлены в сторону охотника. Они пронизывали его тело, метку Друга на груди, вонзались в его глазные яблоки дальше и дальше, проникая в стебельки глаз; проходили насквозь, проползая сквозь уши, окутывая ушные перепонки; заходили под кожу, затрагивая каждый нерв на подушечках пальцев и в ступнях; шершавые колосья скребли по его языку, ввинчивались в дёсны, оставляя во рту лёгкий привкус грязной воды и тлеющей травы. Каждый угнетённый магией росток пшеницы стал частью Хасла, его зрением, нюхом и осязанием. Так изредка бывало с ним на охоте, и никто, даже отец, не знал об этом. Но сегодня они охотятся не на зверя, а на чудовище, похожее на человека, и грозят им не пустые с вечера желудки, а верная смерть. Потому Хасл пожевал губами, будто пытаясь распробовать поражённые волшбой и спорыньей колосья, и тихо сказал:

— Чужак у фермы. Я чувствую его.

— С чего ты это взял? — резко спросил его кто-то, Хасл даже не понял — кто.

— Он копает яму для своего товарища. А Зверь сегодня спит. Мы можем оставить пару часовых здесь, пока остальные идут на охоту.

— Парень, ты меня пугаешь, — сказал Эзмел, хватая Хасла за плечи и разворачивая к себе. — Ты, часом, не на ходу уснул?

— Мне можно доверять, — ответил молодой охотник, заглядывая своими глазами-стебельками в глаза старого рыбака. — Я чувствую чужака. И пока это продолжается, нам лучше не терять времени. — Он улыбнулся, и пшеница у тропы зашевелилась, хотя никакого ветра не было.

Эзмел отшатнулся от Хасла, на его лице проступил благоговейный ужас.

— Ты получил-таки награду от Друга, — полу-утвердительным тоном произнёс он.

— Я только сейчас осознал это до конца. Пошли, убьём чудовище, пока оно не поубивало нас: я чувую в нём злобу. Злобу и желание отомстить.

— Теперь ты командуешь, — сказал Эзмел.

— Эрли и Жерев сторожат тропу, остальные идут за мной.

Они спустились на поле, и Хасл шёл первым, указывая направление. Каменщиков он отправил правее, чтобы они шли по краю болота. Остальные пошли напрямую к ферме — в поле чужаку не скрыться, а к Серому зверю даже он не сунется.

Когда их ноги соприкоснулись со стеблями пшеницы, Хасла невольно передёрнуло. Ощущение было таким, будто кто-то втыкает ему в пятки иглы. Каждый смятый и сломанный стебелёк отзывался в нём болью, несильной, но раздражающей, тянущей и никуда не пропадающей.

Хасл вёл облаву на чужака, но перед его глазами лежало не чёрное поле с чахлыми ростками. Он видел голубое небо, будто блестящие склоны гор и... настоящее поле. С жёлтыми колосьями, достающими до груди, с сотнями полёвок, снующими между ними, куропатками, устраивающими гнёзда в укромных местах, и тучами насекомых, вьющимися в воздухе. В ноздри ударили незнакомые пьянящие ароматы. Слева от них по тропе со смехом пробежала девушка, её живот ещё не округлился, но в нём набирала силу новая жизнь. За девушкой гнался высокий, выше Хасла на голову, парень. Он поймал её, схватил за талию и потащил к знакомому только им месту — небольшой полянке у ручья. Там они займутся любовью со всей страстью женатой только несколько месяцев пары, познавшей друг друга только после брака. Примятая трава будет стонать под их телами, но это будут стоны страсти, боль зарождающейся новой жизни...

Но ферма рухнула, погребая под собой всех обитателей, их мясо было пожрано временем, а кости остались белеть среди развалин. Пшеница усохла, захирела, её побила спорынья. Ручей зарос и превратился в болото. Мыши и куропатки сгнили, их мёртвые тела превратились в чёрную отравленную слизь. А поля залил туман, выжимающий саму жизнь из этих мест. Серый Зверь. Да, он хотел остаться здесь, но что-то — или кто-то — прогнало его с этих мест дальше, в горы, но здесь, именно здесь, он имел кое-какую власть. К счастью, не сегодня. Девять человек могли идти по этим местам, совершенно не опасаясь чудовища. Они должны пролить здесь свежую кровь, и, кто знает, когда-нибудь забранная в муках жизнь позволит умирающему полю вернуть себе прежний вид.

— Он понял, что мы идём к нему. Пытается уйти в поле.

Хасл остановился, вытащил лук, натянул тетиву, положил стрелу. Он не видел чужака, но знал, где тот находится, этого было достаточно. Стебли поползли по его рукам, обвили

пальцы сжимающие древко стрелы и направили острие туда, куда нужно было, чтобы пронзить чужаку сердце. Молодой охотник закрыл глаза — обычное зрение ему сейчас не потребуется — и спустил тетиву...

Кто-то смачно выругался вдалеке. Стрела скользнула сквозь ночную темноту, но пронзилась не сердце чужака, а землю. И в тот же момент что-то мертво-холодное и омерзительно-шершавое вцепилось Хаслу в каждый нерв и дёрнуло. В глазах молодого охотника будто вспыхнуло обжигающее солнце, с подушечек пальцев сорвало кожу, в уши воткнулись иглы, а в рот плеснули кипятка.

Хасл вскрикнул и упал на колени. Перед глазами плыл серый туман, а в голову как будто набили грязи — так бывало с ним каждый раз, когда он отходил от состояния, которое он с детства называл «почувствовать дерево». Выходит, у него был дар Друга, а он, простофиля, об этом даже и не догадался... боги, как сложно думать... и что происходит?..

— Вон он, лови его! Держи! Хасл, стреляй, ну, чего ты стоишь?

Кто-то дёрнул его за руку, поднимая на ноги. Перед глазами на миг возникло искажённое страхом лицо Эзмела.

— Стоять можешь?

— Могу, — промямлил Хасл, с трудом двигая языком, и навалился на рыбака.

Старик поставил его прямо и, отпустив, подался вперёд, намереваясь помочь остальным, но тут перед ним выросла огромная чёрная тень. Старый рыбак успел только вскрикнуть, как его тело буквально переломилось пополам. Чёрная фигура швырнула Эзмела в траву и приблизилась к Хаслу, который и пальцем не мог пошевелить.

— А ты, сукин колдун, расскажешь мне, что вы сделали с моим другом, — сказал чужак, и его кулак вонзился Хаслу в солнечное сплетение. Молодой охотник, скрючившись, свалился на землю, заскрёб ногами, пытаясь сделать хоть один вдох, но в тот же миг носок сапога высек искры из его виска и правого глаза.

Потом он видел только темноту и ничего не чувствовал.

Глава четвёртая. Много обещаний

Чьё-то тяжёлое зловонное дыхание буквально разъедало саму структуру окружающего Хасла мира. В давящем смраде угадывались нотки благовоний, которыми Друг окуривал свой гостевой домик, где люди праздновали каждый Йоль. Это было неправильно, потому что благовония были святы и означали жизнь, а влажное дыхание затаившегося чудовища несло смерть.

Хасл чувствовал нарастающую ломоту в груди, там, где Друг оставил свою метку. Будто кто-то царапал её, ковырял скрюченными и твёрдыми, как сталь, пальцами, пытался отделить её от плоти и костей. Но безрезультатно.

— Ты один из нас, — сказал кто-то Хаслу, — потому-то я тебя пока не убью. Если встретишь Урмеру, скажи, чтобы он пришёл, наконец, в гости к старому другу. Один у меня уже побывал сегодня. Мы обещали когда-то умереть вместе, и эта клятва должна быть исполнена. Запомни эти слова, мальчик, и передай их Урмеру.

Сознание вернулось к Хаслу резко, будто его холодной водой окатили. Молодой охотник вытаращил глаза, попытался сориентироваться, вдохнуть полной грудью... и закашлялся, набрав полный рот воды. Непреодолимая сила отшвырнула его в сторону, он прокатился по твёрдой каменистой земле, заработав несколько болезненных синяков и ссадин, и, скрючившись, замер, стараясь привести в порядок дыхание и понять, где же он очутился. Дыхание в порядок пришло, а вот выяснить, куда охотник попал, не выходило. Глаза как будто застлал туман...

По телу Хасла прошла крупная дрожь, он замер, готовясь принять мучительную смерть.

— Не прикидывайсядохлым, — сказал полужнакомый грубый голос. Произношение было странноватым, но слова различались легко. — Я с тобой, мать твою, ещё не поговорил.

Чужак, это он, совершенно точно. Но как они попали сюда, в самое логово Серого Зверя?

Чужак поднял Хасла за грудки, грубо поставил на ноги и встряхнул так, что охотник врезался подбородком в грудь. Перед глазами мелькнул кривой нож с внутренней заточкой.

— Или ты, твою мать, начинаешь говорить, или я начинаю резать тебе брюхо так же, как вы вырезали его Шраму. И не прикидывайся глухонемым, я слышал, как вы, грёбанные уродцы, разговариваете.

— Кто такой Шрам? — проямлил Хасл. — И почему Серый Зверь нас не убил?

— Не знаю, о каком «сером звере» ты говоришь, но про своего друга Шрама я тебе расскажу легко. Вы размозжили ему лицо и вырезали желудок с кишками, ограбили и бросили тело, даже не удосужившись похоронить. Теперь вспомнил, кто такой Шрам? И не прикидывайся дурачком, я нашёл у тебя сраную кучу денег.

— Это не мы.

В ответ Хаслу прилетела такая пощёчина, что потемнело в глазах.

— Не вы? А кто же? Стая фейри? Говори быстрее, говнюк, или я тебе башку оторву!

— Сначала мы думали, что это ты! — крикнул охотник, стараясь говорить как можно быстрее, чтобы не нарваться на очередной удар. — Но потом узнали, что это сделал другой чужак! Он убил одного из наших, Керага, и изуродовал ему тело ещё больше, чем твоему другу Шраму!

Чужак возвышался над Хаслом почти на голову, выражение его пустого уродливого лица не сулило ничего хорошего, но тут он явно заинтересовался. Охотник почувствовал, как хватка ослабла, а уже через пару секунд чужак без лишней грубости усадил его на плоский валун. Хасл непроизвольно всхлипнул и, обхватив колени руками, затрясся и от холодной сырости, и от волнения разом. Туман внушал ему непреодолимый ужас, но постепенно охотник успокаивался — Серый Зверь всё ещё не убил его, кто знает, может, ему удастся выбраться отсюда живым.

— Говори, — сухо бросил чужак, недобро щуря глаза. Он стоял рядом, давя на охотника самым своим присутствием.

Хасл пересказал все события прошедшего дня. Поначалу он сильно волновался, всхлипывал и сбивался, но говоря больше и больше, он постепенно успокоился. Когда у него пересохла глотка, чужак дал ему напиток, и Хасл почувствовал себя относительно нормально, лишь ушибы и ссадины начали докучать ему больше прежнего, но это уж точно можно пережить. Главное, его пока никто не собирается убивать. Ни чужак, ни Серый Зверь.

Пока продолжался рассказ, Хасл неожиданно для себя понял, почему лицо чужака кажется ему таким пустым — на нём не было ни одного шрама. Гладкое и ровное, оно казалось чуждым, будто рыбьим. Плащ пришелец снял, рядом стоял и обтянутый кожей короб с ляжками. Фигура чужака теперь выглядела обычной, просто слишком крупной для нормального человека.

— Выходит, вы тоже пострадали от этого ублюдка, — задумчиво проговорил чёрный, когда Хасл закончил рассказ. — Поговаривают, что раньше на могильниках было много всякой нечисти, но почти вся она передохла за эти годы... Хотя одного грёбаного упыря мы встретили по дороге сюда. Но сейчас меня куда больше мести беспокоит другое дело — как бы унести отсюда ноги. Думаю, твои собратья вряд ли разрешат мне покинуть эти места свободно?

— Не знаю, — признался Хасл. — Скорее всего, они попытаются тебя убить. Викле — точно, ты убил его сына в Бергатте. А куда Викле, туда и все хуторяне.

— Я не стал бы никого убивать, если бы вы дали мне спокойно пограбить на могильнике и уйти. Я не стал бы никого бить, если бы вы не устроили на меня охоту. — Чужак склонился над Хаслом, и в каждом его движении чувствовалась угроза. Говорил он нехотя, выдавливая из себя слова, будто разговор был для него чем-то непривычным. — Я мог бы перебить половину вашего отряда, но, скорее всего, лёг бы в поле сам. Вместо этого я забрал тебя, чтобы поговорить. Ты будешь моим посланцем. Так сказать, моей доброй волей, доказательством того, что я просто хочу отсюда уйти. Ты, живой и здоровый, сходишь к своим друзьям и скажешь, что я не хотел никого убивать, вы сами вынудили меня. Передашь, что я просто сметаю удочки, и тогда больше никто от моей руки не пострадает. В противном случае я постараюсь прорваться с боем, а это, поверь, будет стоить парочки жизней — вояки из вас хреновые. Всё запомнил?

Хасл закивал. Пришелец выпрямился, втянул ноздрями влажный воздух и выругался.

— Туман воняет, — сказал он, — каким-то магическим дерьмом. А если надеть перчатки, я вижу всполохи энергии. Здесь вообще безопасно?

Молодой охотник нервно хихикнул.

— Серый Зверь убивает каждого, кто решился зайти в него.

Громила выгнул правую бровь.

— А я-то думаю, почему твои дружки решили тебя бросить. Выглядите вы как редкие

задохлики, и я решил, что у них просто кончились силы для погони. Выходит же, что они испугались этого тумана. Значит, все умирают, стоит им сунуться сюда? Но мы-то с тобой живы.

— Наверное, Друг явил чудо, — пробормотал Хасл. — Другого объяснения у меня нет. Я видел, как у одного человека, настигнутого Серым Зверем во время бури, выпали глаза, а из ушей и носа потекла кровь. Он умер на месте, и так случилось с каждым.

Чужак потёр подбородок, и Хасл как будто даже услышал, как чёрная перчатка скребёт по лицу. Охотник чувствовал напряжение какой-то злой энергии, ему показалось, что сейчас с лица чёрного начнёт сходить кожа. Но этого не случилось, вообще ничего не произошло, будто это была обычная перчатка, а не нечто омерзительно-неестественное и пропитанное смертью.

— Очередное заклинание, оставшееся после войны, — сказал чужак. Он как будто разговорился, слова уже не давались ему с таким трудом, хотя произношение по-прежнему оставалось странным. — Этого дерьма ещё на семьдесят лет вперёд хватит, если больше. — Он принялся шарить в своём рюкзаке, пока говорил. На свет — или вернее, полумрак — были извлечены сухари и куски сушёных овощей. — Жрать будешь?

— Угу.

Хасл невольно отдернул руку, когда чёрная кожа коснулась его пальцев, и сухарь упал на землю.

— Да не бойся, не съем. Ты же гарант моей безопасности, помнишь?

— Дело не в тебе, — покачал головой охотник, подбирая сухарь. — Эти перчатки пахнут проклятьями Древних и смертью. Я бы на твоём месте не стал их носить.

Незнакомец рассмеялся так, будто Хасл только что удачно пошутил.

— Пахнут проклятьями, значит? — хмыкнул он, отсмеявшись. — Лучшие маги всего мира не могут найти в них ничего магического, говорят, что перчатки — это будто материализованная антимагия, а ты говоришь, что пахнут.

— Я чувствую это, — уверенно сказал Хасл. — И не я один — когда Жерев достал такие же из рюкзака твоего мёртвого друга, он тоже это почувствовал. И Некпре с Эрли.

— Не буду спорить, сам я очень слабый маг. Настолько слабый, что, сняв перчатки, могу только видеть и чують колдовство. У вас тут, быть может, от постоянной жизни на могильнике выработалась собственная чуйка на энергию. Но носить я их буду до конца своей жизни, таково моё проклятье. И как я без них буду грабить могильники? У вас тут что, раньше могильщики не появлялись?

Молодой охотник поёжился. От самого слова повеяло каким-то холодом, но оно было смутно знакомым.

— Нет. Никто давным-давно не видел чужаков. Друг сказал, что они все вымерли, и что в Мёртвом Мире никто не живёт.

— Мёртвом Мире? — переспросил могильщик. — Парень, ты рассказываешь странные вещи. Какой-то «друг», ещё какая-то чушь. Все эти узоры из шрамов на твоём лице, при том, что ты, скажу честно, и так не красавец. У меня что-то уже устал язык разговаривать, а ты, как я погляжу, болтун тот ещё, так что Расскажи-ка, что ты за хрень вообще несёшь.

Хасл некоторое время думал, дожёвывая свой сухарь. Наконец, решил, что лучше будет рассказать так, как это обычно делает Друг. Поэтому он закрыл глаза и, стараясь копировать интонации и речь Друга, начал говорить:

— Люди жили в мире и покое, пока семь десятков лет назад старому миру не пришёл

конец. Случилось это за один день, и некому теперь рассказать о том, как это произошло, некому спросить у тех, кто всё это видел, да и спрашивать-то не у кого — не погиб лишь Друг, горсть людей, да, быть может, ещё несколько человек за стенами Шранкта, но к этому времени гнев Древних должен убить и их, если они ещё не умерли от старости. Да и остались ли они людьми после всего пережитого в Мёртвом Мире?

Эм-м... Страшен был Гнев Древних. Разрушил он Бергатт, сотворил Серого Зверя и осел на всякой железной крошке проклятьями, подстерегающими каждого алчного и неосторожного человека. И кто осмелится зайти в Бергатт или Шранкт, будет поражен проклятьями и будет мучиться, пока не умрёт. Потому что цель Древних — смерть всех людей, и Гнев Их пережил гибель Их.

И лишь Друг оберегает людей от Гнева Древних. Весь год сидит он в Башне своей, насылая на творения Древних собственные проклятья. Лишь он может ходить по проклятому Бергатту, и приходит он каждый Йоль, чтобы выбрать, кто из людей к какому ремеслу более пригоден. Мужчины для своих дел предназначены — кто строит, кто лес и камень добывает, кто охотится и ловит рыбу. Женщины по-своему служат Другу и мужчинам — держат построенные дома в порядке, за живностью и грядками следят. А те, кто достиг возраста в сорок лет, уходят с Другом в Башню, чтобы мудростью нажитых годов делиться с ним. Но может Друг и раньше призвать лучших, ведь число людей не должно превышать двух сотен, лишь столько сможет прокормиться на земле живых.

Так... Избранный поможет... а, нет. И только Избранный зажжёт Метку, что каждому ещё в младенчестве оставил Друг. Будет он помогать искоренять зло, что обрушили Древние на этот мир. Разгорится в нём Дар. И, быть может, станет он новым Другом для всех людей. — Хасл закончил и тяжело перевёл дыхание. Слова он помнил плоховато, да и речи Друга подражал с трудом, но всё же остался доволен собой. Помимо всего прочего, рассказывая, он показал чужаку метку Друга, выжженную на своей груди, и узоры на лице, подтверждающие его принадлежность к касте охотников.

— Не знаю, кто такой этот ваш Друг, — буркнул могильщик после паузы, — сбрендивший маг или просто больной ублюдок, но точно могу сказать, что клеймо на твоей груди — это старый знак магов, семиконечная звезда. Сейчас маги носят звезду с восемью лучами. И что за стенами Шранкта не далее как в двух днях пути, у самых холмов, которые постепенно переходят в Полую Гору, внутри которой вы живёте, стоит вполне себе живой город Новый Бергатт, где живёт, наверное, тысяч пять народу.

— Пять тысяч? — раскрыл рот Хасл.

— В одном городе. А всего в мире осталось, должно быть, десятки миллионов людей. Конечно, война семидесятилетней давности разрушила почти все старые города, народу погибло очень много, но ни о каком полном уничтожении и нескольких выживших речи не идёт. Скорее, это вы несколько выживших, вынужденных ютиться на окраине могильника.

— Война? Была война?

Чужак фыркнул.

— Все эти развалины и туман, которого ты так боялся, да и сам я, результаты этой войны. Про саму войну ничего особого рассказать не могу, да и никто не может, в этом твой Друг прав. Разве что воевали все против всех, а за что — хрен его знает.

— И я смогу пересечь Шранкт и увидеть за его стенами живой мир, а никакую не выжженную пустыню?

— Живой мир — да, уж поживее вашего. А вот пересечь Шранкт — вряд ли. Мы с

Шрамом прошли, имея при себе перчатки, которыми могли расчистить себе путь. Да и то пару раз едва не погибли, хотя оба тёртые калачи. Ты же останешься свежей грудой костей на первом перекрёстке. В этом ваш Друг тоже прав — соваться в могильники вам не стоит, уж лучше жить здесь, чем погибнуть, стараясь выбраться. — Могильщик жёстко усмехнулся, видя расстроенное лицо Хасла. — Не переживай, иногда там очень дерьмово. Можешь поразмыслить об этом, пока идёшь к своим друзьям. Надеюсь, ты запомнил моё послание? Я просто хочу уйти, никого не трогая, и пусть никто не трогает меня.

— Запомнил, — кивнул молодой охотник.

— Иди. Прямо в ту сторону. Вернёшься сюда после переговоров. И, поверь, я быстро пойму, если вы с дружками решите мне устроить засаду. Тогда ты умрёшь первым.

— А если я не вернусь? Или я не смогу договориться... что ты будешь делать?

Могильщик оголил зубы в хищном оскале.

— Неужели ты думаешь, что я буду тебе рассказывать?

***

Пока Хасл спускался к Серым Полям, в его голове крутилось множество странных мыслей. Он был одновременно испуган, заинтересован и разочарован. Разочарован в первую очередь Другом. Ещё ночью к нему пришла кошунственная мысль о том, что Учитель, возможно, в чём-то ошибается. Сейчас молодой охотник подумал, что — как бы невероятно это не звучало — Друг может обманывать людей преднамеренно. Зачем это ему, было выше понимания Хасла, поэтому он постарался выбросить эту мысль из головы, но она упорно продолжала возвращаться.

Мысли о пришельцах тоже не покидали его. Хасл и так предполагал, что из ниоткуда они появиться не могли. А уж слова о каких-то миллионах (наверное, это куда больше пяти тысяч) живых, пусть и уродливых, человек и вовсе шокировали. Впервые Хасл представил, что Бергатт — эту громадину — когда-то населяли люди. Валяющиеся на его развалинах скелеты когда-то были людьми. Должно быть, и в Бергатте когда-то жило... пять тысяч человек? Или даже шесть? А что есть у них? Город? Да по сравнению с Бергаттом их город жалок, как червь по сравнению с человеком.

Получается, насколько же велик мир? Мёртвый мир представлялся Хаслу размером с Земли Живых: долину, лес, озеро, развалины... Ну, может, чуть-чуть побольше. Но сейчас слова Друга о других городах (городах, где, как выяснилось, жило по пять тысяч человек, а не по полторы сотни), неких «реках» и даже «океанах» приобрели другие масштабы. Два дня пути до города. Да всю Землю Живых можно обойти за это время, причём никудашеньки не торопясь.

И, чёрт побери, кто такой Урмеру, и что он должен ему передать?

Холодный туман постепенно рассеивался. На мёртвой каменистой земле то тут, то там начали появляться тощие кусты или пучки сухой на вид, но вполне себе живой травы. Владения Серого Зверя заканчивались. В полутьме всё отчетливей проступали очертания рытвин и траншей, на дне которых ещё прятался туман.

Хасл едва не угодил в одну из таких, но успел остановиться на самом краю, с замиранием сердца понимая, что этот туман куда гуще, чем витающий в воздухе, и, угоди охотник в яму, ему не жить. Нет, сквозь дымку можно было различить будто проплавленные края ямы, её неровное дно и лежащие на нём камушки. Гуще был запах разложения, резкий, сладковатый запах падали и магии. На самом дне ямы что-то шевелилось. Бесформенный

ком плоти.

Кошка. Вернее, то, что когда-то было кошкой. Возможно, несчастное создание угодило сюда совсем недавно или десятки лет назад — это не важно. От животного не осталось практически ничего, что делает кошку домашней любимицей, она скорее напоминала разлагающийся и зачем-то оживлённый труп. Сквозь облезшую шерсть проглядывала гниющая плоть, торчали жёлтые кости. Опухший живот сочился гноем, рядом валялись комки — мёртвые котята. Те, что ещё оставались в животе, шевелились, но это была агония. Им предстояло родиться мёртвыми.

— Мяу, — сказала кошка.

«Обещай», — услышал Хасл.

— Мяу, — повторила кошка.

«Урмеру должен прийти».

— Хорошо, — кивнул охотник, думая, что он сошёл с ума. — Я передам Урмеру, чтобы он пришёл. Но кто такой этот Урмеру?

— Мяу. — «Ты знаешь это, глупец».

Кошка мучительно зашевелилась, повернула свою разлагающуюся мордочку и принялась пожирать котят. Одного, второго, третьего. А когда съела последнего, её позвоночник неестественно выгнулся (лапа, на которой лежала кошка, отвалилась), и клыки впились в собственное брюхо, разрывая шкуру, матку, выдирая не родившихся котят из утробы.

— Мяу, — сказала кошка, когда закончила жрать.

«Видишь, на что приходится идти, чтобы просто поговорить с тобой?»

Кошка дёрнулась и замерла, а Хасл пошёл дальше, абсолютно уверенный в том, что он либо умер, либо сошёл с ума.

Но туман рассеялся, и по сапогам охотника заскользили мокрые от дождя колосья пшеницы. Небо застилали тучи, но Хасл понял — уже почти рассвело.

— Я жив, — сказал он и тут же повалился на колени, чувствуя, как его колотит бешеная дрожь, идущая откуда-то из самого нутра. — Я жив. Жив.

Он сходил в Бергатт и остался жив. Побывал и охотником, и добычей и остался жив. Наведался в гости к Серому Зверю и остался жив. Этот кошмар не был загробным царством. Кошка, поедающая своих дохлых котят, была самой настоящей. Чужак — не сон и не галлюцинация. Дар Друга — не бред его больного воображения.

Хасл мысленно потянулся к растущей на поле траве, но понял, что Дар куда-то исчез. Зато в его измученном и избитом теле пробудились усталость и боль. Он только сейчас вспомнил о страхе за свою жизнь, хотя сейчас впервые за последние сутки ему ничего не угрожает. Но даже страх и воспоминания о пережитом, а иногда его охватывал настоящий животный ужас, были притуплены усталостью. Охотник хотел уже лечь прямо в траву, чтобы уснуть, но из наваливающегося тяжёлого сна его вырвал резкий окрик:

— Эй! Стоять! — закричал кто-то знакомый. — А ну стой!

— Я стою... — проямлил Хасл. — Стою...

— Руки! Покажи руки!

Хасл поднял руки. Кто-то (видимо, обладатель такого знакомого голоса) резко толкнул его в спину, и охотник повалился во влажную траву. Этот кто-то уселся на него сверху и профессионально принялся вязать ему руки, приказывая ещё кому-то бежать к Эзмелу. Хасл повернул голову на бок, чтобы было легче дышать, и замер, не в силах ни сопротивляться, ни

говорить. Но даже лежать спокойно было слишком больно.

— Боги, это же Хасл! Эрли, ты что делаешь? Это же наш Хасл!

— Нашего Хасла чужак утащил к Серому Зверю. А кто это такой, я не знаю. Если бы он не был похож на Хасла, я бы убил его сразу.

— Эрли, — прошептал Хасл, едва разлепляя одеревеневшие губы, — как я рад тебя слышать. Я уж думал, что мне крышка. Мы должны отпустить чужака, чтобы он смог спокойно уйти. Он...

— Заткнись!

Хасла подняли с земли и грубо встряхнули. Перед глазами появилась перекошенная физиономия его лучшего друга.

— Друг рассудит, кто ты такой, — злобно проговорил Эрли, брызжа Хаслу в лицо слюной, — Эзмел пообещал его вызвать. А когда он придёт, вам всем, ублюдкам, конец! Шевелись, сукин сын!

Абсолютно поражённый таким приёмом от друга, онемевший и вконец отупевший от происходящего Хасл принялся переставлять ноющие ноги, но Эрли, видимо, решил, что его ходьба недостаточно быстрая, и начал подгонять его увесистыми тычками в спину. Рядом суетился один из каменщиков, вооружённый ножом и коротким копьём. Он всё бормотал, что это же Хасл, вот он, Эрли, Хасл, живой и здоровый, и одежда у него нормальная, не разорванная, и мертвечиной от него не пахнет, только кровью, потом и грязью, и разговаривает этот Хасл по-человечески, а не шипит и не харкает кровью. Но Эрли, кажется, был непреклонен.

— Может, мне кто-нибудь скажет, что происходит? — спросил охотник, собравшись, наконец, с мыслями. — Почему вы меня связали?

— Я же говорю, что это Хасл! — обрадованно произнёс каменщик, Нерек.

— Да, это я, Хасл! Эрли, Нерек, неужели вы не видите?

— Не говори с ним, — резко сказал Эрли. — Может, это оборотень.

— То чужак, то оборотень, — пробурчал каменщик, вытирая нос плечом. — Не слишком ли много?

— А четыре трупа и один пропавший за одни сутки — не слишком много?

— Четыре трупа? — переспросил Хасл, понимая, что к пропавшим Эрли относит его самого. — Кераг, чужак, Зерв. Кто четвёртый? Кто ещё погиб?

— Не погиб, а убили.

— Не разговаривай с ним! — рявкнул Эрли. — Он заморочит тебе голову!

Но Нерек покачал головой и непреклонно продолжил:

— Кто-то убил Жерева, когда чужак утащил тебя к Серому Зверю. Мы слышали лишь, как он принялся смеяться и звать Керага, а когда поняли, что что-то не так, он уже был мёртв. Какая-то вонючая тварь в жутких лохмотьях резала длинным ножом ему брюхо. А когда мы напали на это, то оно зашипело так, что Эзмел потерял сознание, а другие разбежались. Но тело Жерева оно всё же бросило.

— А когда старик пришёл в себя, он сказал, что позовёт Друга, — злорадно сказал Эрли. — Так что тебе крышка, оборотень!

— Я не оборотень.

— Да ладно? А как же ты тогда прикинулся Керагом?

— Я не прикидывался. Я был с чёрным чужаком у Серого Зверя. Я договорился с ним, чтобы он никого не трогая ушёл прочь, а мы зажили как прежде.

— Не дури мне голову! Серый Зверь убивает любого, кого коснётся!

— Не любого. Тот, кто обладает даром Друга, остаётся жив.

— Ты слышишь, Эрли? Я же говорил тебе, что это наш Хасл!

— Дерьмо это, а не наш Хасл. Он дурит тебе голову, придурок. А ты, урод, если ещё хоть слово скажешь, я отрежу тебе язык. Это и к тебе относится, Нерек!

Хасл попытался пожать плечами, но получил лишь очередной тумак между лопаток. Остаток пути до разрушенной фермы они прошли молча.

Их встретили семь помятых и смертельно уставших живых и два трупа. Закутанный в окровавленный плащ Жерев лежал поодаль, его тело ещё сохраняло в себе какое-то подобие человеческой фигуры, но куда больше походило на куль с мясом. Чужак же, которого, видимо, зачем-то вытаскивали из неглубокой ямы, которую успел вырыть могильщик ночью, куда больше чем лесоруб походил на человека, как бы странно это не звучало. Часть внутренних органов выпала из живота, части не хватало, разможжённое лицо... Окоченевшее тело валялось на боку, из ямы торчала одна нога, часть туловища и голова. И всё равно как будто у него с Хаслом куда больше общего, чем с Жеревом. Возможно, дело в том, что сам охотник впервые увидел в убитом чужаке обычного человека.

Их встретили приглушёнными возгласами и шёпотом. Больше удивлённым, чем обрадованным, но охотнику на это было плевать, он просто радовался тому, что видел людей.

— Нужно присыпать его землёй, иначе чёрный чужак разозлится ещё больше, — неожиданно для себя сказал он.

На его слова никто не обратил внимания.

— Где вы его нашли? — резко спросил Эзмел.

— На границе владений Серого Зверя, — отозвался Эрли. — Стоял на коленях и бормотал какие-то заклинания.

— Похож на Хасла, — высказался кто-то.

— Я и есть Хасл.

— Не слушайте его, — рыкнул старый рыбак. — Пусть с ним разбирается Друг. Я вызову его сегодня же после обеда, когда все мы поспим и приведём себя в порядок перед его прибытием. Когда он придёт, всё изменится, я обещаю. Никто больше не умрёт.

Хасл без удивления отметил, что Эзмел старается придать голосу как можно больше уверенности, но выходило у него плохо. Кажется, старик и сам не слишком-то верил своим словам.

— Нужно забрать Жерева, — сказал охотник. — Иначе мы найдём его тело без желудка и кишок, когда вернёмся. И закопайте чужака, иначе он разозлится.

— Кто — он? — раздражённо спросил Эрли.

— Могильщик, — ответил Хасл так, будто это что-то значило для людей. Его снова начала бить нервная дрожь. Страх начал наконец возвращаться к нему. И этот страх был куда сильнее всех прошлых. Когда тебя пытаются убить чужаки, это одно, но когда друзья готовы прикончить тебя из-за одних подозрений, это куда более ужасно. Если бы не Эрли, Хасл упал бы, и охотник был благодарен другу за эту пусть и невольную, но помощь. Сил едва хватало на то, чтобы не потерять сознания.

Эзмел долго посмотрел в глаза молодому охотнику.

— Мы заберём обоих, чтобы показать Другу, — сказал, наконец, старый рыбак. — Эрли отпусти его, пусть полежит. Хасл это или нет, ему нужно спать.

Охотник облегчённо кивнул и, улёгшись на траву, мгновенно уснул. К счастью, на этот раз ему не снились никакие жуткие голоса. Он, лёжа на боку, качался на плоту посреди озера, а Мирека, лежащая рядом, держала его за руки так крепко, что он понял — их любовь навсегда.

Часть вторая. Путь могильщика. Глава пятая. Два беглеца

Карг по прозвищу Шрам ещё раз проверил дорожную сумку. Вроде бы всё на месте. Нож, подвешенный к поясу за спиной, тоже всегда наготове.

— Зачем тебе нож? — хмыкнул Седой. — Ты же не на разбой собрался, а за жалованием.

— Единственное, в чём я уверен, когда иду к обычным людям, так это то, что они не очень хотят расставаться со своими деньгами. Особенно, если имеют дело с пришлым могильщиком.

— Да-да, — кивнул Велион, демонстрируя товарищам дорогое на вид лезвие, — я без своего друга тоже никуда. К тому же, я собираюсь смотать удочки сразу после выплаты.

— Я тоже, — сказал Карг, почёсывая шрам на подбородке. На самом деле он не собирался сваливать отсюда так рано, но Велион был дельным и мозговитым мужиком, и уж лучше идти с ним, чем оставаться с недоумком Седым.

— А я останусь, — самодовольно заявил Седой. — Еда, выпивка, крыша над головой, девки раз в неделю...

— И слишком мало монет в руках, — закончил за него Шрам, скорее убеждая себя в том, что делать здесь нечего, чем желая спорить. — Нет, это дерьмо не по мне. Лучше поголодать в дороге, но вытащить нормальный хабар, а не маяться месяцы с этими железяками.

Велион молча кивнул, поддерживая брата по цеху. Шрамолицый могильщик осклабился.

В их руках за последние пару месяцев перебивало очень много металла куда менее благородного, чем даже медь. Шрам с двумя товарищами таскал из Крозунга ржавое железо.

Крозунг был хоженным-перехоженным могильником ещё, наверное, во времена, когда никто из этой троицы не родился, о чём Каргу напоминали груды относительно свежих костей каждый проклятый день из последних восьми с половиной недель. Всё более или менее неподдающееся ржавчине, все произведения искусства, всю одежду, посуду и даже всё, что отрывалось, отдиралось и отколупывалось (и на первый взгляд имело хоть какую-то ценность), из мёртвого города уже вынесли. Такое уж место — Крозунг по словам Велиона когда-то представлял собой один из мощнейших центров торговли с четырьмя рынками, вокруг построилось достаточно деревень и городков поменьше, которые война затронула не сильно, а дороги, ведущие в когда-то процветающий город, не затронула практически совсем, поэтому-то народ обитал здесь с самого послевоенного времени. Сюда, должно быть, тянулись и первые могильщики, и обычные мародёры.

В общем, на первый взгляд в Крозунге делать было совершенно нечего. Но Карг туда забрёл в поисках перекупщиков, готовых торговать даже с могильщиком, а, забредя, остался. Во-первых, денег он выручил слишком мало, и возникла необходимость крепко подумать в какой могильник идти дальше. Во-вторых, пара встреченных коллег сделала ему предложение, от которого было слишком сложно отказаться — у города построили целую череду кузниц, но старое месторождение на местных болотах в конец оскудело, и кузнецы решили добывать железо в могильнике, где, по словам прохожих могильщиков, этого добра

доставало. Сельскохозяйственная утварь, оружие, доспехи — в переплавку годилось всё. Никакого риска, могильник ведь исхожен вдоль и поперёк. Обычному зеваке, конечно, соваться туда не следовало (и местный главный кузнец понял это достаточно быстро, ему хватило двух мёртвых подмастерьев), но тёртый могильщик чувствовал себя там безопасней, чем на оживлённом тракте. Оплата — еда, крыша над головой и две кроны в месяц. Отличная сделка.

И вот, втроём они принялись очищать руины от ржавого железа, благо, валялось оно везде. Шрам припоминал свой первый могильник, как он поражался, думая, откуда же у древних столько железа, в то время как нынешним поколениям приходится платить бешеные деньги за обычный нож, а многие селяне так и вовсе по мелочи пользуются острыми кремнями. Потом Велион рассказал ему о кое-каких старых документах, увиденных им множестве фресок, полотен и просто рисунков, найденных им среди руин, и о мыслях, которые у него возникли по этому поводу — сейчас, мол, тяжело с металлами потому, что большая часть осталась в могильниках. Должно быть, огромные груды железа так и заржавеют среди руин, рассыпаясь в прах, пока новое рыцарство ездит в лёгких кольчугах, благоговейно поминая своих прадедов, закованных в сталь с ног до головы, а крестьяне вспахивают землю лёгкими сохами, даже не зная, что их предки пользовались тяжёлыми плугами. Ну да крестьянам много знать и не положено, а большую часть их железного инвентаря после войны быстро перековали на оружие. Велион, мол, когда-то и сам подумывал тащить из могильников ржавое оружие, но на дороге могли убить за любую ценную вещь, и из осторожности (как и все его братья по цеху) предпочитал куда менее заметные, менее громоздкие и более ценные вещицы из драгоценных металлов.

Наверное, первые могильщики ещё выносили из городов незаржавленное оружие, которое можно было продать, но со временем это прошло, — так закончил свои мысли тихий и обычно молчаливый брат по цеху, и Карг с тех пор проникся к нему уважением.

Железо приходилось брать не абы какое, а достаточно толстое — ржавая труха кузнецам не нужна. В общем, те недели заполнял тяжёлый и непривычный труд, но могильщиков хорошо кормили, дали им нормальные кровати и матрацы, крыша над головой не текла, а раз в неделю им даже приносили выпивку и приводили шлюх. Седому этого доставало, Велиону и Шраму — нет.

— Давай скорей, — поторопил Велион копающегося в своих вещах Седого.

— Ладно, ладно, — пробормотал тот. — Вот. — В его руках появился короткий прямой нож, который он сразу же засунул за голенище. — Теперь и я готов. А вы сказали, что собираетесь уходить?

— Уходить с работы нужно неожиданно, — хмыкнул Краг, — иначе можно совсем не уйти. Даже если взял с собой зубочистку.

— Особенно, если ты пришлый могильщик, — усмехнулся Велион.

— Да идите вы, мне здесь хорошо. Нас никто ни разу не обманул.

— Но жалование за первый месяц почему-то перенесли на этот. Ладно, парни, разговаривать буду я.

Никто с формальным лидером шайки не спорил. Впрочем, Велион вызывал некоторую уважительную оторопь и у местных. Шрам и Седой — обычные ребята, к ним относились как к своим. Но Велион был каким-то другим, отчуждённым, будто случайно попал в их компанию, хотя его навыки могильщика превосходили таковые у любого из знакомых Каргу, и оказаться здесь случайно он просто не мог. Да и повадками Велион больше походил на

какого-нибудь выроodka-графа: ходил к цирюльнику каждую неделю, в первый день на могильнике нашёл какую-то книгу и потом несколько вечеров листал её, вставлял иногда заумные словечки во время разговора. Впрочем, на первой же пьянке стало понятно — он нормальный мужик.

Могильщики вышли из каморки, расположенной в самом углу трактира, на задний двор. Тракт находился по ту сторону здания, да ещё и был отделён широким двором, где располагались кострища и ставились телеги и кареты торговцев и странников, но звуки дороги — перепалка возниц, цокот копыт, бляные ведомой на продажу отары овец — донеслись до Крага, и могильщик почувствовал восторг. Засиделся он здесь. Зимой тоже приходилось подолгу оставаться на одном месте, но летом обычно он себе такого не позволял.

Возможно, дело в проклятье, о котором говорили все могильщики. А может, и в том, что Шрам просто такой человек, и ему никогда не сидится на месте.

Им нужно было в другую сторону от тракта. Выйти из-за частокола, пройти жидкую рощицу, и там, на холмах, за которыми почти сразу располагалось болото, стояли три кузницы. Все три, фактически, принадлежали одному человеку — Палёному Келиву. Келив, как и большинство кузнецов, был тощим, но невероятно жилистым мужиком. Лет ему было тридцать пять, и то, что к этому возрасту он обзавёлся аж тремя кузнями, нанявшись когда-то в одну из них подмастерьем, говорило о предпринимательской жилке. И, возможно, паре-тройке утопленных в болоте конкурентов. А уж если он захочет отнести туда троих мёртвых могильщиков, их точно никто не хватится.

Они добрались до кузницы за полчаса. Солнце уже садилось, и кроме самого хозяина и пары подмастерьев, в кузнице не должно остаться никого. По крайней мере, так было месяц назад, когда Келив жаловался на то, что не успел ничего продать, а ему нужно закупить угля и чего-то ещё. А шесть крон — огромные деньги, нужно понимать, что пока они в обороте, их оттуда просто так не вытащить.

Карг облизнул пересохшие губы и проверил нож. Он никогда не убегал от драки, если она его находила. Да и опыт службы в городской страже был. Но драка это всегда риск для жизни, а шкуру свою, даже подпорченную, Шрам любил. Бледное лицо Велиона тоже напряглось, а правая рука невольно метнулась к ножнам, хорошо спрятанным на бедре под плащом.

Двое подмастерьев работали на улице, ещё один под навесом, да и из самого здания кузни доносились голоса. Минимум пять человек. Восторг от ожидания странствия сменился реальным беспокойством за свою жизнь.

— Кого там демоны принесли? — раздался громкий голос Палёного.

— Твоих наёмных рабочих, — произнёс Велион негромко.

— А, парни, парни, — красная рожа Келива, обрамлённая курчавой от жара бородой, появилась в проходе. — Неужели сегодня день платить по счетам?

— Именно сегодня.

— А чего это вы с сумками? Собрались куда? — хозяин кузни хохотнул, но слишком неестественно. Он поигрывал своим кузнечным молотом, а в красноватой от огня полутьме кузницы замаячили ещё двое кузнецов.

— Нет-нет, — замахал руками Седой, — это парни собрались, а я работой доволен. Но, знаешь, хотелось бы забрать свои деньги...

— Деньги, — задумчиво протянул Палёный. — Знаешь, могильщик, а денег-то и нет.

Для вас, проклятых ублюдков, у меня ни осьмушки нет.

Что-то щёлкнуло, и на расстоянии ладони от бока Крага пролетел арбалетный болт. Он вонзился в дверной косяк, и могильщик увидел, как дрожит его древко.

— Шрам! Арбалетчик!

Это говорил Велион. Голос у него был настолько сухой и бесцветный, что волнение на долю секунды охватившее шрамолицего, спало. Он стал абсолютно спокоен, будто работал с обычным проклятьем, а не собирался своим косарём сейчас кромсать людей. Шрам развернулся и бросился к подмастерью, лихорадочно натягивающему крючком тетиву небольшого арбалета. Перед глазами осталась лишь картина того, как Седой с проломленным лбом падает лицом вперёд, а Велион очень профессионально вскрывает своим ножом кадык одного из кузнецов, загородившего собой Палёного, и сразу же бросается ко второму, не давая тому как следует размахнуться для удара молотом.

Подмастерье выронил крюк. Всё же это всего лишь шестнадцатилетний парнишка, а не убийца. Краг тоже безжалостным убийцей не был, но когда у тебя острозаточенный тяжёлый нож с длинным лезвием, которым ты по привычке бьёшь в солнечное сплетение, шансов у жертвы немного. Второй подмастерье, увидев, что стало с другом, бросил молот и с криком побежал прочь от кузницы, но Краг догнал его в четыре прыжка, сбил с ног и трижды воткнул нож в спину. Мальчишка выл от боли, пока Краг поднимался на ноги. Спокойствие, вселённое Велионом, прошло, Шрама трясло, как шавку на морозе.

— Засаду для нас устроили, уроды, — буркнул могильщик, сплёвывая. Но, повинувшись мимолётному чувству, всё же избавил парня от мук, воткнув нож ему в затылок. — Прости, парень, хоть и не мы задурили тебе голову.

Из кузницы донёсся душераздирающий вопль. Шрам вздрогнул, вспоминая о напарнике, которого оставил одного против троих, и бросился к нему на помощь. Но когда могильщик вбежал в помещение, всё уже закончилось. Второй кузнец вскрытый, как свежий окунь, валялся на полу, а Палёный стал палёным дважды — его тело лежало у печи, волосы и одежда тлели, расточая по всему помещению жуткую вонь.

— Ты его сжёл? — удивился Краг.

— Проткнул сердце, — отозвался Велион, — но уже после того как сунул в печь. — Говоря, могильщик обшаривал одежду убитого кузнеца. — Вот говнюк, — выдохнул он, закончив обыск.

— Нет денег, да?

— Не-а. Видимо, для нас он действительно не припас ни осьмушки. — Велион выпрямился, сплёвывая в печь. — Нужно стаскать всех мёртвых сюда и постараться сжечь кузницу.

Шрам, который уже собирался выполнять первую часть плана, остановился.

— Погоди, этих уродов ладно, не жалко. Хотели нас убить вместо того, чтобы платить деньги и в болоте утопить. Но кузница-то причём? Её, наверное, хорошие люди делали. Сил сколько потратили...

На бледных губах могильщика появилась слабая усмешка.

— Притом, что если всё как следует сжечь, сразу не поймёшь, сколько народу здесь погибло. Думаешь, никто не захочет нам отомстить? А если они не будут знать, сколько нас, шансы каждого вырастут.

— Но... — Краг хотел спросить, почему они не побегут вместе, но сразу же понял ответ. — Хорошо, давай-ка уберём их.

Арбалетчик уже был на последнем издыхании, но Велион всё равно перерезал ему сонную артерию, чтобы не продлевать муки ни на секунду. Они с напарником взяли по подмастерью, и затащили их в кузницу. Проблем доставил Седой — его ноги судорожно дрыгались в посмертном уже макабре. Но, в конце концов, и мёртвый могильщик упокоился рядом с убившими его людьми. Велион взял лопату и расшвырял угли везде, где что-то могло гореть. Пола у кузницы как такового не было, его заменяла выложенная на землю и утоптанная глина, стены сделаны из камня, но деревянная крыша и многое внутри, в том числе куча угля, всё же годилось для огня.

— Может, договоримся, где сможем встретиться, когда всё уляжется? — предложил Шрам, когда они вышли из разгорающегося помещения. — Неплохо было бы ещё поработать вместе.

— Неплохо, — кивнул Велион, его лицо выражало полное согласие со словами товарища. — Но лучше нам не знать, куда направляется другой.

— Что ж, прощай.

— И тебе удачи.

Они ударили по ладоням и ушли каждый в свою сторону.

***

И вот, могильщик смотрел на три жалкие монеты, лежащие на его огрубевшей от тяжёлой работы ладони, и думал, что лучше — поест впервые за три дня горячего или купить дешёвой солонины и сухарей. До следующего могильника не хватало при любом из раскладов. Поэтому Краг сплюнул в дорожную пыль и направился к торговцу супом. Осьмушки хватило на две миски и коврижку горячего хлеба, и суп оказался не так уж и плох — там плавало даже несколько волокон мяса, жилы и пара хрящей, не говоря уж о репе, моркови, луке, крапиве и клёцках.

— Издалека путь держишь? — спросил торговец, наливая вторую миску.

Шрам не слишком любил болтать с чужаками, кроме того, его рот был занят свежим хлебом, но он всё же буркнул:

— Из Ариланты.

— А, с севера... Я-то думал, что с запада — там у Нового Крозунга была какая-то заварушка. То ли разбойники напали на кузню, то ли подмастерья передрались да спалили кузню. Трупов, говорят, куча — полтора или два десятка, настоящая бойня. Думал, ты что-то знаешь. — Торговец пристально посмотрел на могильщика, надеясь, что услышит если не эту, то другую сплетню или новость. Тракт всегда полнится слухами, историями, байками и чудовищными рассказами.

Но Краг только пожал плечами, принимая миску. Его начал бесить этот разговор. Он просто хотел спокойно пожрать.

— А куда направляешься? — продолжил расспросы торгош.

— Не знаю пока. Туда, где есть работа.

— Ух, братец, работы-то у нас здесь совсем нет. Король Гризбунг, да благословят его боги, навёл, наконец, в наших краях порядок, а граф Олистер порядок этот держит. Войны у нас нет.

Могильщик широко усмехнулся. Из-за грубой обветренной физиономии и шрама его не в первый раз принимали за наёмника, и, он сильно надеялся, не в последний. В конце концов, это просто старик, который от скуки решил поболтать с путешественником, нечего

на него злиться, он вовсе не подозревает, что Шрам участвовал в той заварушке, и не пытается вывести его на чистую воду.

— Значит, пойду дальше, — сказал он, возвращая пустую миску. — Хороший суп. Спасибо, отец.

Теперь, хочется или нет, нужно купить припасов в дорогу. Могильщик прошёл по торговому ряду, прицениваясь. Возможно, стоило уйти с тракта и поискать какую-нибудь ферму, чтобы купить еду у крестьян, но Краг ни разу в жизни не бывал в этих местах и опасался, что потеряет слишком много времени или и вовсе заблудится.

В очередной раз могильщика разобрала злоба по поводу чёртова прижимистого кузнеца. Впрочем, Палёный за жадность сейчас уже кормит своей сгоревшей плотью червей.

Торговый ряд кончился, к нему примыкала вытоптанная поляна, на которой сейчас странствующая труппа репетировала вечернее представление. Шрам любил поглазеть на артистов, но посещение стоило осьмушку, а то и четвертак, потому от культурного досуга могильщик решил отказаться.

За поляной торчала виселица, на которой болталось два тела. Походило на то, что и казней сегодня не намечалось. Краг, которому последние три дня приходилось петлять коровьими тропами и питаться орехами да поздними ягодами, согласился бы посмотреть и на обычную драку, лишь бы в ней участвовали люди. На миг он даже пожалел, что не поговорил с тем стариком, но уже через пару секунд забыл об этом.

Уже за тем местом, где расположилась труппа, но перед виселицей какой-то старик соорудил из старой бочки себе помост и взобрался на неё.

— Никто не будет против пары хороших легенд? — звучным голосом произнёс старик.

Против никто не высказался, даже пара актёров присоединилась к собирающимся любопытствующим. Троица возниц из обоза, вставшего на отдых через дорогу, старик, торгующий супом, пяток пилигримов, вездесущие детишки (торговые ряды примыкали к многочисленным посадам), кучка каменщиков, несколько покупателей — так и набилась целая толпа. И Краг тоже был среди собравшихся, он подошёл к бочке одним из первых. Во-первых, он любил послушать истории. Во-вторых, пожертвования бродячему сказителю — дело сугубо добровольное.

— Говорю сразу: рассказываю про то, про что сам хочу рассказывать. Это чтобы не возникло недопонимания, а то кому-то надо про хитрую лисичку, а кому-то как королева Горлива ходила к конюхам, а потом, не насытившись, и всех коней обласкала.

Послышались смешки, хотя на северо-западной границе уже года полтора как спокойно, а такие историй быстро выходили из моды, стоило королевским шпикам перестать за них платить. Сейчас в ходу были истории о том, как Гризбунг в одиночку одурачил прошлого короля и всех его прихлебателей и уселся на трон. Шрам слышал от кого-то из знакомых могильщиков какую-то мутную историю о найденных реликвиях, возводящих родословную нового короля к довоенным временам, но не слишком понимал, к чему они. У Гризбунга три года назад была настоящая армия из наёмников, а Шератли практически проиграл войну с Горливом, его войско практически уничтожили в генеральном сражении, и молодому генералу наёмников никто не мог помешать взойти на престол. Велион говорил о какой-то легитимности, но Шрам прекрасно помнил, что был одним из тех, кто встречал нового короля как настоящего спасителя. В том числе, потому что служил тогда в городской страже Айнса, к которому пёрла четырёхтысячная неприятельская армия. Но Гризбунг умудрился сколотить из бежавших королевских войск боеспособный отряд, укрепил им собственную

армию и каким-то чудом сумел перехватить войско Горлива на переправе, устроив там форменную резню, хотя у него было вдвое меньше людей.

— Могу рассказать, как прошлой зимой нажрался и пошёл отлить в лес, да упал к медведице в берлогу, но вам это не интересно. Никто же пока не видел моих детишек? У них коричневая шерсть и когти на руках, но разговаривают они по-человечески.

Опять смешки. Всмотревшись в рассказчика, Краг с удивлением отметил, что тот не так уж стар — волосы были не седыми, а выгоревшими на солнце, а то, что он принял за морщины — сетка шрамов, будто стягивающих кожу в некоторых местах. Выглядело так, словно об лицо сказителя разбили несколько бутылок из очень тонкого стекла. Вроде тех, что Шрам видел на каком-то из могильников в здании, когда-то бывшим университетом, а сейчас превратившимся в братскую могилу для сотен студийцев и преподавателей.

— Но больше всего я люблю рассказывать про стародавние, ещё довоенные времена. Поговаривают, тогда по земле ходили боги. Вернее, два бога. Когда-то их было три, но двое решили, что делить на двоих удобней, и грохнули своего братца, отрубили ему голову, сделали из черепа игрушку, а самого брата назвали Низвергнутым.

Эти два братца, Толстый и Красный, пусть их будут звать так, какое-то время поправили землей вместе, но потом каждому из них голову пришла мысль — на одного-то всё делится ещё лучше, потому что тогда и делить ничего не надо. Но силы у них были абсолютно равны, драться бесполезно — битва продлилась бы до скончания веков, но выявится ли победитель, не понятно. Да и не хочется драться. Вдруг всё же брат за последние годы стал сильнее в магическом искусстве или владении мечом?

И тогда решили братья обратиться к самым умным своим созданиям — людям. Вдруг им удастся выявить того, кто лучше? Ведь люди им поклоняются, приносят в храмы дары...

Кто-то крепко ухватил Крага за локоть. Могильщик положил свободную руку на рукоять косаря и повернулся. Но, увидев знакомую широкополую шляпу, невольно заулыбался. Велион тоже кривил бледные губы в слабой усмешке.

— Сбежал, выходит.

— Угу.

— Пошли отсюда.

— А что же история? Я хочу дослушать.

Велион ухмыльнулся шире, теперь он говорил так, чтобы никто, кроме Крага, его не слышал:

— Кронле сам её выдумал. Это его любимая сказка. Всё кончится тем, что боги будут иметь в задницу каждого представителя из собравшихся профессий, а кто из богов больше понравился, тот и победил. Обычно всё кончается дракой, но сам рассказчик сбегает первым, оставляя шанс выяснить отношения другим.

Вдвоём они принялись проталкиваться сквозь увеличившуюся с начала рассказа толпу.

— ... подходят боги к каменщику и спрашивают, не рассудишь ли нас, добрый человек? Пилигрим судил-судил, да не рассудил. Торговец судил-судил, да не рассудил. Спустил каменщик штаны и повернулся к богам спиной. Давайте, говорит, а уж я определю, кому из богов надо мной быть...

Похохатывающие до этого вместе с остальной толпой каменщики заткнулись. Всё веселее становилось тем, кого рассказ не затронул, всё громче возмущались те, кого сказитель не обошёл вниманием.

— ... что-то не пойму я, кто из вас в этом деле крепче. Но есть у меня ещё один

способ...

— Над кем ржёшь, ублюдок? — взревел кто-то совсем рядом со Шрамом.

— Над тобой, конечно, кто же ещё догадался...

Кто-то запустил в сказителя комок засохшей грязи, следом полетела тушка дохлого голубя, но Кронле и ухом не повёл, продолжая свой рассказ, хотя это становилось всё сложнее из-за шума.

Могильщики выбрались из толпы. Велион уверенно вёл Крага куда-то в сторону пригородов, минуя торговые ряды.

— Нужно найти трактир, в котором мы договорились встретиться с Кронле, — пояснил он. — Обычно он после такого любит надраться, но подальше от того места, где рассказывал.

— Откуда ты его знаешь?

— А ты по его роже не понял? Он ещё легко отделался в тот раз.

Теперь Крага осенило. Такие шрамы можно заработать, если одно из распространённых проклятий — Горячее Пойло, как его называли могильщики — сработало прямо перед лицом. Правда, обычно кожа слезала с черепа вместе с мясом, а сам пострадавший к тому времени уже не дышал. Могильщику-сказителю действительно повезло.

— Мы встретились вчера, — продолжал Велион, — и решились на одну авантюру. Нас с тобой могут искать обиженные родственники погибших кузнецов, а Кронле ищут монахи Единого. За ересь, понятное дело. Потому мы решили скрыться из вида всерьёз и надолго. Как ты на такое смотришь?

— Я за! — быстро ответил Шрам. — И куда же вы решили идти?

— В Бергатт. Мне осточертело таскать мелочёвку из обычных могильников. Чтобы нормально зазимовать нужно или делать накопления, или сорвать куш. С накоплениями у меня в этом году совсем туго, а нормальный хабар можно найти только в легендарных местах — Бергатте, Импе, Сердце Озера, Хельштене. Ближе всего к нам Бергатт, так почему бы не попытать удачу? И не говори, что это гиблое дело, я и так это знаю.

По спине Крага пробежал холодок, но он не стал ничего говорить против. В конце концов, жизнь могильщика — это одно сплошное гиблое дело.

***

На прошлой неделе их было трое, потом Седой погиб, и они оказались сами по себе. Сейчас они опять втроём, но Кронле оказался полной противоположностью Седого, да и цели преследовал абсолютно другие.

Место, где они встретились с Кронле, тоже мало походило на их закуток, в котором Краг и Велион жили прошлые два месяца. Таверна делилась на два помещения, разделённых кучей занавесок. В левой половине стояли столы, здесь ели и пили одни посетители, а между ними сновали служанки и шлюхи. В правой на полу толстым слоем лежала солома, по ней стелили покрывала, на которых могли устраиваться целыми семьями, могли по одному, а иногда и делились с незнакомцами. На покрывалах раскладывали еду и выпивку, по большей части принесённую с собой. Между этими постояльцами бегали дети и собаки, и лишь изредка — служанки. Никаких отдельных комнат, только кухню отделяла перегородка, да рядом можно было увидеть открытый люк подвала, откуда несли соленья и холодную выпивку. Комнату можно было найти, если выйти во заднюю дверь и пересечь двор, где благодаря тёплой погоде под открытым небом готовилась часть еды, в двух шагах от очага

рубили головы курам и разделявали свинью, а в большом чане мыли кружки и миски. Там же, на другом конце двора, пыхла дымом и паром баня, а в двух дюжинах шагов стояла конюшня, где можно оставить или арендовать лошадь. Всё это было, но где-то там, куда ходят богатые купцы, купившие дорогих шлюх, или останавливаются бароны со своей свитой. Но в главном здании правилам бал чернь, здесь можно поесть сытной и дешёвой еды, выпить, и, если переборщил с выпивкой или негде переночевать, за мелкую монету перейти за занавеску в правую половину помещения.

— Шрам, значит? — невнятно переспросил сказитель, прикрывая окровавленный рот тряпочкой: кто-то всё же успел до него добраться, хотя толпа по большей части была занята сама собой. — Кажется, что для этого прозвища куда лучше подхожу я. Но не буду претендовать.

Кронле отнял тряпицу от лица и сплюнул кровью в грязную солому, тонким слоем покрывающую дощатый пол трактира.

— Этот рассказ стоил мне двух зубов, — опечаленно сказал он.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Краг.

— Как зачем? Нет ничего лучше хорошей драки. Особенно, если сам в ней не участвуешь. — Могильщик-сказитель швырнул кровавый лоскут на стол и взялся за эль. — Низким людям нужны низкие удовольствия. Не будь меня, они бы весь день орали на близких, друзей или семью, а так они выпустили из себя всю злобу на несколько дней вперёд. Спровоцировать таких людей тоже не составляет труда. Намекни на то, что какой-нибудь человек, например, каменщик, в стародавние времена сношал свинью, или кто-то сношал самого каменщика, его жену или мать, и каменщик обидится. Потому что у каменщика обычно папа тоже каменщик, и дед был каменщиком, и прадед, и прадед его прадеда. И сын станет каменщиком, а потом внук. Вот и считай — вроде как обидели всю семью. А если кто-то рядом ещё и посмеялся над этим, то обида выходит вообще смертельная. На болтуна-рассказчика обычно всем плевать, он, вроде как, и не виноват, он просто историю рассказывает. Да и вообще, к бродячим сказителям отношение немного другое, более уважительное. Побей одного, и второй не захочет приходить. Но иногда, к сожалению, приходится страдать ради благого дела.

— С храмовниками всё сложнее, — усмехнулся Велион, забирая у подошедшей служанки свою тарелку.

— Да, на самом деле, с ними тоже всё просто. Я нападаю не на самих жрецов, а на то, во что они верят. Что за дело жрецу до другого жреца, жившего сто лет назад? Он ему ни отец, ни брат, никто. Потому что отцом жреца обычно был каменщик или рыбак, или сапожник, или вообще кто угодно. Кроме верховных жрецов, конечно, у них папы — графы и рыцари, те могут обидеться по поводу затронутой чести семейства, но они обычно на мои выступления не попадают. Обычным же жрецам на такое плевать — они вырваны из этого круга, когда сын рыбака и внук рыбака становится рыбаком. На старую семью им плевать, потому что они уже не являются её частью. На новую — тоже, это не семья в обычном понимании, наследников жрец с другим жрецом не оставит. А вот богу он молится тому же самому, что и его предшественник сто лет назад или даже двести, и делает это в том же храме, в той же келье перед тем же идолом. Вот туда и надо давить. Но тоньше. Простой человек тонкость не поймёт, ему нужны грубые действия. Для жреца же нужно что-то другое, он, в конце концов, образованный человек. Например, то, что идол его не такой уж и старый, а есть постарше и поглавнее.

— Культ Единого возник недавно, уже после войны, — заметил Краг. — Мне об этом один жрец рассказывал, когда я ещё в городской страже был.

— Потому-то его последователи самые злые и нетерпимые, — с деланой печалью закончил свой рассказ Кронле. От этой гримасы у него даже как будто прибавилось шрамов.

— И Низвергнутого ты сам придумал?

— О, нет, это не я. Видишь ли, я и сам когда-то был жрецом, но большую часть времени я проводил за кружкой с вином, а не за изучением всех молитв, легенд и преданий, потому-то имена его братьев я и позабыл. Но погубило меня не это, а то, что меня прихватили с прихожанкой во время... молитвы. Замужней прихожанкой, а я ещё и обет безбрачия давал. Представь себе, за этот смертный грех меня... — сказитель сделал паузу, чтобы глотнуть эля, — выгнали из храма. А за то, что я рассказал в присутствии служителям Единого о том, что их бог — внебрачный сын Красного, получившийся от противоестественной связи, меня хотят сжечь. Где жизненная справедливость? Я же не давал Единому никаких клятв. И не дам.

— Не слишком-то тонкая работа, — заметил Велион, занятый до этого исключительно тарелкой с тушёной репой.

— Это были пьяные жрецы, сам я был пьян, и большая часть людей в той таверне — тоже. Я, если честно, очень удивлён, что про меня вообще вспомнили и до сих пор хотят сжечь.

— Это же богохульство, — добавил Шрам. Ему было неуютно от этого разговора, да и вообще того, что Кронле так спокойно обо всём этом рассказывает, да ещё и в таком людном месте. Но, кажется, до них никому не было дела.

— Для жрецов Единого — да. А вот их «товарищи» из культа Отца и Матери — святые люди! — очень громко смеялись и просили рассказать что-нибудь ещё. — Кронле залпом допил кружку. — Ох, наконец-то эль смыл кровь. Теперь можно приложиться к бочонку как следует, чтобы притупить боль.

— И всё равно это неправильно.

Кружка замерла на полпути ко рту провокатора. Он сощурился и поинтересовался:

— Ты, случаем, не в Единого веришь?

— Молился ему какое-то время. — «То время, пока ждал своего конца в ловушке под названием Горлив». — И иногда продолжаю.

Кронле пожал плечами и отпил, наконец, эля.

— Если хочешь, могу принести тебе свои извинения. Я не со зла. Но не скажу, что никого не хотел обидеть.

— Да ничего, — отмахнулся Шрам, — я не фанатик. К тому же, я знаю — всё, что ты говорил, неправда.

— А твоего бога, друг Велион, я не обидел?

— Нет, — сухо отозвался тот, смакуя эль, — иначе ты бы уже был мёртв.

— От твоих рук? Не верю.

— Нет, не от моих. От его.

— И что же это за бог такой, карающий даже на нашей брэнной земле? — Кронле вновь скептически сощурился.

— Случай, Удача, Невезение, Стечение обстоятельств, Трагическое несчастье, — у него много имён, — с усмешкой ответил Велион.

Шрам хмыкнул, а Кронле даже хохотнул.

— Что ж, такого бога я обижать не намерен. Давайте выпьем за него.

Гул в обоих залах нарастал. Откуда-то появились бродячие музыканты, затянувшие разухабистую песню про короля Гризбунга. Кронле достал серебряный, и на их столе махом очутился бочонок с элем и кувшин вина. Служанки и шлюхи становились всё привлекательней (поменяли их к вечеру, что ли?), и вскоре Шрам забыл обо всех каменщиках и их богах.

Глава шестая. Мёртвая дорога

Дорога чёрной змеёй уходила к горизонту. Там уже виднелся конус Полой Горы, чью вершину последние семьдесят лет покрывал не рассеивающийся туман. Возможно, из-за этого тумана никто и не совался в Бергатт. Или не возвращался из него, чтобы рассказать, хорош ли там хабар.

Они шли уже третий день. Местность становилась всё менее обжитой. Довоенный тракт нёс на себе всё больше следов разрушений, и, в конце концов, могильщикам пришлось свернуть на новую земляную дорогу. Старый тракт, выложенный идеально подогнанными плитами размером с телегу, не разменивался по мелочам, насквозь пробивая дремучие леса и даже холмы. Дорога, проложенная после войны, струилась между рошицами и заброшенными руинами, иногда даже пасуя перед большими камнями, трусливо их огибая.

«Когда-нибудь, — сказал как-то Кронле, — и мы научимся строить хорошие дороги». Краг в ответ недоверчиво хмыкнул. Что-то не верилось. Всё измельчало со времён дедов. Строить тогда умели куда лучше, чем сейчас. И не только строить — высекать скульптуры, сажать роши, рисовать картины, вообще всё умели лучше. В том числе воевать и убивать. Чернеющие в полумиле слева руины очень красноречиво говорили об этом.

— Сначала зайдём в Новый Бергатт, — говорил сказитель, морща покрытое шрамами лицо и глядя в карту, — это немного не по дороге, но крюк всего в полдня, да и свежие припасы нам пригодятся. Денёк-другой передохнём и-и-и в путь, к Полой Горе. Там набиваем сумки золотом, сколько сможем унести, и идём в Ариланту, пропивать, проедать и протрахивать. В общем, сорить деньгами направо и налево.

— Прекрасный план, — усмехнулся Шрам.

— К сожалению, трудновыполнимый, — добавил Велион, откуда-то из-под полей своей шляпы. Несмотря на тёплую погоду, шляпы он не снимал почти никогда и носил её, немного сдвинув на лоб, будто не хотел никому показывать лицо.

Возможно, на то есть причины, думал Краг. Наверное, дело не только в убитых нами кузнеце и подмастерьях, они, и те, кто мог за них отомстить, остались далеко позади. Но спрашивать не было никакого смысла — о своём прошлом Велион не рассказывал практически никогда, ограничиваясь только байками о пройденных могильниках. Но, судя по этим байкам, за плечами у хладнокровного черноволосого могильщика больше, чем у большинства их собратьев. Шрам чувствовал себя тёртым калачом: он ходил по руинам уже третий год, но Велион иногда рассказывал о таких вещах, о которых не слышал ни сам Шрам, ни куда менее опытный Седой.

— Не брюзжи, — отмахнулся Кронле, — смотри в будущее с улыбкой на лице.

— Я всегда так и делаю.

— Ох, что было бы, если ты смотрел в будущее по-другому? Например, без улыбки, но со скорбью?

— Я кричал бы, что мы все умрём в муках на окраинах Шранкта.

— Да таких оптимистов как ты ещё свет не видывал!

Краг тем временем высматривал место для ночёвки. На какой-нибудь хутор, которые пока ещё встречались по дороге, трёх здоровых мужиков ночевать никто не пустит, даже денег предлагать не смысла — мало ли кем могут оказаться незнакомцы. Последний

постоялый двор они видели вчера вечером (там и ночевали), и по логике скоро должен появиться ещё один, но скоро — слишком растяжимое понятие. В таких местах трактиров немного, обычно они располагаются ровно в дне пути друг от друга. Если это расстояние считалось для пешего странника, они скоро доберутся. А если конного, то им ещё идти и идти. Да и вообще не известно, есть ли в этих местах хоть одна подорожная гостиница — других странников могильщики встречали всё реже.

— Вот, — сказал Краг. — Вот здесь нам нужно остановиться.

Он указывал на развалины дорожного дома — довольно крупного сооружения, одного из тысяч возведённых в наиболее удалённых местах по всей сети дорог ещё до войны. Здание имело прямоугольную форму, в нём было устроено несколько очагов и два камина. Это выглядело порядком потрёпанным, но всё же часть крыши осталась, да и стены выглядели ещё крепкими. Обычно за такими домами продолжали следить и после войны, ведь они давали прибежище многим путникам, не имеющими денег на постой. Часть из них перестроили в трактиры, а в некоторых люди поселились и на постоянной основе. Но некоторые остались заброшенными, и этот выглядел именно таким.

— До заката ещё пара часов, — с сомнением произнёс Кронле, — может, попробуем добраться до трактира?

— Сколько до него ещё идти? — возразил Шрам. — Час или, может быть, десять? Собирается дождь, и я не хочу ночевать под открытым небом. А эти два часа можно потратить на приготовление еды и устройство ночлега. У нас ни хворостинки нет.

— Ночевать в этих развалинах может быть опасно, — продолжил упорствовать сказитель. — Крыша может рухнуть от одного слова. Да и стены не выглядят прочными.

— Посмотрим, есть ли там лошадиное дерьмо и свежие кострища, — предложил Велион. — Если есть, то можно ночевать, ничего не опасаясь.

— Убедили. Я, конечно, хотел выпить перед сном доброго эля, но и родниковая вода иногда ничуть не хуже. И по утрам от неё не болит голова.

Могильщики свернули с новой дороги в сторону старой. Им предстояло пройти с полмили по исковерканному и усыпанному камнями полю. Складывалось впечатление, словно кто-то сделал здесь отвал с породой, но никаких рудников в радиусе десятков миль не было. Могильщики осторожно пробирались через валуны, старательно обходя занесённые землёй насыпи. Иногда они чувствовали слабое присутствие магии, но ничего опасного из себя эти насыпи не представляли. Порой из земли торчали обломки тех самых плит, из которых был сделан тракт.

— Нужно упасть с большой высоты, чтобы так глубоко воткнуться в землю, — заметил Кронле, останавливаясь около одной из них. — Чего только я не видел на могильниках, но настолько разрушенную дорогу — впервые.

— Я видел целый храмовый комплекс, обращённый в песок и щебёнку, — сказал Шрам. — Кое-где песок был оплавлен почти до стекла.

— И где же ты такое видел?

— На севере, почти у Шавлонского пустыря.

— Уж не Илленсию ли ты там искал? — фыркнул сказитель.

Краг не ответил, потому что именно этим он там и занимался.

— Я как-то искал Илленсию, — сказал Велион. — Семь лет назад. Дошёл до пустыря решил заночевать на окраине. А к утру был уже в пятнадцати милях южнее. Хреновое место, очень хреновое.

— Да уж, — потянул Кронле, — такие большие, а в бабкины сказки верите.

— Иллесия — не сказка, — покачал головой Велион. — Она есть на каждой из старых карт тех мест. Я видел прекрасные гравюры и картины с её изображениями, читал записки о ней. И я даже не хочу предполагать, что там произошло, если сейчас на месте огромного города находится Шавлонский пустырь.

— Вот, значит, как, — крикнул могильщик-сказитель. — Тогда не буду ставить под сомнения твои слова, друг Велион. Я обычно из могильников стараюсь тащить золото, серебро и украшения, а не карты и записки.

— Старьевщики иногда дают за них неплохие деньги. Некоторые маги охотно покупают старые книги. С магами даже проще — им не нужны обложки. Страницы лёгкие, не занимают много места, их можно почитать на досуге, и к пергаменту не цепляется магия.

— Нужно будет взять на заметку. А ты, дружище Шрам, добрался до пустоши?

— Нет. Я наткнулся на другой могильник, собрал там хорошую добычу, а когда она начала кончаться, уже начались осенние облавы.

— Да уж, — хмыкнул Кронле, — королевские солдаты не будут разбираться, кто ты — нищий бродяга, разбойник, могильщик или горливский шпион, дорога тебе на виселицу.

Они болтали почти всю дорогу до старого тракта. Там, где они его переходили, было чуть ли не самое разрушенное место из всех — посреди дороги просто торчал невесть откуда взявшийся кусок скалы, разворотивший каменные плиты. Им пришлось помучаться, чтобы перебраться через завал, но всё же могильщики остановились у входа в дом, из осторожности не торопясь туда заходить. Дверь отсутствовала, и в пустом проёме можно было увидеть полосы света, пробивающиеся сквозь дырявую крышу. На полу валялось множество обломков какой-то утвари, засохшие мелкие кости, куски тряпок, глиняные черепки. Велион даже надел перчатки, чтобы распознать магию, но довольно быстро покачал головой, давая понять: ничего серьёзного в доме нет.

Краг уже начал жалеть о том времени, которое они потратили на дорогу сюда. Больше всего его беспокоило отсутствие хоть какой-то тропы, ведущей от новой дороги к старой — если странники хоть изредка сворачивали к дому, они должны были оставить какие-то следы. Популярностью это место явно не пользовалось.

Позади послышался шум. Обернувшись, Шрам увидел трёх всадников, мчащихся по старой дороге.

— Видимо, трактир всё же недалеко, — буркнул он, признавая свою вину.

— Они конные, — отмахнулся Кронле. — Если до трактира миль пять или шесть, они могут успеть до темноты, а мы не сможем. Да и как сюда тащить коня? Животина все ноги переломает.

— Я вижу кострище, — добавил Велион. — Старое, но всё же не сильно.

— А я увидел кучу дров вон в том конце. Даже хворост искать не придётся. Пошли, друзья, мои ноги устали от этой неровной дороги.

Кронле вошёл в дом первым, Краг за ним. На каменном полу лежал толстый слой пыли, и на ней Шрам увидел старые следы. Западная стена зияла огромными дырами, от крыши и вовсе осталась только половина, но уцелевшая часть дома всё же выглядела вполне крепкой. Да и множество мусора на полу говорило, что этим местом всё же пользовались и после войны.

— Вон там, — сказал Велион, тронув Крага за плечо и указав влево.

На груде, перемешанного с деревянной трухой, лежали сотни старых костей. Когда-то

— Шрам готов был поспорить на кучу денег, что семьдесят лет назад — здесь упокоилось не меньше полусотни человек.

— Здесь убирались, чтобы не ходить по костям. Можно ночевать. Только найти место, где поменьше пыли.

Такое место нашлось — у одного из каминов кто-то навёл относительный порядок, здесь же и лежала груда хвороста, замеченная Кронле.

— Рядом с такими домами часто есть колодцы или родники, — произнёс Краг, скидывая свою сумку и снимая с неё котелок, — пойду поищу, может, сварим суп из солонины и пшена.

— Я люблю суп, — закивал Кронле. — И у меня есть кое-какие сушёные овощи и пара горстей муки.

— А я видел у дома крапиву, — добавил Велион. — Может, найдём молодую.

Кронле занялся растопкой, а два других могильщика вышли в поисках припасов. Краг увидел, что по новой дороге тянется небольшой обоз, но в этот раз его ничто не смутило. Ну и пусть постоянный двор где-то рядом, они и здесь неплохо устроятся. Да и не притащить сюда телеги, он и сам уже не хотел ломать ноги по тем камням.

А то, что здесь так мало следов... Большинство людей очень суеверны, они очень боятся захороненных тел, тем более соседства с десятками скелетов. Наверняка, у местных есть какие-нибудь байки о призраках живущих здесь. Краг и сам таким был, но путешествия по могильникам быстро отучили его бояться скелетов.

За северной стеной дорожного дома бил выложенный камнями родник, где могильщики набрали чистой ледяной воды, предварительно вдоволь напившись. С крапивой им не повезло, впрочем, им и так нашлось чего кинуть в котелок — была и солонина, и размолотые сухари, и мука с крупой, и сушёная морковь, и даже пара завядших, но ещё съедобных, листьев капусты. А у Кронле на дне меха нашлось по три глотка кислой браги. Наевшись, могильщики кинули жребий, кому дежурить первому, и Велион с Крагом улеглись спать. Кронле принялся рассказывать какие-то байки, чтобы, как он сказал, самому не уснуть. Шраму предстояло стоять на посту последним, поэтому он какое-то время с удовольствием слушал сказителя — всё-таки он знал и множество нормальных легенд. Когда же сон начал брать своё, он отвернулся к стене, оставив Кронле бормотать сказки самому себе.

***

Краг не мог понять, спит ли он. С одной стороны, всё происходило будто бы наяву. С другой, стойкое ощущение нереальности не покидало его ни на миг уже какой-то довольно продолжительный промежуток времени.

Его разбудил Велион. Сказал, что пришло время сторожить, и улёгся к гаснущему костру. Шрам, с трудом сдерживая зевоту, подкинул в костёр хвороста и сел спиной к огню, так, чтобы видеть дверной проём и западную стену. Часть дорожного дома была хорошо освещена лучами лунного света, проникающего через многочисленные отверстия в стене и потолке, другую скрывала непроглядная тьма. Был ещё пятачок пола, которому достался неверный оранжевый свет от костра, его очертания всё время менялись, постепенно уступая надвигающейся темноте. Могильщики расположились у восточной стены, и рассудить, скоро ли наступит утро, для Крага оказалось не так уж и просто.

Впрочем, становилось всё холоднее и светлее. Шрам чувствовал тепло костра своей спиной... или уже не чувствовал? Костёр, определённо, горел, могильщик слышал его

потрескивание, освещённое пятно колебалось под натиском тьмы. Краг выдохнул и понял, что из его рта клубами поднимается пар. Лето кончалось, ночи становились всё холодней, но не до такой же степени. Шрам крепче закутался в плащ и повернулся, чтобы подкинуть в костёр дров...

... или не повернулся?..

С западной стороны становилось всё светлей, и это как будто не совсем правильно, Краг не мог сказать точно, так это или нет. Холод сковал его тело, волосы в его носу будто покрылись льдом, дыхание причиняло уже физическую боль. Так холодно не было на всей памяти Крага, даже во время самой суровой зимы. Но... так ведь и должно быть? Или нет?

Голубоватый лунный свет сменился неестественным зелёно-фиолетовым. Казалось, что там, справа, горит уже не костёр, а пожар, хотя могильщик готов был поклясться — туда, к груде костей, не отскочило и искорки. Да и чему там гореть?

Потрескивал костёр... или что-то другое? Краг кутался в плащ, сжимаясь в комок. Подбородок упёрся ему в грудь и давил на неё так сильно, что уже скрипели зубы. Шрам с трудом смежил веки. Его глазные яблоки будто превратились в два ледяных шара. Мороз стиснул плечи, выламывая их, пальцы до боли впились в бока.

Шло время. Свет от костра сдавался под натиском с одной стороны — тьмы, с другой — ярких всполохов, исходящих... откуда? Краг открыл свои замёрзшие глаза и с трудом повернул голову набок, едва не сломав о колено отмерзающий нос.

Груда камней, обломки крыши и стены. На завале — груда костей, обломки людей. Неестественное сияние исходило от костей. Что-то лезло из глубин завала наружу. Шуршали и постукивали камни, похрустывали кости. Слышалось тихое шипение, треск костра и дыхание трёх человек. Шипение явно принадлежало тому, что выбиралось из своего логова, раздвигая камни и маскирующие нору костяки.

Из-под костей высунулась тощая четырёхпалая рука с крохотной ладошкой, но длинными пальцами, оканчивающимися кривыми когтями. Извернувшись, ладонь ухватила за крупный валун и потянула за собой извивающееся тело. Появилась узкая длинная голова, культя второй руки. Шипение превратилось в болезненные стоны. Всё громче трещали осыпающиеся камушки.

Выползень, наконец, вытащил своё четырёхфутовое тело из норы и встал на короткие изогнутые ноги. Впалые широкие ноздри раздувались, из-под слишком коротких губ торчали крупные плоские зубы, глаза недобро поблёскивали под навесом уродливого лба. Влажное дыхание перешло в кашель. Уродец поскрёб свою лысую голову, схаркнув в сторону. Наклонившись, он поднял одну из костей, сунул её поперёк рта и раскусил, после чего с чавканьем принялся высасывать из образовавшейся дырки костный мозг. Он никуда не торопился.

«Часть костей, видимо, не такая уж и старая», — подумал Краг, с каким-то детским любопытством наблюдая за карликом.

Сияние тем временем постепенно угасало, резко смещаясь то влево, то вправо. Быть может, его видел только сам могильщик. Да и это существо не могло существовать наяву, оно снилось Крагу. Реален был только холод, от которого нужно спрятаться. Шрам уткнул лицо в колени и попытался заснуть.

Рано или поздно Велион разбудит его, тогда нужно будет подкинуть дровишек в костёр. А пока нужно спать... спать... спать...

Что-то в нём противилось сну. Где-то внутри зашевелилось знакомое чувство. Ужас. Но

не такой острый, как это бывало обычно, когда он встречал нечто жуткое в могильнике. Этот ужас как будто чувствовал не он сам, а кто-то другой, и Шрам, словно увидев это чувство на лице другого человека, почувствовал что-то близкое. Но ужас-то, самый настоящий, был его собственным чувством. Краг заскрипел зубами, стараясь пробудить свои чувства, но волны апатии захлёстывали могильщика.

Шрам вновь с трудом раскрыл глаза и повернул голову, чтобы выползень вновь оказался в поле зрения. Тот уже начал приближаться, но, встретившись с взглядом Крага, остановился и тихо зашипел, будто успокаивая свою жертву.

Вот теперь могильщик почувствовал самый настоящий ужас, но, как это иногда бывает, страх сковал всё тело. Учитывая, что Краг и так едва шевелился, эффект лишь утроился. Шрам превратился в статую из живой плоти. Уродец вновь зашипел, оголяя испачканные ошмётками костного мозга зубы, и двинулся к Крагу. Могильщик почувствовал зловоние разлагающегося мяса, но этот резкий запах не вызвал даже рвотного позыва.

Выползень приближался медленно, готовый отступить в любой момент. Его непропорционально кривые ноги делали короткие шажочки, гниющие ступни шаркали по полу. Наконец, карлик вцепился в Крагу плечо когтистой четырёхпалой рукой. На месте мизинца торчало что-то странное. То ли извивающийся разноцветный червь, то ли какой-то жидкий студень. Краг осознал, что это могло быть как одним, так и другим, и в этом нет никаких проблем. Он и сам может спокойно охранять сон друзей и одновременно уйти с карликом к его логову, где они подремлют вместе. В том, что могильщик сможет одновременно и спать и сторожить, он не сомневался.

Шрам попытался встать, но ноги и руки так заоченели, что он даже разогнуться не мог. Хотя, и в этом никаких проблем, нужно чуть-чуть подождать, и ноги сами пойдут куда надо. Когтистая ладонь карлика легла Крагу на скулу, и слизень лизнул ему ухо, ввинчиваясь внутрь. Тонкие губы карлика раскрылись ещё шире, открывая его крупные зубы в уродливом оскале. Шрам с трудом начал поворачивать голову так, чтобы подставить щёку под укус — ничего страшного, можно ведь и дать себя попробовать, у него вкусная тёплая кровь и свежее мясо. Странно, само тело будто бы сопротивлялось Крагу, и простое движение превратилось в тяжёлую, изнуряющую борьбу с самим собой.

Могильщик ещё видел карлика, когда на его тонкое запястье легло что-то чёрное, и раздался хруст костей.

Крага будто ледяной водой окатило. Он проснулся.

Рядом, сгорбившись, стоял Велион, его правая рука, облачённая в чёрную перчатку, стискивала тонкую ручонку жуткого существа, лишь отдалённо напоминающего человека, а левой — тоже в печатке — могильщик закрывал рот и нос.

Шрам попытался вскочить и только неуклюже свалился на бок — его конечности так затекли, что он и пошевелить ими не мог. Уже началось покалывание, говорящее о восстановлении тока крови, но когда он восстановится, не известно, а действовать нужно прямо сейчас.

Велион был выше карлика на добрых два фута и гораздо шире, но он как будто замер, словно единственное, что он мог — это вцепиться во врага и стоять, не шевелясь. Уродец же принялся лупцевать могильщика левой рукой, и теперь Краг увидел — из неё торчит заточенный костяной шип, примотанный к культе человеческими волосами. Раздался душераздирающий клекот, перешедший в хрип. Шип вывалился, оголяя гниющую рану.

Краг тем временем умудрился как-то извернуться на полу и вцепиться зубами карлику в

ступню. Омерзительный запах пота и падали ударил ему в ноздри, рот наполнился настолько отвратительным вкусом, что Шрама немедленно вырвало, и всё же прежде он успел откусить кусок кожи.

Это и решило исход борьбы. Карлик дёрнулся от боли и постарался вырваться из захвата Велиона, но тот держал крепко. Мороз на долю секунды отпустил Крага. Видимо, на его друга заклинание тоже перестало действовать. Велион отнял от лица ладонь и буквально смял ей шею существа. Культия со стекающим по волосам кровавым гноем заколотила по груди и животу могильщика, впрочем, это уже больше напоминало агонию. Когда карлик почти перестал дёргаться, Велион схватил его за шею обоими руками, и через секунду послышался хруст ломающихся позвонков.

С возгласом отвращения Велион отшвырнул обмякшее тело в сторону и буквально рухнул на пол.

— Как ты? — простонал Кrag, с трудом принимая хоть сколько-то удобную позу.

— Эта вонь меня убьёт. Я, на хрен, чуть не задохнулся.

— А я весь затёк, как будто пару дней связанный повалился.

— Твою мать. Какого хрена мы не догадались проверить эти чёртовы кости? Я же надевал перчатки!

— Они выглядели старыми. Обычно ты проверяешь каждый угол на предмет засады уродливых карликов-магов?

Велион зло выругался в ответ.

— В могильнике — да, — буркнул он, выматерившись. — И так нужно делать везде. Могильщики и так живут слишком мало. Помнишь, если бы мы не взяли ножи в кузницу, нас бы здесь не было.

— Карлик мог отвести глаза от своей норы, — предположил Шрам.

— Может быть. Но всё же в следующий раз место ночёвки нужно проверять лучше, иначе в Бергатт нам лучше и не соваться.

Кrag ничего не ответив закрыл глаза и стал ждать рассвет, чувствуя, как по его телу разливаются кровь и тепло, а вместе с ними — боль.

***

— Да ладно, вот этот мелкий уродец едва не убил вас обоих? — потешался Кронле, с отвращением трогая мёртвого карлика носком сапога. — От него такая вонь, будто он умер неделю назад. Может, вы меня разыгрываете? А?

Кrag ничего не стал отвечать. Он до сих пор не прийти в себя от пережитого ночью ужаса, да и уснуть у него вышло только перед рассветом, что тоже не добавляло настроения. Затёкшие конечности почти отошли, осталось лишь слабое покалывание, зато заболели бока — на каждом наливались багровым пять синяков, оставленных его собственными пальцами. Велион как обычно выглядел спокойным, но и он иногда нервно поглядывал то на логово карлика, то на его останки.

— Если бы я имел обыкновение снимать перчатки каждый раз, когда ложусь спать, тебя бы сейчас заживо глодали, — хмуро заметил Велион. — Неужели ты не слышал, как мы тут боролись и орали?

— Нет, у меня крепкий сон. И мне снилась какая-то чушь. Будто я захлёбываюсь и не могу пошевелиться... — Могильщик-сказитель сощурился. — Сейчас ты скажешь, что этот карлик — маг.

— Сраное колдуньё, — буркнул Шрам.

— А как, по-твоему, он выжил здесь? — дёрнул плечом Велион. — Он вполне мог накладывать на путников чары и затаскивать себе в логово, а потом жрать. Я едва не задохнулся во сне, но прикрыл лицо перчаткой, и меня немного отпустило.

— А я вообще шевельнуться не мог, — вспомнил Краг, не вольно поёжившись. — Просто смотрел, как он подходит. И даже хотел подставить ему щёку, чтобы он её попробовал.

— Да уж. — Кронле поскрёб пальцами подбородок. — И мне ведь что-то подобное снилось. И что же это, интересно за карлик?

— Обычный карлик, — ответил Велион, — просто слишком долго жил рядом с магией. Наденьте перчатки и гляньте на его логово.

Краг нашёл перчатки в сумке. Мир на долю секунды выцвел, а после все краски стали гораздо более яркими, чем раньше. Но не только. Тело карлика будто окутало слабое сияние. А лаз в его логово заиграл знакомыми мертвенными зеленоватыми оттенками, хотя светиться там было нечему.

Магия.

— Видимо, он хорошо замаскировал свою нору камнями и костями, — предположил Краг.

— И там что-то такое, что он задействовал, но по причине собственной смерти не отключил.

— Нет. — Велион уже стянул свои чёрные космы в конский хвост, чтобы не мешали работать. — Это то, рядом с чем он провёл последние годы, просто мы не смотрели туда внимательно, а он действительно хорошо замаскировал вход. Возможно, это существо прожило здесь десятки лет. Заклинания и артефакты, излучающие свою энергию в пространство, могут поменять животных или человека до неузнаваемости, но на это нужно время. Гляньте только на этого уроды.

Вообще-то Краг думал, что рассказы о всяких чудовищах — обычные байки, но жизнь как всегда полнится сюрпризами. Чаще всего неприятными.

— Ты что, хочешь туда лезть? — спросил он, не веря в свои слова.

— Если этот карлик охотился здесь долгое время, он мог убить кучу народу. Где их деньги и ценности? Думаю, он собирал их у себя в норе, и я хочу её проверить. Может, мы пойдём проедать, пропивать и протрачивать золото уже в Новый Бергатт.

— Заманчиво, — хмыкнул Кронле.

— И более выполнимо.

Шрам заглянул в лаз. Жуткое место, он бы туда в жизни не полез. По крайней мере, пока свежи воспоминания о его хозяине.

— Ты не боишься? — спросил он у напарника.

Велион выгнул правую бровь и слегка насмешливо уставился на Крага.

— После бессонной ночи лезть в логово мага-людоеда? Боюсь, конечно. Но в Бергатт идти ещё страшнее.

Велион поправил перчатки и уверенно двинулся к завалу. Нора была достаточной ширины, чтобы туда мог протиснуться взрослый мужчина — иначе карлику туда свою добычу не заманить. Но черноволосый могильщик всё же убрал все камни и кости, которые мог увлечь за собой, прежде чем сунуться в лаз. Через полминуты оттуда торчали только его подмётки.

— Здесь какой-то грот... Ну и вонь, чёрт бы его побрал! Кажется, здесь ещё куча останков прошлых гостей. Ах, мать твою! Тащите меня на хрен отсюда!

Краг схватил Велиона за ноги и одним движением выдернул наружу. Могильщики свалились в пыль. Из норы сразу же повалили зловонные клубы чёрного дыма. Шрам вскочил, чтобы проверить в порядке ли напарник, но быстро успокоился — его лицо покрывала жирная копоть, не более.

— Там яма, — буркнул Велион, поднимаясь на ноги, — а в ней сгнившее мясо, настолько, что его можно ладонью черпать и жрать. А рядом с мясом такой пучок заклинаний... Я едва руку сунул, как одна из змей свалилась в жижу, и она начала коптить. Всё ценное под этим пучком, частично сплавленное. Складывается впечатление, будто карлик специально туда всё складывал.

— Не достать? — с сожалением спросил Кронле.

Велион покачал головой.

— Можно сбросить труп уродца на змей, — предложил Краг. — Возможно, часть заклинаний рассеется.

— А логово не обвалится?

— Можно попробовать, — задумчиво произнёс Велион. — Даже если всё обвалится, нам с этого хуже не станет — деньги и так не достать, слишком много магии.

Могильщики подтащили к логову тело его хозяина и, дождавшись пока не перестанет валить дым, зашвырнули его в дыру. Секунду ничего не происходило, а потом в глубине кучи тяжело ухнула высвободившаяся энергия. Из входа вылетел ворох щебёнки, но уже через долю секунды завал осел, поднимая тучи пыли. Когда они рассеялись, стало понятно — сокровищ, скопленных карликом, могильщикам не видать.

— Что ж, по крайней мере, это хорошая могила для его жертв, — сказал Велион, высмаркивая пыль. — Пошли завтракать. Если поторопимся, к ночи дойдём до Нового Бергатта.

Краг облегчённо вздохнул. Втайне он надеялся, что лаз завалит. Да и Велион, который не знал, куда деть дрожащие руки, был спокойнее только внешне. И только Кронле принялся ворчать в полголоса о том, что они могли бы прийти в Новый Бергатт уже богачами.

Глава седьмая. История Выродка

В последующие два дня Шрам не снимал перчатки даже во время сна. Он прекрасно понимал, что шансы наткнуться на подобную ловушку невелики, но раз уж такое чудовище завелось возле тракта, пусть и не слишком оживлённого, что же будет по мере приближения к окраинам цивилизованных земель?

На следующий день они миновали постоянный двор и последний хутор, заночевав на обочине старого тракта, прямо посреди развороченных дорожных плит. Дальше оставалось минуть лишь старую крепость, сейчас совершенно утерявшую свою стратегическую ценность, от чего её превратили во что-то вроде таверны. В крепости сидел помещик со своей семьёй, и даже пяток солдат при нём (тоже семейных), и пока воины несли службу, их семейства занимались заботой о путниках — содержанием конюшни и таверны, приютившейся за крепостными стенами. Поговаривали, будто разбойников на этой дороге немного только благодаря этому «гарнизону», несмотря на мирное использование форпоста.

Кронле наотрез отказался ночевать в крепости, мотивируя это тем, что рядом с солдатами ему не по себе, поэтому могильщики купили там еды и ушли, намереваясь пройти за остаток вечера как можно большее расстояние. В этот раз ночевали и вовсе в чистом поле. Оставался один дневной переход.

Конечно, достаточное количество еды можно было купить и в крепости-трактире, однако план могильщиков включал в себя обязательное посещение Нового Бергатта. Во-первых, кроме еды им могли понадобиться верёвки и хотя бы пара крюков — всё-таки могильщикам предстояло взбираться на немаленькую гору. В Бергатт, если верить старым картам, вела довоенная дорога, но в каком она состоянии после войны, можно только гадать. Во-вторых, они надеялись найти в городе других могильщиков, чтобы попытаться вывести о предстоящем походе хоть какую-то информацию. Кронле предположил, будто про Бергатт ничего не слышно, потому что местные братья по цеху последовательно грабят старый город, оставляя деньги в новом. Походили эти предположения скорее на мечты о богатой добыче. Да и Велион заметил, мол, в этом случае их никто из города не выпустит, либо же прихватят с добычей на обратной дороге — слухи о легкодоступных богатствах привлекут туда десятки желающих поживиться, и тогда предполагаемой идиллии конец. Среди обладателей проклятых чёрных перчаток не принято делить сферы влияния (хотя бы из-за того, что большая их часть живёт как перекасти-поле), но драки за добычу — обычное дело. В конце концов, кто бы чего ни говорил, могильщики — нормальные (или почти нормальные) люди.

К обеду третьего дня путники миновали место, где дороги расходились. Для разнообразия практически не тронутый старый тракт уходил на юго-запад, ведя к Полой Горе, заслонившей уже приличную часть горизонта, а новый поворачивал прямо на запад, к Новому Бергатту. Буквально через час заброшенные земли начали меняться прямо на глазах. Первым признаком цивилизации была виселица, на которой болтался свежий труп.

— Не хватает одного большого пальца на правой руке. Выходит, перед нами конокрад, — констатировал Кронле, как следует, рассмотрев труп. — Жизнь давала ему второй шанс, хотя кто им когда пользовался? Вот если бы у него был ещё и третий шанс... но он даётся, должно быть, уже за Туманными Горами.

Буквально сразу за виселицей начинались обрабатываемые поля. За полями виднелись три, одна за другой, водяные мельницы. Через полчаса могильщики миновали большое крестьянское поселение — больше трёх десятков домов, но без какой-либо стены.

— Труднодоступные места, — с лёгкой завистью в голосе произнёс бывший жрец, — на востоке свои, на севере и западе кусок Диких Земель, переходящий в Белую Пустыню, на юге Полая Гора. Война трёхлетней давности эти земли не затронула, хотя по прямой до Горлива здесь миль пятьдесят, не больше. Помню, читал про одного из королей Коросса... не помню, как его звали... но правил он тридцать восемь лет назад. Этот король решил пощупать Горлив за мощну и повёл девятнадцать сотен всадников через Дикие Земли, надеясь ударить оттуда, где никто не ждёт, разграбить пару городов и смыться той же дорогой. Кажется, его логика была в том, что коль небольшие отряды разведчиков постоянно пропадают в Диких Землях, то с почти двухтысячной армией ничего случиться не должно. Кажется, он ещё собирался каждый день высылать по гонцу назад, чтобы все знали о его продвижении. Но в Новый Бергатт не пришло ни одного гонца, и про армию никто больше не слышал.

— Короля звали Клевис Первый, — сказал Велион. — А после его смерти была пятилетняя усобица, во время которой часть северных земель ушла Горливу, а на трон сел Клевис Второй, дядька Первого. Сын Клевиса, Хоронге, дважды пытался вернуть утерянные земли, но в первый раз только разграбил их. Во второй свой поход он смог закрепиться там, но через полгода ему пришлось вернуть все завоевания, хотя за это он выбил из Горлива какие-то деньги. Говорят, его вместе с женой и детьми пришили горливские шпионы с подачи нашего прошлого короля по совместительству младшего брата Хоронге, Шератли. Сам Шератли развязал войну, в очередной раз намереваясь вернуть северные провинции, а по факту едва не просрал всё королевство.

Шрам слушал товарищей, развесив уши. По своему опыту он знал: если между соседями неприязнь, то она будет продолжаться поколениями. Но короли, избранники богов, оказывается, вели себя так же, как и обычные люди, разве что спорили не за малинник или кусок хорошей земли, а в куда больших масштабах.

— Иногда меня поражают твои познания, дружище, — с лёгким удивлением произнёс Кронле. — Неужели ты тоже в прошлом был жрецом? Или служил при дворе? Мне при первой нашей встрече показалось, что ты благородных кровей.

— Нет, — сухо ответил Велион и замолчал на следующие три часа.

Лишь когда могильщики вошли в город, он констатировал:

— Дерьмом пахнет похуже, чем в Ариланте.

Новый Бергатт представлял из себя череду посадов, разделённых надвое рекой. Восточная часть города была раза в два больше западной, там же располагалась наспех возведённая семьдесят лет назад крепость. Над западной, где между двумя жилыми кварталами втискивались ремесленный и торговые ряды, возвышалась башня магов, которую венчала восьмиконечная звезда.

— Некого им тут бояться, — хмыкнул Велион, — у них тут маги под боком.

— В таком мелком городишке — удивительно, — покачал головой Кронле.

А Круг сплюнул на дорогу и буркнул:

— Сраное колдуньё.

— Станный ты, друг Шрам. Откуда такая ненависть к нашим благодетелям, повелителям стихий, растений, животных и людей, собирателям мудрости и обладателям Дара?

Могильщик помолчал пару секунд, но потом всё же ответил:

— Братишку они у меня забрали, мне тогда пятнадцать было, а ему двенадцать. Говорили, Дар у него есть. Через полгода матери пришло письмо, мол, погиб при обучении, а с письмом три серебряных. Эти суки нам даже его тело не вернули, чтобы мы его похоронили по-человечески.

— Сочувствую. Говорят, обучение магии связано с большими опасностями для жизни.

— Хрена лысого. Говорят, что им люди для опытов нужны, вот об этом да, говорят. Замучили они Вагра, ублюдки, как пить дать замучили. — Краг ещё раз зло сплюнул.

— А ты, Велион, что думаешь о магах? Какие-то личные мотивы? Ты, конечно, как и подобает простому смертному, подобострастно молчалив, когда рассматриваешь башню, но во взгляде твоём читается что-то недоброе.

— Мотивы у меня исключительно меркантильные. А думаю я о том, что с ними нужно иметь как можно меньше дел, и то если больше не с кем торговать. Но придётся идти через мост — торговые ряды там.

— Думаю, маги, как и полагается, сидят сейчас в своей башне и познают своё искусство или муштруют толстые магические свитки.

— Налево посмотри.

Слева медленно прогуливалась ничем не примечательная на первый взгляд парочка — мужчина лет двадцати и девушка чуть старше шестнадцати. На первый взгляд от обычных горожан их отличала разве что повышенная чистота и не поношенная одежда. Но если всмотреться внимательней, можно заметить — эта пара держалась совсем по-другому, в их отстранённых взглядах отсутствовала хоть какая-то цель, а лица ничего не выражали. И, конечно же, с их шей свисали тонкие железные цепочки с подвешенными восьмиконечными звёздами.

— Надеюсь, ты не будешь выражать свою неприязнь в открытую, — прошипел Велион на ухо Шраму.

— Я не идиот.

Обычные жители на магов посматривали, но предпочитали отводить взгляды. Зато на троицу пришельцев можно было глазеть сколько влезет, и могильщики удостоились целой череды проверок — начали их изучение бегающие по пули мальчишки, продолжили старухи, стоящие у своих домов, а закончили двое стражников и их командир. Городские дружинники встретили путников уже у самого моста.

— Стен у нас нет, — сразу сказал десятник, — но за вход в город по полгроша с носа. Иначе — добро пожаловать на тракт, лучше по-хорошему. — Он стянул перчатку с левой руки и сунул сложенную ковшиком ладонь под нос сначала Шраму, потом Кронле, а после взявшемуся за кошель Велиону. — Не похожи вы на пилигримов, — продолжил стражник, глядя на то, как черноволосый отсчитывает медяки. — Выверните-ка сумки.

— Мы спутники странствующего сказителя, — отозвался Велион, суя в руку вымогателя лишний четвертак.

— Дорога небезопасна, — с тяжёлым вздохом сказал Кронле, — а я обязан нести свет знания во все уголки нашей великой страны. Меня зовут Кронле, а это хранитель моих записок Велион, и Краг, наш добрый друг.

— Сказитель, да? — переспросил стражник, явно оживившись. — У нас тут такие гости редкость. На кой хрен вы прётесь через мост? Идите к замку, по дороге к нему увидите площадь, а рядом с ней харчевня, «Жирный Окунь». Скажите хозяину, кто вы такие, он даст

вам комнаты за полцены. Нет, скажите, что от меня, и он даст комнаты бесплатно!

— Мы идём к торговым рядам, — учтиво ответил Кронле. — В путешествии требуется много мелочей, и я привык покупать их заранее.

— Конечно, конечно. — Десятник завёлся совсем как мальчишка. — А сегодня уже будете что-нибудь рассказывать?

— Конечно. Сразу после заката.

— Отлично! — стражник хлопнул Кронле по плечу. — Вперёд, ребята, завершим обход и в харчевню.

Стражники торопливо ушли, оставив путников. До заката оставалась пара часов, поэтому Велион предложил поторапливаться, и могильщики зашагали к мосту.

— Он не сказал, как его зовут, — буркнул Шрам через пару минут.

— А, это и не важно, — отмахнулся Кронле. — Я сомневаюсь, что хозяин харчевни предоставит нам и первую обещанную этим забывчивым человеком скидку. Главное, стражник запомнил, что хотел вывернуть нам сумки.

***

Могильщиков в Новом Бергатте не было. Никто не торговал хламом из старого города. Ни один из вездесущих мальчишек не знал дорогу до Горы — их не нанимали проводниками, а для бесплатного путешествия дорога слишком долгая. Чужаки же если и появлялись, то были либо купцами, либо сразу старались найти работу. Но чужаков, как и везде, в этих местах не слишком-то любили, и если бы не уважение к такому редкому гостю как Кронле, то могильщики вообще ничего не выведали бы. Сказитель даже предложил пожить в городе пару дней и заработать денег легендами, мол, будет слишком подозрительно уходить на следующий день.

— Если ты только не начнёшь пороть чушь, — сказал Велион.

— Да я же никогда, ты что...

Шрам выбрал три хороших кошачьих лапы в местной кузне, Велион купил верёвку и кое-какой еды, а Кронле заявил, что на трезвую голову ничего рассказывать не будет, и отправился дегустировать местные наливки. Выпивкой торговали фермеры с самой окраины Диких Земель, и она действительно развязала сказителю язык. Тот балаболил о каких-то откровениях, которые ниспослал ему бог-рассказчик, а потом принялся выспрашивать о жизни здесь, да о гостях, которые уходят и приходят, не похожих друг на друга, но у каждого из них есть чёрные перчатки, и Шрам забеспокоился, как бы Кронле не ляпнул чего лишнего. Но, вслушавшись, понял — сказитель ненавязчиво выпросил у фермеров про могильщиков. Про проклятых ублюдков, ворошащих кости предков и насылающих проклятья на добрых людей, те слышали, но ни разу в жизни не видели ни одного, а если бы увидели, то чёртовым трупоедам оставалось бы только молиться.

— Очень странно, — размышлял Кронле по дороге в таверну, — неужели сюда ни разу не приходили могильщики?

— Не сюда, а на фермы тех «добрых людей», — ответил Велион. — И я что-то тоже не хочу туда соваться. А что до Нового Бергатта — в город можно и не заходить, это же не по дороге, а если кто-то и заходил, то предпочёл не светить своими перчатками.

— За перчатки могут убить и там, где могильщики каждый день появляются, — добавил Шрам.

— Похоже не правду.

О появлении странствующего сказителя уже прослышала, должно быть, половина города. У указанной стражником харчевни толпилась уйма народу, и если бы Кронле не убедил вышибалу, что он и есть сказитель, могильщикам пришлось бы искать для постоя другое место. Ещё сложнее было со спутниками сказителя, но Кронле наотрез отказался останавливаться в этом месте без них, и Велиона с Каргом тоже пустили.

В зале загалдели, когда увидели троицу чужаков. Шраму было неуютно от такого внимания, пусть большая часть доставалась его товарищам. Велион, кажется, тоже не слишком-то радовался такой радужной встрече. Но Кронле откровенно наслаждался. Он громогласно объявил о том, что его горло пересохло с дороги, желудок липнет к позвоночнику, и работать в таких условиях он отказывается. Ему освободили стол, на котором сразу оказалась свежая еда и кувшин с элем. Велион же утащил Крага подальше от внимания, к самому выходу, но и там до них добралась служанка. Правда, есть пришлось стоя.

Кронле тем временем откровенно тянул время, наслаждаясь ужином, а когда начал, наконец, рассказ о страдающем духе Клевиса Первого, бродящего по Диким Землям во главе мёртвой армии, его глаза поблёскивали, да и язык порядком заплетался. И всё же его слушали с застывшим дыханием, Краг в том числе. Наверняка, у местных была своя легенда о Клевисе, но никто сказителю не перечил. Как это ни странно, людям порой куда интересней слушать о давних событиях, происходящих в их краях и с их предками, чем о дальних странствиях. Наверное, поэтому эти стражники, ремесленники и фермеры сейчас слушают сказителя, и когда тот закончит, пойдут по своим домам в свои постели, а Шрам никогда не вернётся туда, где родился, если только не решит продать там хабар.

В легенде о Клевисе Первом появилась то ли друидка, то ли дриада, требующая, чтобы король исполнил своё предназначение и воспитал дитя эльфов, и Краг понял, что где-то он уже это слышал.

— Выдумывает на ходу? — спросил он у Велиона одними губами.

— Угу. Наливка была крепковата. Но Клевиса, видимо, тут любят.

Наконец, Клевис почти разгромил армию мёртвых, но погиб от укуса ядовитой змеи, прятавшейся в черепе лошади по кличке Плотва, принадлежавшей королю мёртвых, и сам стал предводителем армии, во главе которой он сейчас оборонят рубежи страны от проклятых захватчиков, а Кронле, поклонившись и залпом вылакав кружку эля, начал новую легенду:

— Если обратиться к временам дальним, я бы даже сказал — былинным, можно вспомнить о главном покровителе магов, Низвергнутом. Вы ведь не думаете, что взбунтовавшаяся армия мёртвых появилась просто так? Конечно же, за её появлением стояли наши благодетели, что десятками лет думают о людях, делают их жизнь лучше, да и вообще чуть ли не богах, сошедших на землю — обладателях Дара.

Краг нервно огляделся. Магов он ненавидел, но высказывать о своей неприязни вслух не боялся только проверенным людям. Как он и опасался, в зале присутствовало минимум четыре мага — встреченная ими вечером парочка и ещё двое младших учеников, лет тринадцати-четырнадцати. Вероятно, добрые наставники отпустили их послушать сказки. А чёртвов Кронле, который уже упился вдрызг, кажется, вновь собирался спровоцировать толпу. Тут же Шраму пришла мысль о том, что Велион, куда лучше знающий сказителя, не зря занял место слушателя у самой двери. И судя по злomu выражению лица черноволосого могильщика, он тоже уже не ждал ничего хорошего. Оставалось надеяться на благоразумие

Кронле. Или на то, что маги не захотят его сжигать на глазах у людей.

— Низвергнутый, которого, как мы прекрасно помним, тогда звали Переродившийся, в отличие от своих братьев, Воина и Инквизитора, очень много работал с первыми магами, которые тогда вряд ли сильно отличались от нынешних деревенских ведьм. Разве что Дар в них бурлил настоящий, а не поддельный. Эта-то работа и свела его с одной из самых его талантливых учениц, Стилай. Любовь не чужда даже богам... но плоды этой любви бывают вовсе не такими, как хотелось бы. Тело обычной человеческой женщины, пусть и наделённой Даром, не вынесло наполовину божественной сути младенцев-близнецов, и результатом любви стал Крион Урод, Крион Выродок, которого позже будут звать Хельштенский Мясник. Вторым младенцем, Вусуулом, не прожил и недели, и легенды говорят, что ему повезло.

Стилай, безумно полюбившая дитя Перерождённого, не смогла убить своего первенца, как предлагал ей муж, и сбежала, надеясь воспитать его в одиночку. И, скажу я вам, это была задача не из лёгких. У Криона был шишковатый череп, левая нога на полфута короче правой, а горб на спине едва ли не больше всего остального тела. Ребёнок отличался злобой и неуравновешенностью, приступы ярости, в которые он иногда впадал, стоили десятка невинных жизней, и только мать могла успокоить сына. Переродившийся, занятый своими магическими опытами, не мог тратить время на свою жену и предложил магам найти её. Бог пообещал им отдать собственного сына для изучения — мало ли когда ещё в мире появится полубог. Долго пряталась Стилай по всему свету, но, в конце концов, маги схватили её. До последнего она пыталась защищать сына, а как крайнее средство воззвала к Переродившемуся, но тот ответил лишь, что она предала его исследования, и что ему нет дела ни до её судьбы, ни до судьбы собственного сына.

Но зов Стилай услышал другой бог, Жрец. Жрец не любил магов, потому он в обмен на её жизнь предложил спасти Криона. Она согласилась, так как другого способа спасти сына не оставалось. Тогда Жрец прогнал магов, забрал жизнь наполовину обезумевшей Стилай и, с трудом оторвав рыдающего Криона от тела матери, увёл его за Туманные Горы. Там Выродок провёл следующие десять лет своей жизни, тренируясь с Воином в искусстве владения мечом, а с Жрецом познавая силы света. И только когда ему исполнилось двадцать, боги раскрыли ему все тайны, от которых мать берегла своё сумасшедшее дитя. Крион воспылал жадой мести, поклявшись убить каждого мага и собственного отца, и попросил воспитателя о том, чтобы тот вернул его в родной мир.

Но Жрец не мог отпустить своего воспитанника в мир смертных, привязавшись к нему — как бы не был уродлив и одержим жадой мести Крион, его собачья преданность и желание избавиться от уродства, как внутреннего, так и внешнего, пробудили в боге любовь к воспитаннику. Жрец боялся, что появление Выродка в мире смертных сразу же приведёт к его смерти, и ни его тело, ни душа не смогут излечиться. С другой стороны, жизнь за Туманными Горами никогда бы не изменила Криона, а Выродок, чей безумный ум отличался изобретательностью, рано или поздно нашёл бы способ сбежать. И тогда Жрец решил рискнуть. Он выпрямил кривую ногу Выродка, стесал его горб и шишки на голове. А из осколков костей сделал маску, которой Крион при желании мог навсегда скрыть своё лицо.

«Ступай, Крион, — сказал Жрец воспитаннику, — и помни — только внутренняя красота спасёт тебя. Откажись от мести, прости магов и отца своего, спрячь лицо под маской и прими жизнь обычного смертного, и кто знает, возможно, твои недуги излечатся».

Крион пообещал излечиться и скрыл лицо под маской. Но едва его нога ступила на нашу

бренную землю, он убил первого прекрасного юношу, которого встретил, и похитил его лицо. Под личиной другого человека Крион пришёл в Ариланту, где стояла самая высокая башня магов, и, продемонстрировав свои способности, заявил, будто хочет обучаться магии. Мудрые волшебники не узнали в вероломном предателе того, за кем охотились, и посвятили его в самые свои сокровенные тайны.

— Когда начнётся заварушка, беги, — прошипел Велион Шраму на ухо. — Мы не сможем вытащить этого пьяного идиота из такой плотной толпы.

Краг недоумённо посмотрел на друга. Он ведь уже успокоился, решив, что Кронле сам так увлёкся своей историей и забыл о нападках на магов. Но, глянув на Велиона, понял — он зря расслабился.

— А тайна, как могут подтвердить присутствующие здесь многоуважаемые маги, в так называемой «подвижности ума», а по-простому, безумии, и Крион вписался в общество магов как нельзя лучше. Оргии, проводимые магами на Йоль, поедание человеческой...

Толпа ахнула, заглушив большую часть фразы. Несмотря на толчею, около Кронле сразу же образовалось пустое пространство, куда через секунду вступил двадцатилетний маг.

— Чёртов идиот, — прошипел Велион, дёргая Крага за руку. Могильщики принялись проталкиваться к выходу. — Грёбаный хренов придурок.

— Это ложь, — бесстрастно произнёс маг. Его голос гремел по всей харчевне, заглушая слова Кронле и вызывая звон в ушах. — Клевета. И за эти слова ты заплатишь, сказитель.

В воздухе появился отвратительный смрад горячей плоти. Кронле засипел, хватаясь за горло, его лицо покраснело, изо рта вывалился язык. Это продолжалось пару секунд, а потом у сказителя лопнула шея, исторгнув наружу шипящую струю пара, глаза вылетели из орбит, повиснув на стебельках, из ушей хлынула кровь, полопались почерневшие губы, оголив жёлтые зубы. С глухим стуком жертва мага упала на пол и задёргалась. Но будто этого было мало, под потолком появилось настоящее грозовое облако, из которого ударили две молнии, поразившие извивающегося могильщика.

— Никто не смеет клеветать на магов, — гремел голос колдуна. — Никто не смеет рассказывать байки, порочащие наше честное имя.

В толпе началась настоящая паника. Народ принялся ломиться прочь из таверны, и только четвёрка магов спокойно стояла посреди этого хаоса, и никто не смел к ним приблизиться. Но, к счастью, Велион уже выбрался из дверей, по дороге сбив двух человек, а потом буквально выдернул наружу Крага, которого тоже едва не повалили на пол.

— Что там происходит? — спросил один из тех, кому не посчастливилось найти место в таверне. И таких были десятки. У входа назревала чудовищная давка — те, что были снаружи, пытались пробраться внутрь, чтобы полюбопытствовать, те, что внутри, спасались от гнева магов.

— Сказитель показывает фокусы, — ответил Велион и, пошатнувшись, принялся пробираться сквозь напирющую толпу, словно бурлак таща за собой совсем растерявшегося Крага. — С огнём и молнией. Я бы на вашем месте, ребята, не стал это пропускать, если бы не так перебрал.

— Там, кажется, наш маг...

— Они работают в паре.

Могильщики выбрались, наконец, из толпы и, сорвавшись на бег, бросились прочь из Нового Бергатта.

***

Кажется, их искали. Хотя город мог переполошиться из-за мага, мечущего молнии в странствующего сказителя. В любом случае, могильщики удирали из Нового Бергатта со всей скоростью, на которую были способны. Краг и так подустал за прошедший день, а Велион ещё и отказался останавливаться, пока они не достигли виселицы.

— Эта давка сыграла нам на руку, — сказал Велион, отпивая из фляжки и протягивая её Шраму. Там оказалась крепкая и сладкая наливка. — Кажется, я слышал, что маг требовал притащить нас к нему. Или это моё воображение. Но погони за нами, кажется, нет.

Краг промычал что-то невнятное в ответ. Он устал, был растерян и зол. Но ещё один долгий глоток наливки немного помог привести мысли в порядок, хотя это только ещё больше разозлило могильщика.

— Чёрт, неужели он не мог просто помолчать?

— Видимо, нет. Кронле был довольно умён, но в то же время слишком редко пользовался своей башкой. Это была дерьмовая смерть, но я видел и похуже. Пусть хотя бы его дорога к Туманным Горам будет лёгкой. — Велион тоже надолго припал к выпивке, прежде чем продолжить: — Я как-то раз полез вытаскивать его из разъярённой толпы. В итоге он остался невредим, а меня едва не растоптали. Тогда этот говнюк просто поржал и сказал, чтобы я так больше никогда не делал. Он всегда пытался спровоцировать толпу, если у него, мать его, была хоть малейшая возможность.

В голове шумело то ли от усталости и пережитого волнения, то ли от выпивки. Шрам принял у друга флягу, решив, что шум от выпивки куда лучше.

— Кто мог подумать, что маг просто так завалит его посреди толпы? — продолжал Велион. — Обычно они ведут себя тише воды и нигде не отсвечивают. Но здесь, кажется, они живут по другим законам. — Он замолчал, чтобы выпить ещё, утёр рот ладонью и буркнул: — Пошли на старый тракт, нужно найти место для ночёвки.

Луна давала достаточно света, а старая дорога в этом месте почти не пострадала, поэтому можно было идти, не опасаясь переломать ноги. Могильщики прошли ещё около мили, но не нашли укрытия, и Шрам предложил ночевать прямо на плитах — за день они накопили достаточно тепла, и костёр можно было не разжигать. К тому же, у Велиона в рюкзаке нашлась ещё бутылка.

— Пусть покоится с миром, — сказал Шрам, отпивая первым. — Он был хорошим рассказчиком. Жаль, не успел рассказать свою последнюю историю до конца.

— Он рассказал её до той части, до которой хотел.

— А те слова о магах, как думаешь, он клеветал или что-то знал?

— Не знаю. Думаешь, это может объяснить смерть твоего брата?

Краг не ответил.

Могильщики сидели друг напротив друга, кутаясь в плащи, а между ними стояла бутылка.

— Ты тогда пришёл, чтобы его послушать? У тех торговых рядов?

— Да. Я люблю истории. Мы жили в трущобах, и я всегда хотел убежать из дому, но не мог. Поэтому старики, рассказывающие легенды про героев... — Краг замолчал, стараясь собрать мысли воедино, но алкоголь вместе с усталостью делали эту задачу невыполнимой. — Короче, мне нравятся истории, да. А когда я нашёл перчатки... ну, я смог уйти из дома. Как будто сам проклял себя, понимаешь? Мать умерла... Дерьмо всё это. Чёрт, обидно, что я не слышал этой легенды раньше. Или он тоже её выдумал?

— Нет, это настоящая легенда. — Велион какое-то время помолчал. — В общем, это ведь неплохая возможность его помянуть? Слушай.

Крион многому обучился у магов, стал одним из самых сильных стихийных магов. Даже написал книгу с заклинаниями и советами для новичков. Но лицо, которое он надел поверх маски, изнашивалось, и ему пришлось бежать, чтобы его не раскрыли. Маги посетовали своему повелителю Перерождённому на странного ученика, и тот заинтересовался им. И нашёл в оставленных им записках угрозы в свой адрес, а так же заявление, что смерть Стилай будет отомщена.

За Крионом объявили охоту, ровно так же, как за его мать. Но он менял лица словно перчатки, каждый раз уходя от погони и нанося преследователям страшный урон за счёт знаний, которые он получил от богов и в башне магов. Так же за то время, что Выродок провёл в башне, он узнал имена тех, кто когда-то охотился за его матерью. В первую очередь его интересовали маги, участвовавшие губительной для Стилай облаве. Одного за другим Крион начал их убивать. Каждому убитому он отрезал голову и забирал себе, и никто не знает, что с ними стало. Но, наконец-то, его выследили и устроили ловушку в доме колдуна, которого Крион собирался убить следующим. Это был тот, кто когда-то руководил охотой за ним. И всё равно Выродок умудрился убить того мага, а его дочь, Илию, взял в плен.

Крион собирался воспитать из девушки помощницу для своих тёмных дел. Он выставил всё так, будто Переродившийся и маги вели за ним охоту, хотя он ни в чём не повинен, сказал, что пытался спасти её отца от участи пешки в чужих руках. Говорил, словно маги его руками хотят убить богов, и в первую очередь Переродившегося, который был частым гостем её отца. Кто знает, чего он наговорил ещё, но Илия сначала путешествовала с ним против своей воли, а через какое-то время начала ему помогать. Больше года длилось их странствие, и девушка, в конце концов, влюбилась в своего похитителя, даже не подозревая, что его прекрасное лицо когда-то принадлежало другому. Они вдвоём убили ещё двух магов, и остался только один, глава ордена Призывателей, располагающегося в Хельштене.

Парочка пробралась в Хельштен. Там Илия выманила призывателя из башни под предлогом того, что она сбежала от своего похитителя, и ей нужна помощь. Выродок и Илия заманили мага в ловушку и убили, но в последний момент тот сумел призвать на помощь Переродившегося. В этот же момент на них напали маги, идущие по следам своего пропавшего предводителя. Но Крион был слишком силен, и убил их всех — двадцать магов и сотню солдат, а так же разрушил целый квартал, устроив там настоящую бурю, от чего погибли тысячи ни в чём не повинных людей. Устроив бойню, Крион попытался сбежать, однако почти сразу за стенами Хельштена его настиг Переродившийся. Поначалу Илия обрадовалась его появлению, полагая, что на этом её злоключения закончатся, но увидев, как Крион напал на бога, испугалась и сбежала, не зная, что делать. Битва отца и сына была страшна, их силы были равны.

Всё решила Илия, встав на сторону любимого. Она подстроила ловушку Переродившемуся, и та сработала. Сын убил отца, но перед самой смертью бог сжёг Выродку лицо, оголив кость маски. Увидев это и ту радость, которую Крион испытывает во время убийства, Илия потребовала правды. Крион понадеялся, что раз Илия помогла ему, она останется с ним до конца, и рассказал ей всё. И тогда Илия попросила, чтобы Выродок показал ей настоящее лицо. Бедняжка, пережившая слишком много за то время, что провела с Выродком, тронулась умом, увидев его безобразное покрытое шрамами от операций Жреца лицо, и убила себя. Поняв, что потерял единственную, кого любил, и кто любил его, Крион и

сам окончательно обезумел. Он сжёг своё лицо, надел поверх раны маску, чтобы она стала его настоящей личиной, и исчез навсегда.

Спустя день поле битвы тело Низвергнутого нашли Жрец и Воин. Они раскаивались в том, что сделали, воспитав такое чудовище. Тогда Воин отсёк мёртвому брату голову и сжёг тело, а Жрец сделал из черепа артефакт, который поместил в главную башню Илленсии. Маги должны были охранять Череп Низвергнутого, а в случае если бы объявился кто-то подобный Криону, мощи артефакта хватило бы, чтобы убить его. Так Переродившийся стал Низвергнутым, а Крион-Выродок Хельштенским Мясником.

Велион замолчал. Шрам какое-то время угрюмо молчал, обдумывая услышанное и мрачно глядя на бутылку.

— Это хорошая легенда, — сказал он, наконец, — но не хватает морали.

— Морали? — переспросил черноволосый могильщик. — Это тебе не детская сказка, чтобы в ней была мораль.

— Нет, мораль должна быть. Обязана. Всегда есть мораль.

— Мне на это плевать. Все поубивали друг друга, какая к чёрту может быть мораль? Если хочешь, придумай мораль сам.

Краг подумал пару минут, за которые приложился к бутылке, потом передал её напарнику и подумал ещё минуту. Наконец, мысль оформилась:

— Всё из-за баб?

Велион поперхнулся и, кашляя, вернул бутылку.

— Всё из-за баб? — переспросил он.

— Ну, если бы Перерождённый не влюбился, не появился бы Крион. Если бы поддержал свою бабу, она бы не погибла, и сын не стал мстить. Если бы Илия не влюбилась в Выродка, она бы не стала ему помогать, и они не убили бы Перерождённого. Если бы Выродок не влюбился в Илию, он бы плюнул на её смерть и продолжил свои бесчинства, а не ушёл в изгнание. Вот и получается — всё из-за баб.

Черноволосый могильщик грустно рассмеялся.

— Тогда все эти чёртовы истории происходят из-за баб. В конце концов, если бы какая-то баба не родила Кронле, мы бы не увидели, как какой-то грёбаный маг убивает его, а ты бы не услышал эту легенду.

— А я о чём говорю. — Внезапно Шрам понял, что засыпает. — Знаешь, — сказал, едва разлепляя губы, — хреново то, что в истории с Кронле... в нашей с тобой истории... выродки это мы, могильщики. Как бы ни повернулась жизнь, все вокруг по другую сторону — бросают камни, пытаются обдурить или вообще не заплатить за работу, и вроде как виноваты мы сами. Никто не заставлял нас брать перчатки и принимать проклятье. Как бы мы ни старались, для нас всё одно кончится хреново.

Черноволосый могильщик не ответил, лишь ещё приложился к бутылке, высасывая из неё последние капли. Но Краг знал, что Велион согласен с ним.

Глава восьмая. Полая Гора

Прежде чем добраться до Полой Горы, двум могильщикам нужно было миновать широкую долину, лежащую между двух то ли каменистых холмов, то ли пологих горных хребтов. Старый тракт в этих местах прибывал в отличном состоянии, буквально к обеду Краг понял, что уже давненько не видел на дорожном полотне ни единой выбоины. Тем не менее, запустение в этих краях было полнейшим. Но с одним отличием — люди уходили из этих мест организованно, заброшенные деревни и хутора разрушались от времени и отсутствия ухода, а не были уничтожены войной. На привале, пока Шрам готовил скудный обед, Велион из любопытства забрался на ближайшую ферму, но вернулся с пустыми руками.

— Всё, что могли вынести, отсюда вынесли ещё во время войны, — сказал Велион, усаживаясь к костру. — И мне кажется, я знаю — куда.

— В Новый Бергатт?

— Ага. Я уже видел подобное на востоке. Если бойня не затрагивала несколько деревень, люди забирали всё ценное и устраивались на новом месте. Желательно у какой-нибудь крепости. Или за её стенами, если была такая возможность.

— Но зачем? — удивился Краг. — Раз война прошла мимо... можно же жить дальше на старом месте?

Велион насмешливо поглядел на Шрама и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Значит, на твоей памяти была одна большая война. На моей две, не считая всяких пограничных конфликтов и грабительских рейдов. Ты когда-нибудь видел людей, бегущих от войны? Или, что хуже, людей, переживших войну, но лишившихся всего кроме жизни? Видел, как мужчины и женщины бегут с пустыми руками из горящих городов, как они потом начинают умирать с голоду, не в силах добыть себе пропитание? Видел дезертиров, которым уже нечего терять, готовых убить за краюху хлеба?

— Нет, — признался Краг.

— Ты, кажется, говорил, что был на западе во время войны?

— Я... — Шрам сглотнул. — Был за стенами Айнса. Я служил в городской страже.

— А, вот как. Мне до Айнса добраться не посчастливилось. Я тогда путешествовал с двумя друзьями. Мы были в могильнике, три или четыре дня, собрали хороший хабар... А когда вышли, увидели выжженную пустыню — деревня, в которой мы хотели купить еды на обратную дорогу, сгорела дотла. Мы нашли на пепелище слегка подтухшую и сильно обгоревшую коровью тушу, вырезали лучшие куски и как можно быстрее пошли на восток, надеясь обогнать горливскую армию. Боялись наткнуться на какой-нибудь тыловой разъезд и повиснуть на ближайший деревьях. И мы её обогнали. Но стало только хуже. Когда мы прибились к беженцам, меня едва не зарезала стая мальчишек, не евших уже несколько дней. Можно было поиметь любую женщину за кусок мяса или горсть орехов. За деньги, конечно, тоже, но платить пришлось бы много — когда у людей нет еды и нормальной воды, деньги начинают стоить куда меньше, чем раньше. Мы проходили мимо крепостей, кто-то пытался выклянчить или купить еду у спрятавшихся там людей, но в лучшем случае их прогоняли, в

худшем — убивали. Помню парня, который даже назвал одного из таких по имени, они были соседями до войны, но и он не получил ни крохи. Когда от голода могут умереть твои близкие, на других людей тебе плевать. По крайней мере, большинству...

Велион сплюнул в костёр и замолчал. Могильщики провели в тишине какое-то время, но черноволосый, наконец, продолжил:

— Я бросил всю свою добычу кроме нескольких монет, когда нас настиг конный разъезд горливцев. Не знаю, сколько народу спаслось, но, думаю, я был одним из немногих. Но это уже лирика. Просто представь себе ситуацию с беженцами, в которой побывал я. А теперь подумай о том, сколько людей бежало из городов во время той войны. Ты же видел костяные могильники посреди лесов или полей?

— Все их видели.

— Конечно, потому что они обычно находятся недалеко от городов или больших замков. Так вот, не думаю, что это результаты каких-то казней или чего-то такого. Хотя, и это, наверное, было. Скорее всего, это просто люди, передохшие с голоду. Или от холода. Или всё вместе.

— Я слышал, будто после войны были вспышки каких-то страшных болезней, — осторожно добавил Шрам.

— И это могло быть. Всё могло случиться. Итог один.

Велион снял с огня котелок и налил себе бульона, жадно выпил, а потом нагрёб в миску разваренных овощей.

— Что-то смерть Кронле произвела на меня тяжёлое впечатление, — буркнул он с набитым ртом. — С таким настроением в могильники лучше не соваться.

— У нас ещё два дня, чтобы его поменять.

— Да. Пропивать и протрачивать золото, а?

Шрам усмехнулся.

— Только не в Новом Бергатте.

— Это точно, — кивнул Велион.

После привала могильщики шли, не останавливаясь, почти до темноты. В основном молчали. Шрам как мог пытался разговорить напарника, хотя знал — если Велион умолк, с ним не поговорить, пока он сам не решит раскрыть рот. Поэтому вскоре и сам Краг замолчал, по большей части разглядывая туман, скрывающий вершину Полой Горы, в то время как его ноги отмеряли милю за милей.

Они уже разожгли костёр и разложили плащи и одеяла, когда Велион увидел в наступающей темноте огонёк.

— Что за хрень? — буркнул Краг. — Здесь же ничего не должно быть?

— Не должно, но есть. И лучше проверить, кто это там жжёт костры.

Краг поёжился, вспоминая о том чёртовом карлике. Ему до сих пор чудилось, что в его ухе ползает какой-то слизняк. В память о нём же могильщик решил надеть перчатки, прежде чем идти на огонёк. Велион вообще не снимал свои с тех пор, как они сбежали из города. Они затушили костёр, собрали свои пожитки и двинулись на свет.

Огонёк горел на втором этаже одинокой дозорной башни. Наверное, она обветшала ещё в довоенные времена, но сейчас выглядела лучше многих построек, которые могильщики видели за этот день. Дверь на вид была новой и крепкой и, что самое главное, она оказалась закрыта. По другую сторону от дороги к башне лип небольшой сарай, в котором стояли три лошади.

— Может, украдём лошадей? — предложил Шрам шёпотом.

— В могильник что ли с лошадьми идти собрался? Им там не жить.

— Добрались бы до города быстрее, а там зарезали. Я люблю конину.

— Угу. А хозяева живой конины очень «любят» конокрадов. Труп одного из них мы наблюдали вчера дважды — утром и вечером. Пошли, может, попросимся на ночлег.

Могильщики вернулись к двери, и Велион громко постучал. Краг спрятал свои перчатки в рюкзак, но черноволосого, кажется, ничто не смущало. Не дождавшись ответа, Велион пнул дверь, а после и ещё пару раз. Спустя пару минут, наконец, послышался приглушённый голос:

— Кто там?

— Странники. Ищем ночлег и горячий ужин. У нас есть деньги.

— Шли бы на хрен отсюда, пока целы.

— У нас есть деньги! — повторил Велион более настойчиво.

— А у меня есть меч, и у моих друзей — тоже. Так что валите отсюда на хрен, пока мы не решили выйти.

— Дело хозяйское.

Велион кивнул Крагу и двинулся дальше по тракту.

— Дорога ровная, — сказал он, когда Краг догнал его. — И скоро выйдет луна. Не нравится мне ни эта башня, ни её жители.

Шрам ничего ответил. Ночёвка без костра — дело обычное. И хорошо, что у обитателей не было луков и стрел.

Ему, если честно, вообще перестала нравиться вся эта затея с Бергаттом. Конечно, можно было свернуть назад. Но что стоит потратить два лишних дня на дорогу, когда впереди маячит могильник, возможно, полный всяческих богатств?

***

Жить очень тяжело, когда вся твоя жизнь — или, скорее, существование — одно сплошное мучение. Меньше всего Сильгия мучилась, когда спала. Она погружала себя в сон раз за разом, стоило ей проснуться. От постоянного сна на спине появлялись пролежни, но и они болят не так сильно, если спать.

Во сне её преследовала череда кошмаров. Какие-то были воспоминаниями о реальности, какие-то рожало её воображение. Воображение древней старухи, десятки лет прожившей в одних муках. В редкие моменты пробуждений Сильгия с ужасом думала, что, возможно, прошлый кошмар был явью, но... какая уже разница?

Сегодня она проснулась не сама. Пришёл Урмеру. Его приход почти всегда означал очередную порцию мук, и куда больших, чем обычно. Но сегодня, кажется, он не принёс с собой никакого материала.

— Как ты, дорогая? — нежно спросил он, глядя её волосы.

Она закрыла глаза, не ответив. Он знал, что плохо. Сильгия с ужасом подумала о том, как же он постарел. Она знала — прошло очень-очень много лет с тех пор, но почему-то именно сегодня поняла — им пора заканчивать с этой жизнью. Она устала от боли. Устала от тяжёлых моментов пробуждения, когда боль становилась острой, невыносимой, и медленной, тягучей боли во сне. Устала от кошмаров, которые мучили её.

— У меня опять к тебе просьба.

Опять? Сильгия открыла глаза и долго смотрела на Урмеру. Да, опять. Часть кошмаров

всё-таки не кошмары. Но какое это сейчас имеет значение?

— У нас гости, дорогая моя, а я очень занят. Ты мне поможешь?

«Конечно, дорогой».

Сильгия поднялась с лежака, выдернула из горла трубку и склонилась за одеждой. Всё лежало наготове, в том числе кинжалы и небольшой запас еды. Урмеру знал, что она не откажется, она ведь никогда не отказывала ему.

Сильгия вспомнила их. Она видела их наяву, а потом и в кошмарах. Тощего парня в чёрных перчатках, которому она вырвала глаза, а потом отрезала ноги. Двух вонючих и невымытых ублюдков, пробравшихся в Шранкт, пока другие на конях кружили по дороге. Этих Сильгия убила быстро, но потом долго изучала, раздумывая, не пригодится ли что-нибудь из их содержимого Урмеру. Но когда она принесла ему их сердца, печени и челюсти, тот лишь рассмеялся — она решила вздремнуть по дороге назад, и в итоге шла назад две недели, и добытые ей органы потекли. Она вспоминала и других, но они умерли от её рук давно, так давно, что они могли быть лишь плодами её воображения. А если и нет, то какое это сейчас имеет значение? Она не может ни отличить их от бреда, ни посчитать, сколько их было.

— Скоро мы закончим со всем этим, — сказал он, глядя как она одевается. — Я обещаю тебе, дорогая. Мои исследования уже в завершающей стадии.

Сколько раз она уже слышала эти слова? Сколько лет назад он сказал их впервые?

Нет, она больше не поверит ему, не станет возвращаться, чтобы вновь забыться тяжёлым болезненным сном. В этот раз она сама всё закончит.

***

— Добрались? — немного удивлённо спросил Краг, глядя на руины.

— Пожалуй, — отозвался Велион. — Проще похода я себе в жизни не представлял.

Им не докучали обитатели той башни. Дорога, как и день назад, была отличная, разве только у подножия Полой Горы прямой тракт сменился серпантинном, наполовину опоясывающим гору и приведшим их к воротам Шранкта. Краг думал, что они доберутся до могильника только к обеду следующего дня, а они уже здесь.

Шранкт стоял почти на вершине горы, прямо в «щербине», сжатый с двух сторон отвесными стенами. Этим воспользовались древние архитекторы — проём закрывала шестидесятифутовая стена с небольшими толстыми воротами. Наверное, когда-то этот город невозможно было взять штурмом. Сейчас ворота валялись на земле так, будто их выдавило изнутри.

Примерно в десяти футах над краями стены начинал клубиться туман. Он висел над головой Шрама словно приклеенный, не давая понять, насколько вообще высока Полая Гора.

— Не нравится мне этот туман, — высказал Краг свою мысль.

— Он не опускается, — ответил Велион. — Внутри тумана какие-то всполохи, но мне не кажется, что они представляют хоть какую-то опасность. Зато Шранкт вот он, заходи и бери.

Шрам натянул перчатки и осторожно подошёл к входу в город, заглянул в ворота, опасливо прикрывая лицо раскрытой ладонью.

— Ну, и что там? — спросил Велион спустя минуту.

— По прямой пусто. Но у внутренних стен лежит куча костяков в доспехах, везде змеи и проклятья. Непроходимо не выглядит.

— Мы с Кронле прочитали, что Шранкт был вроде большой пограничной заставы,

обороняющей Бергатт. Сам же город благодаря тому, что никто никогда не мог его взять, имел какие-то торговые преференции, не говоря уже о том, что здесь был один из самых больших магических орденов.

Краг пожевал губами и выругался.

— То есть в Шранкте на добычу можно особо не рассчитывать?

— Кто знает, — усмехнулся Велион. — И ведь не узнаем, пока не проверим.

Кажется, сегодня у него было хорошее настроение. Краг и сам чувствовал, как его кровь будоражит предвкушение добычи и, конечно же, опасность, которую таил в себе неизведанный могильник.

— Хочешь идти сегодня? — спросил Шрам.

— Можем успеть до темноты миновать Шранкт и заночевать уже у Бергатта. Если не будем успевать, вернёмся по пройденному маршруту и заночуем здесь.

— Ладно, пошли. Вот до той стены я иду первый.

Шрам вошёл в город. Смотрел он по большей части под ноги, но и на клубящийся над головой туман тоже поглядывал. Впрочем, небо вскоре расчистилось — туман как будто прилип к горе. Кроме как магией объяснить это невозможно, но к чему старые маги напустили этот туман на гору, не понятно. Краг видел много странных вещей за свою жизнь, поэтому выбросил и туман, и размышления о его природе из головы. Куда больше его занимало прохождение могильника. Пока — довольно простое.

На первый взгляд добра в Шранкте практически не было. За стеной располагалась довольно большая площадка, огороженная ещё тремя стенами, образующими трапецию. Эти стены были на добрый десяток футов выше первой и служили как второй опорный пункт. Вершина трапеции была довольно короткой, в ней строители проделали даже не ворота, а большую дверь, в которую едва втиснулась бы повозка. Впрочем, «дверь» исчезла, а правая часть стены обрушилась, образовав довольно большую брешь.

На площади погибла куча народа — в мирные времена за этими стенами, видимо, устраивали что-то вроде торга. Посреди площадки лежало не больше дюжины скелетов, в то время как ближе к стенам кости валялись горами. Посреди нескольких десятков разрушенных телег и торговых рядов покой обрели двадцати латников и куда больше обычных людей.

Складывалось ощущение, что посреди самого обычного дня на людей обрушилась какая-то кара небесная. Многие могильники несли на себе следы боевых действий, но кое-где люди погибли, даже не ожидая, что с ними может случиться что-то плохое.

— Проверим, что у телег, — предложил Краг и сразу направился к ним.

— Я загляну за вторую стену, — отозвался Велион.

Могильщик осторожно обогнул гору костей, на которой неподвижно лежали целые клубки разноцветных змей. Намётанным взглядом он определил, что посреди костей можно кое-чем поживиться, но с такими кучами это себе дороже — тронь одну кость, и посыплется вся гора, а с ней и прилипшие к металлам заклинания. А среди этих костей были как обычные змеи — «остаточные магические эманации», как называл их Велион — так и шутовщины куда как посерьёзней. Обычный амулет защищающий кошелёк от карманников с годами на могильнике превращался в настоящего убийцу: проклятье, которое рассчитывалось удар одним разрядом по руке незадачливого воришки, сделав тому только больно, посреди змей напивалось такой энергией, что сунь Краг к нему руку без перчатки, и не останется ни руки, ни самого Крага. Видимо, здесь умирали небедные люди — кроме

нескольких «руки прочь» Шрам разглядел пару «душителёв» (попавший под действие человек не мог вдохнуть несколько секунд, а потом довольно долго испытывал пусть и небольшие, но неприятные трудности с дыханием) и даже один «опустошитель» (несмотря на страшное название, в оригинале опустошало это заклинание исключительно желудки, кишечники и мочевые пузыри). Но из-за тех же эманаций и «душителёв», и «опустошитель» могли свети Крага в могилу.

Могильщик рассчитывал на добычу именно в торговых рядах — раз люди там торговали, то не может быть так, чтобы там не было ни монеты. К тому же, парусина, из которой делали навесы, и дерево прилавков магию не притягивали. Осторожно петляя между костяками, Краг приблизился, наконец, к рядам телег и прилавков. Большая часть рассохлась в труху, буквально превратившись в землю, тонким слоем покрывшую брусчатку, а кое-где и нарастая целыми кучами. И почти всё поросло травой и какими-то вонючими побегам, скрывшими от солнца скелеты торговцев и их покупателей.

Краг нашёл глазами кошель. По стандарту для довоенных времён он закрывался не затягивающимся шнурком, продетым в дырочки, а двумя бронзовыми застёжками. Но на застёжке сидела обычная змея, а не куда более серьёзное проклятье. Видать, хозяин поспешил на заклинание. Ему же, Крагу, лучше.

Могильщик осторожно протянул руки к кошельку и тронул змею указательным пальцем. Между пальцем и змеей проскочила искра, погасшая едва коснувшись чёрной кожи перчатки, змея сменила цвет с зелёно-жёлтого на оранжевый и скрутилась ещё туже. Но Шрам успел заметить, где её можно распутать. Очень медленно он просунул палец в самую середину клубка, чувствуя, как медленно немеет вся кисть. Змея стала уже оранжево-красной, она обвила Крагу палец, но тут же ослабила хватку — подействовала антимагия перчаток. Указательным и большим пальцем левой руки Краг ухватил за «хвост» и потянул. Оказалось даже проще, чем он думал — змея просто распуталась и выщвела. Могильщик отбросил её подальше, она упала на траву и начала таять. Скоро энергия, которая высвободилась из неё, станет частью других змей или проклятий.

— Ну, как добыча?

Краг вздрогнул.

— Твою мать! Не пугай так!

— Прости-прости. Как добыча?

Шрам раскрыл кошель и сразу повеселел.

— Кроны две, не меньше.

— Да ладно.

Велион сел рядом и запустил руки в траву. Через секунду он вытащил шкатулку, закрытую заклинанием, и поставил перед собой. Коротко блеснул кинжал, Велион просунул лезвие между створками, нажал, сразу ухватил ползущую змею левой рукой, намотал на лезвие, а потом одним движением подсадил её ещё к одной, обвинившей какой-то железный прут.

— За этой стеной казармы, конюшни и склады, — рассказывал он, занимаясь шкатулкой. — За всем этим добром — ещё одна полукруглая стена. Ворота стоят, но кое-где такие дыры, что можно армию провести. Железа просто горы, но осторожненько пройдем. Сам Шранкт, наверное, ещё дальше.

Убрав змею, Велион взялся за замок. Его пальцы пробежали по ржавому железу, которое мгновенно засияло. Тогда могильщик принялся давить на замок то тут, то там,

меня комбинации, пока сияние не пропало.

— Заржавел так, что не открывается, — хмыкнул он и снова достал кинжал. Шкатулка хрустнула и открылась. — Медь, — разочарованно сказал Велион, — одна медь. Оставим здесь, на обратной дороге заберём, если хабар будет плохой. Вообще, не думал, что здесь будет рынок. Но если подумать — единственное, с чем местные могли испытывать трудности, так это продовольствие. Им-то здесь, наверное, и торговали.

Велион отставил вскрытую шкатулку и начал искать новую добычу. Краг, до сих пор поражённый скоростью, с которой напарник справился с не самой простой задачей, решил не отставать.

Через час работы они выбрали всё, что можно выбрать, не рискуя жизнью, и обогатились, должно быть, крон на одиннадцать. И это если не считать кучу меди, которую даже брать уже не видели смысла. До заката оставалось ещё достаточно времени, поэтому могильщики решили идти дальше — ночевать у могильника не хотелось.

Мимо казарм прошли с трудом — слишком много железа. В городе было попроще. На первый взгляд. Ещё раз пришлось убедиться, что люди жили здесь не бедные, да и соседство с магами давало о себе знать — почти каждый дверной проём защищали сторожевые заклинания, а посреди улиц вырос жутковато-неестественный лес, от которого за милю разило магией. В дома решили не забираться и идти сквозь город. Однажды Краг едва не вляпался, но Велион успел выдернуть его прямо из-под змеи, свисающей с ветки.

— Глянь-ка, — сказал Велион, и в его голосе было куда больше любопытства, чем волнения, — меч врос прямо в дерево.

— Угу, — промычал Краг. Его била лёгкая дрожь, но он быстро её унял.

В паре мест пришлось расчищать дорогу. Но это приходилось делать даже среди руин Крозунга. Шрам повеселел, чуя богатую — охренеть какую богатую — добычу. Монеты, конечно, на дороге не валялись, но оба уже набили кошельки. Однако его напарник наоборот всё больше беспокоился.

— Что-то не вижу ничего такого, — высказал он, наконец, свои опасения. — Место хреновое, но ничего сверхсложного здесь нет. И почему же, интересно, про этот бездонный кладёз никто ничего не рассказывает? Да отсюда уже должны были вынести всё.

— Ну, могильник не такой уж и простой, сам говоришь, — пожал плечами Краг.

— Но, повторяю, не непроходимый.

Они вышли из Шранкта за час до заката. Минули небольшую площадку, поросшую тем же уродливым лесом, и очутились на краю небольшого обрыва, по склонам которого стелился туман. Свободный проход всё же оставался — камень горы был стёсан, образуя настоящую дорогу. Внизу раскинулся Бергатт, посреди которого угрюмо возвышалась башня магов. В лицо Крагу ударил ветер, едва не выбив слёзы из глаз, но одного взгляда доставало, чтобы понять — могильник перед ним лежал огромный.

— Шестьдесят тысяч человек жило в Бергатте и Шранкте, — медленно сказал Велион. — И как минимум несколько живут сейчас.

— Что? — переспросил Шрам.

Он проследил направление, куда указывал Велион, и увидел дым.

— Но... так ведь не бывает? Жить на могильнике... это же самоубийство.

— Видимо, бывает. Видимо, они как-то приучились.

— Может, свалим? — предложил Краг. — Золота на зимовку хватит за глаза.

— Свалим? — фыркнул Велион. — Сейчас? Зимовка — это всё, на что тебе нужны

деньги? Нет, мать твою, я, нахрен, очень сильно хочу посмотреть, что за люди тут живут. И, чёрт возьми, перед нами такая золотая кубышка, которая попадаетеся раз в жизни, приходи и бери. Раз уж ты опасаешься идти дальше, стой здесь, пока я разведу дорогу.

Велион направился вниз по тропе. Опешивший от такого напора (и понявший, кому именно пришло в голову идти сюда) Краг смотрел товарищу в спину, пока, наконец, не выдавил:

— Ты куда?

— Куплю свежей еды.

Краг тяжело вздохнул и пошёл следом, держась позади Велиона на приличном расстоянии.

***

— У нас куча денег, — в который раз за вечер и утро повторил Краг. — Можно забрать медяки, там будет ещё кроны две или даже больше. Мы можем поискать ещё хабар в Шранкте. Зачем рисковать жизнью?

— Искать хабар в Шранкте, по-твоему, безопасно? — хмыкнул Велион, собирая свой рюкзак.

— Ты обезумел, — высказал Шрам мысль, которая пришла ему ещё вчера.

Так и было. Вчера Краг остался в чаще, едва завидел стену поселения местных, Велион же пошёл дальше. Вернулся он через четверть часа.

— Там живут какие-то тщедушные уродцы, — сказал Велион тогда. — Мы пройдем в Бергатт без каких-нибудь серьёзных препятствий.

— Ты видел их? — опасливо спросил Краг. — Разговаривал с ними?

— Да. Спросил еды, а они швырнули в меня несколько камней. Всё как обычно. Но переночевать лучше подальше от них. И от Шранкта. Я видел недалеко заброшенную тропу, можно посмотреть, что там.

Заброшенная тропа привела их к заброшенному полю и к ещё более заброшенной мельнице. Здесь лежала куча костяков, но в полутьме могильщики успели убедиться, что здесь безопасно. Да и защита от противного ветра, постоянно дующего в одно направление, ночью будет нужна, а никаких других укрытий они уже найти не успевали. Пока они запоздало ужинали, Краг несколько раз пытался отговорить Велиона от похода в Бергатт. Но тот словно обезумел.

— Я обезумел? Нет уж, это ты обезумел. Перед тобой огромный полный богатств могильник, где раньше никто не бывал. Здесь выжили люди, обычные люди, не могильщики, пусть и странноватые. Кто знает, может, здесь не одно поселение. Я всегда был любопытным сукиным сыном, и я не успокоюсь, пока не разберусь что тут да как.

— Эти богатства сведут тебя в могилу, — буркнул Краг. — А эти обычные люди сразу же постараются тебя прирезать, даже если ты хочешь просто пройти мимо. Так всегда бывает. Неужели ты забыл о кузнеце?

— Не хочешь идти, сиди здесь, но мне не мешай, — жестко сказал Велион. — Вот, забирай мой кошель. Если я умру, он мне не пригодится, да и я люблю ходить в могильники налегке. Если вернусь с богатством, это вся доля добычи, которая тебе причитается. Если вернусь пустой — деньги тоже твои, меня никто не заставляет переться хрен пойми куда.

— Чёрт с тобой. Иди. Я буду ждать тебя до завтрашнего обеда, а потом смотаю удочки.

— Отлично.

Велион набросил на плечи рюкзак и двинулся через пшеничное поле.

— Удачи, — запоздало сказал Краг. Велион не поворачиваясь прикоснулся к полю своей шляпы. Кажется, перчатки он не снимал с самого Нового Бергатта.

Иногда люди сходят с ума, когда у них появляется шанс разбогатеть. Но Велион не лгал, когда говорил о своём любопытстве. Краг припомнил несколько баек, которые как-то рассказывал черноволосый. Если они выживут, у него их станет на одну больше, а Шрам, который так мечтал о путешествиях, сможет рассказать только, как он прятался на заброшенной ферме. Если Велион погибнет... не будет ли в том доля его вины? Вчера черноволосый вытащил его из ловушки, и благодарность принял так, словно это само собой разумеется. Хотя, для него вытащить товарища в порядке вещей. Даже если товарищ потом трусливо остаётся сидеть на мешке с кучей золота...

Краг ссыпал монеты в один кошель и припрятал его в свою походную сумку. Нет уж. Можно сколько угодно грызть себя за то, что оставил напарника в одиночестве. Но, если по-честному, Велион сам сделал то же самое. В этом он похож на Кронле. Тот мог заработать денег и уйти, но он предпочёл спровоцировать мага, за что поплатился жизнью. Велион мог повернуть назад с кучей монет в карманах, но вместо этого сунулся в могильник, где его, скорее всего, ждёт только верная смерть. Или ещё не известно какие твари.

От скуки Шрам прогулялся вокруг фермы, но противный морозящий дождик и ветер загнали его в укрытие. Краг разложил своё одеяло и закутался в него, устроившись в сухом уголке. Время шло, могильщик всё больше скучал. Иногда скука казалась ему непозволительной роскошью, но только не в те моменты, когда она наваливалась на него всей своей тяжестью. Отец, когда ещё был жив, только и говорил, что у него шило в заднице. Обычно при этом по заднице гулял отцовский ремень, но чаще всего наказание было заслужено. Да уж, несладко им жилось. А когда отец и несколько соседей умерли от какой-то проказы, принесённой восточными ветрами, стало ещё хуже...

Краг моргнул, прогоняя сон. Давненько он не вспоминал про дом, и тем более про отца. Даже немного странно.

Но не только это беспокоило могильщика. Ему показалось или как будто бы кто-то забрался на ферму?

Шрам сел и тут же увидел фигуру человека.

— А, Велион, ты меня напугал, — усмехнулся Шрам. — Что, не повезло в Бергатте? Ну да не переживай, я поделюсь с тобой добычей, мне чужого не надо.

Он поднялся, отбрасывая одеяло. От чего-то Краг испытывал острую нужду обнять напарника. Он шагнул к Велиону.

И тут в его ноздри проник омерзительный запах гниения, рвоты, дерьма и свежей крови. Велион зашипел, его лицо исказилось, открывая жуткие раны, но рассмотреть их Шрам не успел — камень, который не-Велион держал в руках, с хрустом врезался в его лицо.

Часть третья. Бунт раба. Глава девятая. Ответы Друга

Плот качался на лёгкой озёрной волне и поскрипывал. Вот только в озере плескалась не вода.

Несмотря на то, что вода по цвету больше напоминала кровь, Хасл мог различить дно озера, походившее на выжженную гневом древних землю у Бергатта. Под озёрной толщей охотник разглядел остов очень большой парусной лодки с тремя парами вёсел на случай безветрия. Дно судна было завалено изломанными костями.

На миг перед глазами Хасла встала дикая, неестественная картинка — три пары улыбающихся и разговаривающих людей, пятеро подростков, почти детей, и дюжина матросов и гребцов, под одеждой которых были спрятаны ножи и странные, пахнущие смертью и злобой безделушки. На палубе выставлены корзины с едой и напитками, скамьи застелены невероятно красивыми покрывалами. Отдыхающие — люди со странными, как у недавнего чужака лицами — разговаривали, играли с детьми, двое мужчин забросили за борт удочки и спорили о том, сколько рыбы они наловят без «искусства».

Это было странно. Горы диковатой на вид еды, рыбалка как будто для развлечения, а не для прокорма. Странное отношение отдыхающих к матросам, будто те малые дети, которым нужно рассказывать, что делать. Это была картина из другого, неправильного, мира. Но никого из присутствующих на лодке это не смущало.

Хасл смотрел на эту картину будто бы с двух ракурсов. Или в разные временные моменты — лодка будто бы одновременно и покачивалась на лёгкой озёрной волне, и лежала на мертвом дне. Люди и живы, и мертвы.

Потому-то он и не удивился, когда картины начали стремительно смешиваться, дёргаться, переходя одна в другую.

Одна из женщин со смехом берёт с подноса пирожное, откусывает, и её лицо и кисть превращаются в кровавое месиво, брызжущее кровью в разные стороны. Хасл понял, что это был сигнал, так как гребцы и матросы бросают вёсла и хватаются за ножи и те странные безделушки. Охотник знает: у них нет шансов против пятерых отдыхающих, но всё же двоих они успевают забрать с собой. Они умирают, их глаза лопаются, они задыхаются, на их телах из неоткуда появляются раны... Им конец.

Но у одного из матросов есть что-то такое, что переламинает ход битвы, последнее средство. Вернее, завершает драку абсолютной ничьей, потому что после использования этого все на лодке превращаются в обгоревшие силуэты, засыпанные жирным чёрным пеплом.

И лишь она, та, что откусила то злополучное пирожное, ослепшая и сходящая с ума от боли бултыхается в озёрной воде. Она не сможет доплыть до берега, но продолжает сопротивляться. Лодка с несколькими пробоинами идёт на дно, а злоба людей, умерших на ней, начинает отравлять воду, делая её непригодной для человека на долгие годы.

— Попей, любимый, — говорит Мирека и, ухватив Хасла за волосы, тычет его лицом в вонючую тухлую жидкость. — Сделай глоток, а то у тебя в горле пересохло.

От неожиданности охотник вдыхает отравленную воду, начинает задыхаться...

— Очнулся уже, брось его.

Хасл вытер плечом лицо, убирая мокрые волосы с глаз. Он находился в гостевом домике Друга, в этом сомнений не было. Молодого охотника и два мёртвых тела бросили к большому камину, а полдюжины человек собрались за столом. Эзмел, Эрли, Викле, Хоркле, а так же кто-то из каменщиков и лесорубов, их охотник не узнал — они сидели спиной к Хаслу, да и полутьма мешала. Те, кто участвовал в ночной охоте, выглядели не так, как следовало бы перед встречей с Другом — заспанными, в растрёпанной и наспех почищенной одежде. При виде друга на миг охотника укололо возмущение, смешанное с удивлением — вместо Эрли за столом должен был сидеть он, но тут же Хасл понял какая это глупость. Не Эрли похищал могильщик, и не Эрли на глазах у всех оказывался в чреве Зверя.

Единственное общее между сном и реальностью — это жажда.

— Воды, — прохрипел он, но никто даже не обернулся.

— Что ж, — слишком ровным голосом произнёс Эзмел, — я обещал позвать Друга, и я его позову. Надеюсь, он придёт как можно скорее.

— Воды, — повторил молодой охотник.

— Заткнись, — с болью в голосе ответил Эрли. — Ты мне, паскуда, ещё ответишь, куда вы подевали настоящего Хасла.

— Может, поспрашивать у него про настоящего Хасла до прихода Друга? — подал голос Викле. — У меня есть пара рабочих методов.

— А если это настоящий Хасл? — резко возразил старый рыбак. — Давайте все заткнёмся и просто сосредоточимся на зове.

Каждый из сидящих за столом закрыл глаза, положил правую руку на сердце и, беззвучно шевеля губами, воззвал к Другу. Хасл тоже позвал его, хотя и не мог прикоснуться к метке. Несмотря на это, охотник почувствовал, как каждый луч выжженной на его груди звезды налился горячей кровью.

Зов услышан, осталось только подождать...

— Я не чувствую его присутствия, — с нотками паники в голосе проговорил Эрли. — Он не откликается!

— Заткнись и продолжай звать! — рыкнул Эзмел. Его лицо покраснело от напряжения, на висках выступил пот.

Они пытаются, но у них ничего не выходит. А у него — бах! — и получилось. С первого раза.

Хасл зашёлся лающим смехом.

— Я вызвал его, — прохрипел он. — Не волнуйтесь так. И когда Друг скажет, что я — это я, возможно, я найду время, чтобы опробовать пару методов допроса на Викле. Старый ублюдок, ты же должен помнить — настоящим людям нельзя причинять вред? Быть может, ты хотел пытать меня из личной неприязни, а вовсе не из-за того, что я могу быть чужаком?

— Если даже ты и есть Хасл, Друг бы меня понял, — огрызнулся хуторянин. — Столько народу погибло, а ты...

— Заткнитесь! — панически завопил Эрли. — Неужели вы не понимаете? Этот оборотень пытается помешать нам позвать Друга! Он отвлекает нас...

— Успокойся, — оборвал тощего охотника Эзмел. — В любом случае, я не слышу какого-то отклика, а слова этого... человека... можно проверить.

Рыбак встал из-за стола и, вытащив короткий узкий нож из-за пояса, приблизился к Хаслу. Уверенным движением Эзмел вспорол одежду на груди пленника и какое-то время задумчиво изучал метку, держа нож в опасной близости от его горла.

— Так и есть, его шрам покраснел. Странно.

— Во мне проснулся дар Друга, — усмехнулся Хасл. — Ты сам видел это вчерашней ночью. Считай, что я его представитель среди вас. Так кому как не мне взывать к нему? Кому как не мне он должен ответить?

На скулах Эзмела ходили желваки.

— Хочешь сказать, что ты вызвал его по собственному разумению и собственной воле? — медленно спросил рыбак. — Никто не заставлял тебя?

— Конечно, — фыркнул охотник.

— И Друг ответил на твой зов?

— Ты сам это видишь.

— Ну и отлично. — Старик выпрямился и пошёл обратно за стол. — Подождём пару часов. Но если Друг не придёт, и он лжёт, пробуем вызвать Учителя ещё раз.

— Ты не уйдёшь от правосудия, оборотень, — зло сказал Эрли.

Хасл фыркнул в ответ. Своего он добился — на него поглядывали со всё большей опаской. А когда Друг скажет, что он — это он... что тогда? Тогда перед ним не будет никаких препятствий до того самого Йоля, когда Друг придёт за ним. Вikle избраннику Друга и слова поперёк сказать не сможет. К нему и так многие относятся с симпатией и уважением, но сейчас люди будут выступать за него всем скопом.

«Только бы дожждаться осени... Мирека, никто не сможет встать между нами, никто, даже сам Друг».

Возможно, он задремал. А может, просто так глубоко ушёл в свои мысли, что не заметил, как пролетели полтора часа. За это время женщины натаскали еды и выпивки и накрыли стол. Угощение было богатым, как и всегда во время прихода Друга, но всё же не таким, как на Йоль. Участники ночной охоты подрёмывали на своих местах. Хаслу же казалось, что дело с неизвестным убийцей давно решено, а могильщик уже втихую сматал удочки, пользуясь тем, что многие мужчины собрались здесь. Откуда могильщику знать об этом собрании, молодому охотнику было невдомёк.

А потом воздух, как это обычно бывало, будто загустел и наполнился благовониями. Хасл резко вернулся из своих мечтаний или полусна. В этот раз он чувствовал приближение Друга куда более явно, чем в прошлые. Возможно, дело в том, что именно Хасл вызвал Друга. Или же это из-за проснувшегося дара.

Для остальных же собравшихся Друг вошёл неожиданно. Его сухая фигура, облачённая в серую мантию, появилась в дверях гостевого дома и замерла. Худое покрытое старыми шрамами лицо Друга выражало лёгкое раздражение и недоумение, седые волосы топорщились пучками. Это говорило о спешке, с которой Друг шёл к ним — обычно к Йолю брода Учителя была аккуратна выбрита до серой щетины, проступающей между буграми шрамов от застарелых ожогов. Пронзительные холодные глаза оглядели каждого из присутствующих, замерших и онемевших при его неожиданном появлении, и, так и не дождавшись приветствия, Учитель и Благодетель разлепил, наконец, свои тонкие губы:

— Вы связали Хасла для того, чтобы у него лучше вышло достучаться до меня? Или вы тут все с ума посходили?

Шестеро мужчин повыскакивали из-за стола и, прикоснувшись правой ладонью к восьмиконечному шраму на груди, поклонились пришедшему.

— Мы все звали тебя, Друг, — сказал Эзмел, — и...

— Странно, — буркнул друг, перебивая рыбака. Он уже уселся во главу стола и

принялся накладывать себе еду. — Очень странно. Все говоришь? Во-первых, странно потому, что я слышал только Хасла. Во-вторых, я был занят, и вообще не должен был никого слышать, и, как и ожидалось, не слышал ни тебя, Эзмел, ни Викле, никого. Выходит, меня позвал Хасл, а ты говоришь, будто все вы звали меня. И, кстати, почему вы связали бедного парня? Что он такого натворил?

— Это не Хасл, это оборотень, — пробормотал Эрли. — Чужак утащил его к Серому Зверю...

— Ты оглох, Эрли? Или отупел? Или ты думаешь, что я не могу отличить Хасла от оборотня? Если я спрашиваю, почему вы связали Хасла, значит, я вижу, кто лежит передо мной связанный.

— Эрли, — тихо сказал Эзмел, — ты его связал, ты и развязывай.

— Я же говорил, — довольно улыбаясь, произнёс Хасл. — Я — это я и есть.

На лице Эрли читалась непередаваемая гамма чувств, когда он подошёл к товарищу, чтобы развязать ему руки.

— Ты не мог знать, что это не я, — прошептал молодой охотник. Эрли сконфужено промолчал.

Наконец, Хасл поднялся с пола. Пока он находился в бессознательном состоянии, его руки так затекли, что он перестал их чувствовать. Сейчас же онемевшие конечности начали ныть.

— От тебя воняет, — сказал ему Друг, — но так уж и быть, садись за стол, выпей и поешь. Наверное, у тебя были причины, чтобы встретить меня обоссавшимся. А ты, Эзмел, пока расскажи о своей причине, по которой вы, пусть и безуспешно, вызывали меня.

— Меня водой облили...

— Конечно, конечно, Хасл. Эзмел, я жду.

Старый рыбак начал повествование с убийства дровосека, но Друг отмахнулся от него как от назойливой мухи:

— Если ты думаешь, что я не знаю, будто кто-то убивает людей, ты в меня не веришь. Если ты думаешь, что я не знаю, будто кто-то пробрался к нашему прекрасному городу, ты в меня не веришь. Я прекрасно знаю, что за убийца завёлся в наших краях. Я прекрасно знаю, что за чужаки завелись в наших краях. И я работал над этим, потому-то вы и не могли до меня достучаться. Но достучались... скажи-ка, Хасл, как тебе это удалось?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Во мне проснулся твой дар, Учитель.

— Вот как! Какое же чудо! И что ты умеешь?

— Чувствовать растения, — с гордостью ответил Хасл, поглядывая на других.

— Бесполезное умение, когда у тебя руки затекли так, что ты и пальцами шевельнуть не можешь. Бесполезнейшее, не находишь? Ну да ничего, бывают и бесполезные дары, кому как тебе не знать. Помнишь, я подарил тебе камень, и ты с Йоля до Йоля носил его с собой, бахвалясь подарком перед всеми, пока я не приказал его выкинуть? Я сделал это специально, но урок, как я погляжу, до тебя ещё не дошёл. И вот ещё что скажу — раз ты думал, что я не знаю о твоём даре, ты в меня не веришь. Ну да ты молод. Давай руки.

Молодой охотник вложил свои руки в ладони Друга. Больше походило на то, будто он сунул свои руки в печь — сухая кожа Учителя жгла так, что Хасл едва не заорал от боли.

— Всё готово, — сказал Друг, буквально отшвыривая руки Хасла от себя. — Если у вас нет ко мне других дел, я очень разочарован.

— Есть дела, — быстро проговорил Эзмел. — И куча вопросов.

— Задавай. Но быстро, я уже начинаю злиться.

— Что нам делать с чужаком, похитившим Хасла?

— Ничего. Он уже практически труп. Дальше.

— Что нам делать с убийцей?

— Ничего. Он уже практически труп. Дальше.

— Что нам делать с убитым чужаком.

— Закопайте. Он уже труп. Дальше.

Старый рыбак как-то потеряно посмотрел на остальных, но никто больше ничего не говорил. Друг действительно выглядел раздражённым, кроме того, его отвлекли от каких-то важных дел...

— Не задерживай меня, Эзмел! — зло сказал Друг.

— У меня есть вопрос, Учитель, — подал голос Хасл.

Он едва сдерживал слёзы — руками он уже владел, но боль после помощи Друга была чудовищной. К тому же, у него так колотилось сердце, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди, да и дыхание сбилось, будто он обежал весь Бергатт. И всё же он обязан задать этот вопрос.

— Откуда взялись чужаки?

— Это самый глупый вопрос, который я слышал, — пожал плечами Друг. — Из Мёртвого мира.

— Но все должны были умереть там! Ты же говорил, что все должны были умереть.

Эрли, который до этого сидел рядом с Хаслом, начал от него отодвигаться, но молодой охотник даже не обратил на это внимания. Его куда больше занимала реакция Друга, но тот как будто вообще ничему не удивлялся.

— Очевидно, я ошибался, парочка выжила, — сухо ответил он. — Мне неприятно об этом говорить, но таким как ты, Хасл, видимо, нравится тыкать других носом в их ошибки. Но я не удивляюсь, твой отец был таким же.

— Ни мёртвый чужак, ни этот не выглядели на семьдесят лет, — продолжил Хасл. Сердце колотилось уже от волнения, но охотник чувствовал, что должен выспросить обо всём этом у Друга именно сейчас, когда их слышат другие. Хотя сейчас ему казалось, будто в домике их осталось только двое.

— Откуда тебе, которому судьба отмерила лишь сорок лет, знать, сколько живут чужаки и как выглядят в семьдесят? Даже я не знаю, хотя готов поклясться, что они уродливы. Кстати, нужно будет посмотреть на этого перед уходом.

— Уродливы. Но чужак говорил мне про город Новый Бер...

— Хватит тратить моё время попусту! — рявкнул Друг, вскочив и в гневе ударив кулаком по столу. — Чужаки лживы. Возможно, они похожи на уродливых людей, но они не люди. Он мог наговорить тебе что угодно, лишь бы запудрить мозги. Но, — Учитель смягчился так же быстро, как и впал в бешенство, — у нас с тобой ещё будет время поговорить об этом. Я надеюсь, ты хорошо поел, мой мальчик, потому что дорога нам предстоит неблизкая. Тебе бы помыться, но у нас слишком мало времени и слишком много дел.

Хасл поднялся из-за стола, готовый идти за Другом, чтобы продолжить расспросы, но тут его словно громом поразило.

— Дорога? — спросил молодой охотник помертвевшими губами.

— Конечно, дорога, мой мальчик. Если кто-то из тех, кому подходит очередь, конечно, не захотят тебя заменить. — Друг посмотрел на ухмыляющегося Викле и угрюмого Эзмела. — Ну, хозяин хутора вряд ли захочет, я этого не одобряю, но людям порой нужно кого-то ненавидеть. А что скажет старый рыбак?

— Парня, конечно, жалко, — задумчиво сказал Эзмел, — но... Чем меньше тебе остаётся Йолей, тем больше начинаешь их ценить.

— Выходит, ты идёшь со мной, — печально развёл Друг руками.

— Но... — промычал Хасл.

— Ты вызвал меня в неустановленное время. Взял ответственность за людей на себя. Ты должен за это уплатить своим пребыванием среди людей. Не бойся, мой мальчик, я не сделаю тебе ничего плохого, а ты сможешь задать мне беспокоящие тебя вопросы, и я дам на них самые полные ответы, которые знаю.

Друг вцепился Хаслу в плечо, его ладонь вновь жгла кожу калёным железом.

— Ты же лучше своего отца? — буквально прошипел Друг.

— Да.

Хасл сделал первый шаг, и Друг улыбнулся.

— Кстати, у меня слишком много дел, — сказал он остальным, — поэтому следующий Йоль празднуйте без меня.

Помертвевший охотник двинулся вслед за Учителем. Выйдя из гостевого домика, он услышал смех Викле.

***

Какое-то время они шли в сторону Бергатта, но потом Друг резко свернул к землям, захваченным Серым Зверем. Хасл ничего не спрашивал, передвигая ноги скорее механически. Голову молодого охотника застилал туман ничуть не менее плотный и беспросветный, чем клубящееся брюхо Зверя.

Конец. Конец всему. Мирека... хутор... дети... Не будет ничего. Только Башня Друга, откуда никто не возвращался.

— Она должна прятаться где-то рядом, — пояснительным тоном сказал Друг, хотя Хасл ничего не спрашивал. — Бедняжка голодна. Другую причину гибели твоих друзей я не нахожу. Ну, да и чёрт с ними. Могильщика мне не жалко совсем. Жерев был безмозглым болваном, из тех, что редко доживают до сорока. Керага, да, немного жалко, я связывал с ним кое-какие планы. Но главным любимчиком, конечно, у меня был ты. Я даже немного рад, что мне не пришлось ждать твоего прихода ещё двадцать лет. В конце концов, я уже стар, не факт, что я бы вообще тебя дождался. Хотя, на этот случай у меня был план «Б»...

Охотник невидящим взглядом уставился на Друга. «Что он несёт? Почему он уводит меня к себе? Где, где я так ошибся?». Ещё несколько минут назад он, думая, что перед ним вся жизнь, хотел задать учителю столько вопросов. Сейчас же в голове сплошная муть. Впервые Хасл спросил у себя — а куда исчезают те, кого Друг уводит? Нет, спросил-то он себя об это не в первый раз, но впервые не отмахнулся от этой мысли, а сосредоточился на ней. Что с ним произойдёт? Этот ответ знал только Друг, но расскажет обо всём только в башне, Хасл был в этом уверен.

Почему-то в этот момент он вспомнил кошку, выжирающую собственные внутренности.

— Кто такой Урмеру? — перебил учителя Хасл.

— Урмеру? А что ты про него знаешь?

— Ничего. Когда я был внутри Серого Зверя, кто-то попросил меня передать привет старому другу по имени Урмеру. Попросить его заглянуть в гости.

— Что ж... — протянул Друг, — думаю, тебе не стоит брать это в голову.

— И всё-таки?

— Один старый знакомый. Я бы даже сказал один из Древних. — Учитель провёл рукой, указывая на развалины. — Один из тех, кто превратил этот цветущий уголок в прибежище бедных больных уродцев.

— Кто передаёт ему привет? — упрямо продолжил расспросы Хасл. В его голове крутилась странная, очень странная мысль, которую он боялся осознать.

Кошка сказала, что он знает, кто такой Урмеру. Ни одного из жителей города так не звали. Могильщик не мог быть старым знакомцем существа, обитающего в тумане.

— Откуда мне знать? — сощурился Друг.

— Что со мной будет? — бубнил Хасл, как заведённый.

— Ты, конечно же, перестанешь существовать для жителей города.

— Я умру?

— Нет. Не сейчас. Возможно — никогда. В каком-то роде.

Охотник остановился как вкопанный. У него болела голова... но туман в голове рассеивался.

— Откуда ты знаешь, что это был могильщик? — спросил охотник и расхохотался. Его била крупная дрожь, из глаз текли слёзы.

— Истерика, — понимающе сказал Друг и покивал, соглашаясь сам с собой. — Такое бывает, бывает. Давай отдохнём.

Они остановились. Учитель силой усадил рыдающего Хасла на валун и встал рядом, насвистывая какую-то незатейливую, но совершенно незнакомую мелодию. Охотник спрятал лицо в ладони и зарыдал, прощаясь со старой жизнью.

Слёзы постепенно засыхали. Должно быть, прошло с четверть часа. Хасл уже почти не всхлипывал, и только забитый нос напоминал ему о том, что он поддался слабости.

— Что со мной будет? — повторил охотник свой вопрос.

Тяжело вздохнув, Друг присел к Хаслу.

— Ничего страшного не произойдёт. Пойми, я не желаю никому из вас зла. Но часто, очень часто находятся те, кто не хочет идти ко мне. Неужели ты один из них? Ты же Хасл, Хасл-избавитель. О, я помню, как ты подстрелил взбесившегося Ульме. Он тоже не знал, что его ждёт в Башне, но уж очень не хотел ко мне в гости. Скольких он убил?

— Четверых, — механически ответил Хасл.

— Да, четверых. Я видел это в своей башне, хе-хе, когда смотрел в глаза Шурну, занявшему место Ульме в тот Йоль. Ты даже и не понял, что направил стрелу магией. Шурн тогда ликовал, ты ведь спас ему жизнь. Небось, думал, жизнь у тебя удалась. Как же, ведь семнадцатилетнего сопляка сразу так зауважали, сделали главным охотником. Да уж... А теперь мы идём в Башню, и ты думаешь, что твоя жизнь окончена, но ведь это не так. У тебя впереди большое будущее, Хасл. И долгие годы жизни. Но! — Урмеру хлопнул Хасла по спине. — Прежде чем идти к Башне, я хочу тебя кое-о-чём попросить. Одна особа, с которой ты вскоре познакомишься, потерялась. Я слаб в отслеживании передвигающихся целей, кроме того, мне нужно расставлять ловушки на могильщика. А вот ты в этом хорош. Сначала нужно её найти. Сделай милость, обратись к растениям, как ты это умеешь.

— Конечно, — кивнул Хасл. Он поднялся с камня и закрыл глаза, потянувшись к траве,

жалкими клочками растущей среди камней. — Я чувствую, — сказал он, садясь на корточки и лежа правую ладонь на землю.

— Интересно, интересно... — пробормотал Друг, наклоняясь к нему. — Люблю смотреть, как другие работа...

Хасл сжал правой ладонью булыжник и, не глядя, впечатал его в лицо Урмеру. Маг взвизгнул, отшатываясь назад, но охотник достал его во второй раз, угодив в темя. Друг закричал от боли и ярости и повалился навзничь, держать за голову руками.

Охотник не стал терять время. У него был один-единственный шанс. Поэтому он швырнул булыжник в Друга и метнулся в сторону Серого Зверя. От клубов тумана его одеяло пятьдесят футов неровной земли. Слишком большое расстояние.

Хасл рухнул на землю и покатился в сторону, чувствуя, как острые камни вонзаются в его больное и избитое тело. Воздух над ближайшим валуном задрожал от жара. Охотник вскочил на ноги и нырнул в попавшуюся канаву. Углубление было достаточно длинным и сворачивало в нескольких футах дальше. Ширины и глубины хватало, чтобы ползти, не высовывая голову, чем Хасл и занялся.

— Иди сюда, сукин сын! — завизжал Урмеру, даваясь хлещущей из носа кровью. — Мать твою, никто не смеет бить меня! Ни один из вас, недоносков!

Охотник выпрыгнул из канавы, пробежал несколько шагов и спрятался за валуном. Позади зашуршали камни, а сам валун начал стремительно накаляться. Но до брюха Серого Зверя оставалось всего десяток шагов.

Хасл выругался про себя и бросился по прямой, надеясь, что успеет.

И он успел, хотя однажды его правый бок опалило таким жаром, что охотник вскрикнул от боли.

— Хасл! Иди сюда, ублюдок! А ну, иди сюда! — визжал Учитель. Но, как это часто бывало, его голос едва ли не на полуслове сменил интонации с угрожающих на умоляющие: — Хасл, ну, пожалуйста, вернись! Я всё прощу! Давай вместе поищем Сильгию, и я тебе отпущу, а? Вернётся, я заберу Эзмела, а ты будет жить дальше, пользуясь всеми почестями, которые положены избраннику Друга!

Охотник несколько секунд лежал на животе, потом повернулся на спину, стараясь отдышаться. Как он и предполагал, Друг не захотел заходить к Серому Зверю в гости.

— Хасл! Ну, иди ко мне! Хасл, чёрт тебя дер! Вернись.

Хасл практически наощупь пополз сквозь туман, стараясь убраться от сумасшедшего колдуна как можно дальше. Никакого волнения он не испытывал, наоборот, его впервые в жизни посетила такая уверенность в своих силах.

И в том, что он должен сделать.

Странно, но его действия, ломающие привычный жизненный уклад, казались ему обоснованными, предательство всего, во что он верил всю свою жизнь, сейчас выглядело для него донельзя логичными и правильными.

Он не поверил учителю и ударил его камнем, чтобы избежать своего долга.

Но Друг обманывал их, говоря, что кроме жителей Долины Жизни никого не осталось. Кто знает, какая ложь скрывалась за его другими его словами? Почему из Башни Друга никто никогда не возвращался? Что могло ждать Хасла там?

Что или кто. Никто из жителей города не мог с такой лёгкостью убивать людей, прикидываясь их знакомыми. А тут Друг (Урмеру — так его зовут, это надо выучить) ищет какую-то знакомую бедняжку, которая проголодалась, упоминая при этом о погибших. Что

за тварь может прикончить трёх человек за день только ради пропитания?

Урмеру сумасшедший, Хасл впервые понял это. Возможно, он даже не осознавал, когда говорил вслух о проголодавшейся бедняжке. Или думал о том, что охотник не в состоянии понять его слова. А Хасл всё понял, обо всём догадался. И теперь хочет одного.

Счастья.

Но его счастьем не бывать, если он останется здесь. Дороги назад нет. После того, как он сбежал от Друга, да ещё и покусившись на его жизнь, Хасла убьёт любой, кого он встретит в городе. Но дело не только в этом. После всего, что охотник узнал от могильщика, он не успокоится, пока не увидит своими глазами тот мир, который он всю жизнь считал мёртвым.

Для этого ему нужно убить Друга, выкрасть Миреку с хутора и покинуть Бергатт.

Для него это невыполнимо. Или практически невыполнимо. Но где-то в тумане прячется жуткий незнакомец с перчатками, невосприимчивыми к магии, перчатками, которыми он рвёт чужую волшбу и хватает проклятые предметы. Чужак, который может ходить по руинам. Чужак, который сумел скрыться от погони из одиннадцати человек, никого при этом не убив.

Он способен помочь Хаслу. Только нужно его заинтересовать.

***

— Я уж думал, что никогда тебя не дождусь, — медленно сказал могильщик, исподлобья глядя на оборванного и запыхавшегося Хасла. — Но в твоё отсутствие мне удалось хотя бы поспать как следует. И, чёрт дери, странные же мне снились сны. Ну, так как, я могу уйти свободно?

Его поведение изменилось. Чужак больше не выглядел угрожающе, не старался запугать, он расслабленно сидел на камне, будто отдыхал после короткой прогулки. Но Хасл чувствовал — в любой момент кривой нож может оказаться у него в брюхе. Это зависит от новостей, которые он принёс. Но эти новости ещё хуже, чем могильщик мог предположить, ведь теперь охота будет вестись за ними обоими.

— Нет.

— Хреново, — вздохнул чужак. — Тогда вали, пока цел. Ты, вроде, парень неплохой, поэтому я тебя убивать не буду. Но не попадайся мне на пути, если хочешь жить.

— погоди, — быстро сказал Хасл. Он обдумывал речь всю дорогу сюда, но сейчас все его доводы разбились о хладнокровие чужака. Единственное, что он мог — сказать правду. — Мне нужна твоя помощь.

Могильщик фыркнул.

— Тебе нужна моя помощь? И что же я должен сделать?

— Убить одного человека. Сукиного колдуна. Он живёт в Башне в центре Бергатта.

— Всего-то. — Чужак поднялся, нависая над Хаслом. — Когда-то я готовился стать наёмным убийцей, не отрицаю. Но я бросил это дело. Как-то совершенно неожиданно я расхотел убивать за деньги, потому что понял — когда я убью кого-нибудь такого, какую-нибудь большую шишку, мне конец. Меня просто... выбросят. Заметут следы. Уберут свидетеля. К тому же, я просто устал убивать. Но, так уж вышло, мне пришлось пришить несколько человек уже будучи могильщиком. Пусть сейчас я совмещаю в себе наёмного убийцу и могильщика. Одна загвоздка: наёмный убийца убивает за деньги, а могильщику для убийства нужен повод. Не вижу, чем ты мне можешь заплатить. Не вижу ни одного повода, чтобы убить какого-то незнакомого мне колдуна.

Хасл лихорадочно соображал. Он предполагал, что будет так.

— У меня есть три кроны, — сказал охотник. — Я отдам их тебе.

— У тебя две кроны и девять грошей, и это деньги, которые принадлежали Шраму. Четверть его денег, если быть точным. Не самая хорошая идея платить человеку монетами, которые забрал с трупа его друга. Пусть убийца не ты или даже никто из ваших, эти деньги у тебя я не приму.

— Я знаю, кто убил твоего друга. Я помогу тебе отомстить. Это женщина, которая связана с колдуном.

Могильщик долгим и тяжёлым взглядом посмотрел на Хасла, но тот выдержал его взгляд.

— Я не лгу.

— Попробовал бы ты солгать. Допустим, этот повод мне ближе. Но иногда месть не стоит того, чтобы рисковать ради неё жизнью. Давай будем честны, она почти никогда этого не стоит. Только если погиб кто-то по-настоящему близкий, но таких людей у меня нет. У меня кончается терпение, человек.

— Меня зовут Хасл.

— А меня Велион, — пожал плечами чужак. — Думаешь, то, что тебя зовут Хасл — это повод убивать твоего «Друга»?

Конечно же, могильщик догадался, кого Хасл просит прикончить. И не далее как этой ночью сам охотник рассказывал о том, кто такой Друг. И что теперь делать? Оставалось только молить? Валяться на земле, хватать за колени? Или что-то ещё осталось? Если бы этот Велион просто хотел уйти, он уже убрал бы Хасла с дороги. Или убил и ограбил. Но он продолжает слушать, не хочет уходить. Все эти жуткие гримасы, которые он корчил ночью, лишь игра загнанного в угол. Странно, но и могильщик теперь не казался охотнику плохим человеком.

— Если ты убьёшь Друга, я стану здесь главным, — сказал Хасл. Это была правда. Почти. Но если они убьют Урмеру, никто не посмеет противиться ему, никто не пойдёт против его Дара.

— Твой мотив я понял, не могу сказать, что поддерживаю тебя, но это твоё дело. Да и за эти шрамы и то клеймо на груди я бы тоже захотел его прирезать. Вопрос не в том, почему ты идёшь на это дело. Какой резон этим заниматься мне?

— Если я стану главным, я разрешу тебе грабить Бергатт столько, сколько влезет. Ты же пришёл сюда за этим?

Могильщик посмотрел поверх головы Хасла в сторону руин. Он молчал.

— Совмести в себе убийцу и могильщика, — продолжил Хасл. — Помоги мне, и я помогу тебе. Помни, что я пошёл договариваться за тебя с другими.

— Под страхом смерти, — усмехнулся Велион. — Но это не худший мотив. Чёрт с тобой, давай убьём этого ублюдка, а я смогу заняться Бергаттом вплотную.

Велион протянул Хаслу ладонь, затянутую в чёрную кожу. Охотник сжал её, и это было самое омерзительное прикосновение в его жизни.

— Эти перчатки прокляты, — сказал он, отпуская руку могильщика.

— А то я не знаю. Отдыхай пока. Твои друзья наверняка захотят нас убить, едва мы отсюда высунемся, поэтому к твоему «Другу» пойдём ночью.

Глава десятая. Дань павшим

Туман словно был живым. Возможно, дело в мерзкой погоде или противном ветерке, всё время тянущем в одну сторону, но Велиону иногда начинало казаться, что туман дышал. Слабо, неровно, как больной или умирающий, но ещё дышал.

Хасл посапывал, свернувшись в клубок. Бедного уродца трясло от холода, во сне он что-то бормотал и всхлипывал, но могильщик не собирался будить его. Уж лучше балласт, который он потащит, хотя бы будет бодрым и отдохнувшим. Пареньку, судя по виду, пришлось многое пережить за последнее время.

В который раз Велион задался вопросом, какого хрена он здесь делает. Ладно, они собрались в Бергатт. Пусть они ограбили Шранкт, и он в отличие от Крага захотел ухватить побольше. Хорошо, он вряд ли прорвался бы через отряд из дюжины человек, а, прорвавшись, скорее всего, получил стрелу в спину, поэтому ему пришлось бежать, договариваться и прятаться.

Но как объяснить то, что он согласился помогать этому несчастному? Ради денег? У него в кошеле полдюжины золотых достоинством в две кроны. Эти несколько монет могильщик добыл ещё вчера утром в Бергатте, пока не решил поискать свежих яблок в одичавшем саду. На его беду в этом саду решили отдохнуть рыбаки. А дальше он просто превратился в цель, дичь, на которую ведут охоту.

Да, давненько такого не было. Не зря Велион вспомнил о школе убийц. В то время он жить не мог без чувства опасности. Но сейчас ему достаточно той игры со смертью, что происходит в могильниках каждый раз, когда он склоняется над очередной ловушкой.

И всё же, какого чёрта он согласился помогать этому Хаслу? Из доброты душевной? Вряд ли. Что-что, а уж доброту из него выбили ещё в детстве.

Велион втянул влажный воздух ноздрями и медленно выдохнул.

Каждый раз, когда он ввязывался в какую-нибудь авантюру, чтобы кому-то помочь, говорил себе, что это в последний раз. Многие дела, от которых его отговаривали, едва не кончались гибелью, но он продолжал забираться в те уголки, куда больше никто не рисковал соваться, туда, где никого никогда не было. Благодаря этому у него появились весьма специфическая слава среди своих — могильщиков, магов-перекупщиков, барыг.

Зато Велион знал много чего такого, о чём не знали другие. Зато любой могильщик, который его знал или хотя бы слышал о нём, всегда шёл с ним на дело, зная — Чёрный Могильщик никогда не бросит умирать раненного напарника посреди могильника, не ограбит на обратной дороге, да ещё и поможет, если на то будет нужда и если у него будет такая возможность.

Но этот недоросток даже не могильщик.

«Это будет справедливо, — сказал себе Велион, — Краг будет отомщён, а я смогу разведать могильник, на окраинах которого он погиб. А эти людишки перестанут страдать от мага, уродующего их с самого детства».

Выживи Шрам, он тоже решил бы помочь Хаслу, так как это в какой-то мере стало бы местью за его погибшего брата.

Велион сунул руку в рюкзак и, вытащив сухарь, принялся механически его жевать.

Нужно изучить следы на месте гибели Крага. Скорее всего, там уже всё затоптано, но,

возможно, что-то удастся разузнать. Если маг и убийца связаны, найдя одного, можно выйти на другого.

Во многом начал вырисовываться какой-то смысл. Туман, убивающий всех, у кого нет Дара, и наблюдательная башня в дне пути от Полой Горы. Отсутствие живых могильщиков, ходивших в Бергатт, и сумасшедший маг с подручным-убийцей. Вероятно, в Новом Бергатте не просто так настолько большая башня магов. Её могли заложить те, кто выжил во время войны — насколько Велион читал, Бергатт славился своими магами.

Неожиданно, ему вспомнился отвратительный дневной сон. Кто-то ходил вокруг него и звал по имени, кругом бегали скорченные горбуны, а стоило ему поймать одного, как другие с криками начали распадаться на куски.

Хасл всё ещё спал, и Велион решил пройтись. Далеко, впрочем, он отходить не собирался — хватит и круга диаметром в двадцать шагов, чтобы размять ноги. Пусть здесь должно быть безопасно, но неизвестный убийца вполне мог выследить их и прятаться, выжидая подходящего момента. Кроме того, уже почти ночь, и рассмотреть что-либо становилось всё трудней. С другой стороны, здесь, посреди тумана, ночью почти не холодало, да и не такие уж и редкие энергетические вспышки давали какое-никакое освещение.

Велион проделал несколько кругов. Вероятно, когда-то здесь тоже росла пшеница, но она погибла во время битвы, а землю завалило битыми камнями. Будто где-то на склоне горы был рудник, и здесь устроили отвал. Но, ясное дело, никакого рудника там не было.

От скуки могильщик занялся своей любимой игрой, он называл её «Угадай, что происходило в этом могильнике во время войны». У Велиона имелся опыт в чтке следов, на плохую наблюдательность он тоже не жаловался. К сожалению, подтвердить правоту его реконструкций тех событий было некому. И всё же, это занятие ему нравилось.

Они вошли в Шранкт и увидели там кучу костяков, лежащих посреди торговых рядов. Стражники, судя по расположению скелетов, словно прогуливались среди торговцев и покупателей, не подозревая ни о чём. В казармах трупы лежали кучами, оружие со складов никто не вытащил. При этом и склады, и казармы почти не пострадали, зато в самом Шранкте разрушений куда больше. Городские ворота в то же время валяются на земле, хотя никаких таранов или катапульт вблизи стен могильщики не нашли. Людей на мельнице частично засыпало камнями, однако кладка могла обвалиться и позже. Вероятно, часть стены всё же упала, но, скорее всего, мельник и семья погибли не под завалом...

Могильщик остановился, положив руку на рукоять ножа. Он как будто услышал чьё-то дыхание, и оно принадлежало не Хаслу — постанывающего и всхлипывающего охотника было слышно издали. Велион постоял с минуту, но не услышал больше ни звука. Всё ещё держа руку на ноже, он отошёл к своему камню и уселся на него, вслушиваясь в тягучую тишину.

...В Бергатте следов боя могильщик тоже не нашёл. Дома стояли целые, многие лишились дверей, но охранные заклинания не взломаны. Кучи костей на улице, и всё же солдат среди погибших не так много, почти нет. Зато стена сильно разрушена. Да и проклятья по большей части концентрировались на улицах. Когда Велион швырнул то блюдо с Рогом Демона в преследователя, удар от детонации проклятий прошёл ровно по улице. Да, часть домов пострадала, но если бы заклинания применялись внутри зданий (во время уличных боёв, например), то разрушения были бы куда серьёзней.

И ещё этот чёртов лес, заплонивший улицы городов. Дым от горящих деревьев явно

ядовит... Лес сам по себе — это следствие войны и магических эманаций, заполнивших город, вряд ли кто-то пытался убивать людей растущими из-под земли деревьями. Возможно, руку к его появлению приложил этот Друг. Хотя изменённые магией деревьям могли вырасти и сами.

Выходит, бойни, подобной крозунгской, ни в Бергатте, ни в Шранкте не было и в помине. Зато следы одного мощного магического удара налицо. Вероятно, большая часть населения Бергатта погибла именно после него. Мощный поток энергии поглотил весь котлован, в котором так удобно расположился город, разметал всё на своём пути и остался витать в воздухе. Вот его следы. Велион дышит ими.

Возможно, драка началась и здесь, но её мгновенно пресекли одним превентивным ударом, после которого в живых осталась горсть людей. И маги, конечно, если вспомнить особенность действия тумана. Похоже на обладателей Дара. Люди для них... не то чтобы домашние животные, но кто-то второго сорта — точно. Они относятся к обычным людям, как средний горожанин смотрит на карлика из балагана. Да, все трое одной породы, но равными они друг друга не считают и относятся друг к другу как минимум с настороженностью.

Мысли могильщика опять обратились не к конкретному могильнику, а ко всему, что он видел за все двенадцать лет своих странствий по мёртвым городам. Он знал о войне мало, но куда больше, чем многие.

Можно сделать вывод, что война началась сразу во многих местах. Где-то успели повоевать, где-то, как здесь, потенциальные вояки погибли очень быстро. Кто с кем воевал — не ясно, иногда Велиону начинало казаться, будто мир в одночасье сошёл с ума, и каждый пытался убить каждого. Понятно только, что маги были если не главной боевой силой, то одной из сторон конфликта — точно. Если бы не они, могильники не были бы так опасны. Кончилась война тоже быстро и так же стихийно, как и началась. И только потом кто-то — о ком Велион знал ещё меньше — создал перчатки, позволяющие грабить мёртвые города, распутывая сложные магические цепи и узлы буквально руками.

Вот такая хронология событий. Вот такие жалкие крупицы знаний.

Конечно, о некоторых местах и некоторых битвах Велион знал куда больше — он находил кое-какие документы и записки. Но знание того, что в Илленсию «для устранения беспорядков» были отправлены два легиона гвардии, расквартированной под Гильсом, не добавляло общей картине полноты, лишь увеличивало количество разрозненных подробностей. Возможно, когда-то ему удастся собрать их в единую картину. Но... каждый могильник может стать последним, и Бергатт ближе всех мёртвых городов за этот год к тому, чтобы отправить Велиона на ту сторону Туманных Гор.

Могильщик усмехнулся. Да. Теперь кое-что прояснилось в его мотивах. Вот так иногда совершаешь какой-то поступок, понимая, что он правильный, а почему он правильный понимаешь куда позже.

Ему нужен этот Друг. Колдун видел всё своими глазами. Возможно, его удастся разговорить, и тогда Велион узнает о войне и её причинах чуточку больше.

— Велион? Велион, это ты?

Хасл мямлил, усевшись на землю и растирая глаза кулаками.

— Если бы я был неизвестным убийцей, способным наводить морок, думаешь, я бы сказал правду?

— Кто знает? — пожал плечами охотник. — Может, сказал бы, потому что тебе хочется

меня помучить? У тебя есть еда?

Велион молча толкнул ногой рюкзак.

Пора отвлечься от событий, произошедших семьдесят два года назад, и заняться куда более насущными проблемами.

В первую очередь им нужно выжить, а это в создавшихся условиях уже нетривиальная задача.

— Твой Друг, он мстительный? — спросил могильщик.

— Да он вообще больной, мать его, — пробурчал Хасл с набитым ртом. — Как я этого раньше не понимал?

— Я спрашиваю, будет ли он мстить за то, что ты заехал ему камнем по роже?

— Конечно. Он меня на куски порежет. Когда отведёт к себе в Башню, конечно. Другим людям он скажет, что простил меня, не смотря на все совершённые мной прегрешения.

Велион вздохнул.

— Думаю, он объявит на нас охоту.

— Конечно, — хмыкнул Хасл. — И я знаю людей, которые с радостью её начнут.

— Оружие у тебя какое-то есть?

— Нет, у меня всё забрали. Мне нужно достать лук, и тогда я смогу убить любого.

— Если этот любой не увидит тебя первым, — сухо возразил могильщик. В голосе парня было слишком много хвастовства. — Тогда умрёшь ты. И луком плохо драться в рукопашной, а бросать всегда жалко. Вот. — Он вытащил из рюкзака косарь Хасла. — Умеешь обращаться?

— Дерусь я тоже неплохо, — сказал охотник, но уже менее самоуверенным тоном. — И вообще, нужно убить только Друга и его подручного. Остальные ничего плохого не сделали. И не сделают, когда Урмеру не станет.

— Даже те, кто с радостью вяжутся в охоту на тебя?

Хасл сморщился и угрюмо поглядел на свои ладони.

— Это уже моё личное дело. Если погибнет Друг, мне никто и слова против сказать не сможет.

— Ладно. — Велион поднялся и закинул за спину рюкзак. — Выходим из тумана как можно ближе к Бергату — так больше шансов, что мы окажемся в могильнике, не встретившись ни с кем из тех, кого убивать не нужно.

***

Шемех как обычно прятался. Сильгия уже привыкла к этому. Она и сама не хотела бы показывать своё лицо никому, но стесняться не было никакого смысла — любой, кто увидит её, умрёт.

Из густых клубов тумана, пошатываясь, вышла кошка. Её ободранная шкурка сочилась кровавым гноем, один глаз отсутствовал, а второй вылез из орбиты и болтался на уровне нижней челюсти, но несчастное животное по-прежнему жило. Если это вообще можно считать жизнью.

Сильгия выдавила в горло еду из бурдюка и быстро проглотила, закрыв рот ладонью, чтобы не полилось обратно.

— Мяу, — сказала кошка.

«Я знаю. Я тоже устала. Я просто хочу это закончить».

— Мяу? — спросила кошка, буквально валясь на бок.

«Ещё не знаю. Я видела чужака. Не того, которого убила, а другого. В нём есть сила, но очень странная».

— Мяу.

«Да, и эти жуткие перчатки. Но я почувствовала в них только пустоту».

Кошка задёргалась, изрыгая из пасти куски плоти, и замерла после приступа, свесив кроваво-красный язык набок. Сильгия думала, что бедная скотина сдохла, но после долгой паузы кошка прохрипела:

— Мяу.

«Да, кому-то придётся убить его. Я не знаю смогу ли, он так долго обо мне заботился».

— Мяу...

«Мы все умрём. Я жду этого уже так долго. Неужели ты ещё хочешь жить?»

— Мяу.

«Вот и я думаю, что нет. Мы зря пережили тот день».

Сильгия поднялась. Несколько бурых комков всё же выпали из её рта на куртку, и она смахнула их своей несоразмерной восьмипалой правой ладонью. Своих пальцев у неё было только два с половиной — безымянный, мизинец и половина среднего. Когда-то они были тонкими и изящными, а сейчас скорее напоминали иссохшие жёлтые ветки. Остальные пять, толстые и коричневые, так же как и часть кисти принадлежали какому-то мужчине из тех, что иногда приводил Урмеру. Какому точно — слишком тяжело вспомнить.

— Мяу? — просипела кошка.

«Мне нужно достать ещё еды. И я хочу посмотреть на чужака поближе».

— Мяу.

«Да, тот парнишка тоже очень любопытный. Я хочу вырезать ему печень».

По телу кошки прошла предсмертная судорога. Сильгия отвернулась от животного, рассчитывая на то, что разговор окончен. Но тут кто-то схватил её за плечо.

Это Шемех. То, что от него осталось. Ссохшееся тело изгибалось как натянутый лук, по лицу стелились глубокие морщины. Он слабо улыбнулся и отступил, словно красуясь. Одежды на нём не было, и Сильгия увидела шрамы, опускающиеся от пупка к паху.

— Они прижигали меня раскалённым ножом, а потом отрезали мне яйца, да, — сказал Шемех слабым голосом, смотрел он при этом в сторону. — А в задницу всадили кол с перекалиной, чтобы я мучился подольше. Помню, пахло плохо прожаренным стейком и говном. Но тогда-то я и дал им всем просрать. — Старик то ли хохотнул, то ли заплакнул. — Они все должны умереть, и я рад, что ты меня понимаешь. Сначала они, потом мы. Но ко мне приходила та, которая когда-то дала мне волю к жизни. Женщина с головой кошки. Она просила не убивать могильщика.

«Плевать я на неё хотела. И ты тоже должен наплевать».

Шемех издал грустный смешок.

— Знаю. Я смертник, ты смертница. Если умрёте вы с Урмеру, я наконец-то решусь убить себя. Но... если этот человек выживет... — Он поднял глаза, и Сильгия увидела в них бесконечную ненависть и жажду отмщения. — Они убьют больше, куда больше, чем неполные две сотни. Они смогут убить их всех. Понимаешь меня?

«Мне нет до этого дела. Главное, чтобы умерли мы».

— Сначала они, потом мы, — повторил Шемех, — но по возможности я хочу забрать с собой как можно больше людей. За то, что они сделали со мной.

«Те, кто сделал это с тобой, уже давно мертвы».

— И что? — пожал плечами Шемех и, подобрав кошку, ушёл. Сильгия услышала, как он чавкает.

«Ничего», — ответила она ему в спину, но он уже не слушал.

Действительно, какая ей разница? Пусть умрут все. Но только если это не займёт много времени. Боль во всем теле и, особенно, в шее, желудке, лице и правой руке нарастала, сводя её с ума.

Неожиданно, Сильгия вспомнила, как однажды вышла погулять из Башни и заблудилась в Бергатте. Это было спустя пятнадцать лет после войны. Тогда, через пять или шесть дней, она вышла к этим людям. Боль страшно докучала ей, но в те годы она ещё могла сохранять рассудок и светлую память даже в такие моменты. Она вспомнила, как Урмеру с хохотом прижигал Знаком — не старым, семиконечным, а новым, который он взял неизвестно где — тела этих людей и резал им лица. Тогда Сильгия пожалела их, но убить смогла только пятерых. А один воткнул ей в живот копье, и если бы не Урмеру, она умерла бы. Зачем она позвала тогда его? Почему не бросилась в одну из охранных ловушек? Почему не воткнула нож себе в сердце? Она могла покончить с собой в любой момент, вы время любой вылазки за пределы башни. И не нужно лгать, что подобные мысли ей не приходили, нет, она думала о самоубийстве каждый раз. Почему же тогда жила дальше?

Сильгия знала ответ.

Потому что в ней тогда ещё жила надежда. Спустя ещё несколько лет надежда умерла, но она не могла предать Урмеру, тратившего столько времени, чтобы вылечить её. Сделать из калеки ещё более уродливого калеку, но способного нормально питаться, переставшего испытывать муки в каждый миг своего существования. Сейчас магички всё-таки решилась на предательство, только бы остановить свои мучения.

Но он обезумел, стал одержимым. Кому они нужны? Что будет, даже если он вылечит её? Они давно старики, обезумевшие развалюхи. Никто и никогда не примет их, сколько бы Урмеру не говорил, что их орден сохранился и кто-то из их друзей ещё жив. Наверное, сейчас они превратились в практически таких же безумных тварей.

Их отвергли тогда, оставили здесь, отвергнут и сейчас. Шемеха за то, что он хотел убить каждого человека в этом проклятом мире. Урмеру за то, что собирался сделать из людей послушных рабов. Её потому что она захотела остаться с ними. И сейчас они стали ещё хуже. Самое большее, что для них могут сделать — это убить из жалости. Для Сильгии — точно, ведь это назвали лучшим исходом для неё ещё тогда.

Зачем тогда тянуть?

Как обычно после съеденного желудок скрутило мучительной судорогой. Сильгия согнулась, но чудовищным усилием воли сдержала съеденное внутри себя. Выпрямившись, она заковыляла туда, где неистовствовал Урмеру, гоняя своих людишек. Он был в ярости. Должно быть, кто-то сильно его взбесил. Наверняка это тот парнишка, с Даром, тот который нашёл убитого ею могильщика.

Мысли начинали путаться от боли. И Сильгия, собрав последние крупицы разума, впервые полностью и осознанно решила отдаться тому, чему всегда пыталась сопротивляться.

Она отдаст им дань. Тем, чьих имён она уже не помнила, но знала, что любила когда-то. Какому-то мальчишке, который приплыл с берега, посмотреть, на случившееся с их лодкой, и вытащил её из воды. Тем, кто приволок её к башне, ещё не понимая, что происходит, а потом буквально разложились на глазах, окутанные чудовищным туманом.

Сильгия, шатаясь, шла сквозь туман, её голова моталась из стороны в сторону, как у куклы. Она почти не разбирала дороги, запинаясь и едва не падала. Дыхание со свистом вырывалось из её носа. Перед глазами появились чёрные круги, предвещающие долгие дни беспмятства, озарённые лишь редкими моментами осознания себя.

Да, пора прекратить всё это. Она должна отдохнуть. Пусть это тело принадлежит той, кто иногда берёт верх во время долгих промежутков между сном. Той, что приходит за чернотой.

Маги могут жить долго, очень долго, но обычно умирают годам к шестидесяти. Вернее, умирает их разум, а тело безумца уничтожают друзья и коллеги. Но обычно стараются не доводить до этого. Они же втроём давным-давно перешли всякие грани нормальности.

Шаг колдуньи становился всё более ровным и твёрдым. Боль заполнила всё её сознание. «Прощайте», — сказала она, и Урмеру с Шемехом её услышали.

Сильгия перестала существовать. Но её тело, одержимое безумием, продолжило двигаться. Теперь оно служило только одной цели — убивать.

***

Велион осторожно двигался сквозь туман. Пригибаться или прятаться смысла никакого нет, в тумане их не увидят, а вот шуметь нужно было как можно меньше — буквально в паре сотне шагов справа несколько человек перекрикивались, сетуя на хреновую погоду. Хасл не подводил, могильщик даже иногда забывал, что охотник идёт следом, так тот был тих. Хотя нашуметь можно было в любой момент — они шли по битым камням, черепице, иногда приходилось перебираться через целые куски мостовой.

Их искали. И, видимо, знали, где они должны появиться. Или же им просто не повезло, и они сами угодили в расставленную ловушку. Велион сделал охотнику знак остановиться и какое-то время вслушивался в приглушённые голоса. Нет, уходить их обладатели никуда не собирались. Стараться выйти из тумана здесь бессмысленно.

— Мы уже почти у города, — едва слышно прошептал Хасл.

— Наверное, твой Урмеру понял, что ты захочешь его убить, и решил выставить охрану.

— Может быть.

Могильщик раздумывал. Ситуация на первый взгляд безвыходная, да и была таковой с самого начала — они собираются убить мага, за которого без разговора отдаст свою жизнь практически каждый обитатель этого могильника.

— Можно вернуться, — предложил Хасл, — и пробраться в Бергатт другой дорогой. Дойдём до башни и устроим там ловушку. Ты же говорил, что я теперь смогу видеть магию. Так мы пройдем.

— Когда Урмеру вернётся туда? Через день? Или, может, неделю? Ты не боишься, что он придёт с той убийцей?

— Но что-то нужно делать?

Велион помолчал, раздумывая.

— Может, просто пойдём по трупам?

— Нет! — прошипел Хасл. — Там мои друзья.

— Они хотят убить нас.

— Никого они не хотят убить. Я смогу их переубедить. Расскажу, что Друг врал им...

— Как будто они тебе поверят. Ты бунтарь, предавший все духовные скрепы.

Хасл ничего не ответил, только рассерженно засопел.

Нет, идти по трупам — самое глупое решение, которое можно принять. Если на их руках будет кровь, их захотят убить вне зависимости от того будет ли жив Друг. Никакого могильника Велиону не видать, и этот поход превратиться в пустую трату времени. Один его товарищ умер по дороге сюда, другой здесь. Он не может вот так всё бросить.

— Пошли дальше, — буркнул Велион.

Но намного дальше пройти не удалось — через три сотни шагов они наткнулись на расселину в скале. Другой край едва можно было рассмотреть, но находится он на расстоянии двадцати футов минимум.

— Кажется, край этой ямы видно в сильный ветер, — прошептал Хасл, — но я не уверен.

Теперь всё встало на свои места — Урмеру знал о расселине, и ему нужно было выставить охрану в одном единственном месте, чтобы могильщик и охотник не прошли в город незамеченными.

— Остаёмся здесь, — буркнул Велион. — Может быть, днём получится перебраться через эту яму. Если не переберёмся, придётся идти напролом, еды и воды у меня на день.

— Может, я смогу что-нибудь достать, — с сомнением в голосе проговорил Хасл. — Микке мне никогда не откажет...

— Для этого нужно высунуться из тумана, а это верная смерть. Ты... Эй, Хасл, с тобой что?

Охотник стоял столбом, пуча глаза и разевая рот. Велион схватил его за плечо и дёрнул, но тот никак не отреагировал.

— Хасл, мать твою!

Тот наконец закрыл рот и полубезумно посмотрел на могильщика. Его губы тряслись.

— Смерть идёт, — прошептал он.

Со стороны города раздался протяжный крик.

— Это она, — шептал Хасл, по его щекам стекали слёзы. — Она, она! Это она...

— Стой здесь, — буркнул Велион, нащупывая свой клинок.

Могильщик двинулся к границе тумана с той скоростью, с которой даже тренированный человек способен идти по этим грёбаным буеракам в полутьме. То есть небыстро. Кинжал он держал наготове.

Велион был бы рад отомстить за Шрама прямо здесь и сейчас, но понимал — соваться в драку пока не стоит. Достаточно будет просто посмотреть, что его ожидает, узнать о противнике хоть что-то.

— Что это? — орал кто-то. — Микке, что это?

— Я не знаю! Ах, мать твою! Оно убило Эрли! Убило Эрли!

— Бежим! Микке, оно смотрит на тебя! Беги!

Кричавшие сбежали, Велион слышал их отдаляющийся топот. Пока их никто не преследовал. Что-то со знакомым мокрым звуком упало на землю. Словно вывернули куль с мокрым бельём. Но могильщик знал, что такой звук издают кишки, вываливающиеся на камни. Через пару секунд раздалось сочное харканье.

Велион осторожно вышел из тумана. Рядом с кривым деревом, скрючившись, стояла тёмная фигура. Рядом валялись три факела, и в их свете могильщик разглядел старинную чёрную куртку, узкие штаны и несколько ножен. Потом фигура повернулась к нему лицом, и Велион забыл обо всём.

Из-под остроконечной шляпы с узкими полями торчали длинные волосы, обрамляющие

очень старое изуродованное лицо. У той, кого Хасл назвал Сильгией, была чужая нижняя челюсть, грубо приштопанная и безвольно свисающая, на верхней отсутствовала половина зубов, а губа была оторвана вместе с кончиком носа. В окровавленных руках старуха сжимала желудок своей жертвы и часть пищевода. Словно красуясь, Сильгия затолкала пищевод в рот и начала выдавливать содержимое желудка. Наевшись, она отшвырнула желудок и зажала рот восьмипалой ладонью. Раздалось бульканье, из зазора между чужими и своими пальцами вырвалась тонкая струйка рвоты, но большую часть съеденного старуха удержала в себе.

Безразлично посмотрев Велиону куда-то за правое плечо, она подобрала с земли длинный нож и направилась в то же направление, куда сбежали местные.

Обернувшись, могильщик увидел Хасла, стоящего рядом. Лицо охотника не выглядело напуганным, он просто сосредоточенно всматривался вслед уходящей фигуре.

— Эрли был моим другом, — бесцветно сказал он.

— Нам нужно спасти остальных твоих друзей, — медленно проговорил Велион, не зная, как охотник отреагирует на убийство. — Я чувствую, что на этот раз она не уйдёт, убив одного.

— У Эрли есть лук.

Могильщик смотрел, как Хасл на негнущихся ногах подходит к трупам, падает на колени рядом с ним и начинает беззвучно рыдать, сотрясаясь всем телом. Это продолжалось недолго, уже через несколько секунд Хасл поднялся на ноги, сжимая в руках лук и небольшой колчан со стрелами.

— Он заплатит за всё, — произнёс охотник, совсем не воинственно утирая нос, но в его голосе слышалась стальная уверенность. — Эти сумасшедшие грёбаные суки заплатят за все смерти. Павшие будут отомщены. Мы пришли сюда не ради скорби, а ради мести!

Глава одиннадцатая. Костяной цветок

Возможно, паники удалось бы избежать, если бы все жители остались в своих домах. Но убегающие от убийцы стражники так орали от страха и паники, что несколько человек решили выглянуть из своих домов. Троица каменщиков, стоящая на посту в нескольких сотнях шагов дальше по направлению к хутору, тоже прибежали на звуки, рассчитывая, что это кричит пойманный Хасл.

Один из них не успел даже удивиться, когда его ноги неожиданно подкосились, и он упал, больно ударившись о землю, разбив скулу и едва не откусив язык. По телу разливалось тепло, ноги совсем отнялись. Потом что-то ожгло его горло, и последним, что каменщик увидел, был тот самый проклятый Хасл, стреляющий в кого-то из лука. Каменщик не успел догадаться, что мишенью была его убийца.

Визжала какая-то женщина. Финн громогласно требовал Эзмела, но рыбак не откликался. На окраине города появилась жуткая фигура того самого чёрного чужака, которого не смогли поймать прошлой ночью. Один из рыбаков осмелился напасть на пришельца, но его дубинка мгновенно отлетела в сторону, а сам рыбак рухнул на мостовую, тяжело хватая воздух ртом и прижимая онемевшую руку к груди.

— Лежи и не дёргайся, — сказал чужак мерзким голосом.

— Спрячьтесь в свои дома! — орал Хасл, по пятам следовавший за чёрным монстром. — Спрячьтесь в дома, иначе она убьёт вас!

Но слова изгнанника лишь вселили в сердца людей праведный гнев. Не ему, поднявшему руку на Учителя, говорить, что им делать! И только Микке, вечный друг и собутыльник предателя, действительно схватил Хорию в охапку и поволок в сторону таверны.

Каменщики, потерявшие своего, набросились на отступника, но на их пути выросла огромная фигура чужака, заставившая их отступить. Тогда они схватили камни и принялись швырять их в отступника, но тот, не обращая на них никакого внимания, пускал куда-то в темноту стрелу за стрелой и дико орал, то ли от страха, то ли ярости. Несколько выбежавших на шум женщин тоже схватились за камни, но стоило пришельцу с чёрными крыльями заорать на них, как те бросились вслед за Микке.

А потом в темноте, там, куда Хасл стрелял, один за другим зажглись три факела. В неверном свете появилась сгорбленная человеческая фигура в плаще. Через секунду ей в бедро вонзились стрела, выпущенная Хаслом, но нападающий, не издав ни звука, успел выбросить факелы. Они прочертили в воздухе три дуги и упали рядом с жилыми домами. У одного здания второй этаж был сделан из дерева, и пламя факела неожиданно протянулось по каменной стене жадным языком, достав до дерева. Огонь перекинулся на деревянную постройку, а факел погас, будто выгорел за одну секунду.

— Тушите пожар, идиоты! — проревел чёрный чужак, нависая над каменщиками, и те, не в силах противиться, бросились к бочкам с водой.

Хасл тем временем выпустил ещё пару стел в темноту и вскочил, прижимая лук к груди.

— У меня кончились стрелы! Велион!

— Ну так возьми нож, придурок!

Могильщик взял в левую руку камень и двинулся к выходящей в круг света магичке.

— Там же пожар!

— Тогда помоги, мать твою, только меня не отвлекай! Я разделаю эту суку как свинью!

Орали женщины и дети. Не спал уже весь город. Хасл, наплевав на драку, бросился вытаскивать из горящего дома людей. Никто не стал его отталкивать — воспоминания о пожаре, случившемся пять лет назад и унёсшим жизни пяти человек, ещё были свежи. Люди вытаскивали даже питьевую воду из домов, но огонь уже разошёлся не на шутку, грозя перекинуться на соседнее здание.

Одна из женщин наступила на один из двух горящих впустую факелов, и пламя в момент окутало её с ног до головы. Она с воем побежала прочь, от неё отстранялись — языки пламени словно руки тянулись к людям. Сделав буквально несколько шагов, жертва упала и замерла. Огонь почти сразу же погас, но для его женщины было уже слишком поздно. Третий факел выгорел до конца, не причинив никому вреда.

Сильгия отступила в темноту, будто приглашая могильщика следовать за собой, но Велион остался стоять на свету. Магичка какое-то время ждала, а потом резко метнулась в сторону пожарных. Стрела в бедре ей не мешала ни капли. Велион бросился следом, но опоздал — старуха прыгнула подростку с большим горшком в руках на спину и вскрыла его живот от пупа до рёбер. Велион врезался в неё, сбрасывая с несчастного парня, но та как паук метнулась в темноту. И лишь булыжник, пущенный могильщиком, ударил ей в спину.

Всё равно для мальчишки было уже слишком поздно — за долю секунды магичка превратила его потроха в фарш.

Велион выругался и последовал за сумасшедшей старухой. Он уже чувствовал жар от огня затылком, а значит, дела у тушителей совсем плохо. Зато света стало куда больше...

Хасл уже продрался на второй этаж горящего здания. В сполохах огня мелькали разноцветные искры, и только это объясняло, почему пламя проникло внутрь здания так быстро. Пара комнат уже пустовала, но в третьей он наткнулся на жильцов — женщину и ребёнка, спрятавшихся в угол.

— Выходите! — рявкнул охотник. — Сгорите же!

— Нет! — взвизгнула женщина. — Там чудовища!

Препираться не было времени. Хасл выхватил из рук матери девочку, которая ещё только готовилась получить шрамы при инициации, схватил саму женщину за руку и поволок их вниз по лестнице. На первом этаже он едва не столкнулся с Нерексом. Каменщик выдрал спасённых из рук охотника и потащил на улицу, а Хасл побежал проверять остальные комнаты.

Убедившись, что второй этаж пуст, охотник бросился прочь из здания — он едва дышал, кашель, подобный настигшему его в Бергатте, рвался наружу. Хасл получил пару новых ожогов, но был жив. И никто не торопился его убивать. Напротив, стоило ему очутиться на улице, ему быстро нашлось место в ряду тушителей, и охотник с остервенением принялся передавать полные водой вёдра.

— Скоро вычерпаем все бочки! — заорал кто-то.

— Живее! Не дайте огню перейти на другие здания.

Пламя разгоралось всё сильнее. Всё, что могли сделать люди — это не дать ему перекинуться на соседние дома.

Хасл при любой возможности вертел головой в поисках могильщика, но его нигде не было. Так же как и Сильгии...

Старуха прыгнула на него из-за кучки камней, за которой на первый взгляд не

спряталась бы и кошка. Могильщик успел выставить левую руку, принимая удар, клинок старой ведьмы скользнул по коже перчатки, даже не оставив на ней следа. Тощая нога Сильгии брыкнула его в бедро, но Велион успел нанести ответный удар, отшвырнув противницу назад. Упав на спину, та вывернулась и метнулась прочь, видимо, рассчитывая по дуге добраться до людей.

Чёрный могильщик бросился следом, с ужасом осознавая, что древняя старуха, которой, должно быть, лет сто ни капли не уступает ему в скорости. На ходу он подобрал ещё один камень и швырнул в узкую спину магичке, но та и ухом не повела, несмотря на попадание.

— Мать твою! — прошипел могильщик.

Старуха ворвалась в толпу, собравшуюся на площадке у трактира, но люди успели разбежаться, оставив шипящую убийцу в круге. Послышались панические крики, кто-то из детей закричал от страха. Сильгия обвела всех безумным взглядом и остановилась, будто не зная, кого атаковать.

«Нет, — вонзилась в голову Велиону чужая мысль, — вы не должны видеть меня!».

В стоящую посреди толпы старуху вонзилась стрела — Хасл где-то добыл снаряды... Нет, это не Хасл, а какой-то парень, с такими же шрамами на лице. Он хладнокровно наложил на тетиву ещё одну стрелу и выстрелил в живот прыгнувшей на него Сильгии. И в этот же момент могильщик свалил магичку с ног, заноса кинжал, чтобы закончить эту драку...

... но ведьма каким-то непостижимым движением изогнулась и, очутившись на четвереньках, рванула к застывшим людям. Один нож она потеряла, но у неё было много других, и два из них оказались между рёбер одной из зазевавшихся женщин. Сильгия попыталась выдрать ножи, но Велион опять настиг её, мощным пинком сбив с жертвы. Могильщик готов был поклясться, что слышал хруст рёбер, однако на обезумевшую ведьму это повлияло так же как и стрелы в бедре и животе. То есть никак. Из складок её плаща появился ещё один нож, и Сильгия прыгнула на Велиона.

Могильщик снова перехватил направленный в свой живот нож левой рукой, завёл его себе в бок, намереваясь воткнуть собственный клинок в спину старухи. Та вновь вывернулась, её сухие пальцы вцепились Велиону в лицо, оставляя глубокие царапины. Рука магички метнулась к животу и выдрала из неё стрелу, но Могильщик ответил старухе ударом в челюсть. Часть ниток лопнула, оставив нижнюю челюсть болтаться на одной зашитой щеке. Тем не менее, окровавленная стрела едва не очутилась в его боку, могильщик успел схватить старуху за предплечье, отведя выпад. Они пару секунд боролись, Сильгия не уступала Чёрному могильщику не только в скорости, но и силе — на её тонких костях были стальные мышцы. Вонь из её пасти едва не сбивала с ног.

Когда оба поняли, что борьба не принесёт победы, противники расцепились. Сильгия каким-то образом умудрился ухватить могильщика за полу плаща и рвануть к себе. Нож едва не вошёл ему в лицо, он вовремя отдёргнул голову, боднул ведьму в лицо и опрокинул на спину. Велион прыгнул за ней, стараясь втоптать голову в землю, магичка увернулась, едва не воткну клинок ему в икру. Он неуклюже отшатнулся и, подвернув ногу, упал рядом с Сильгией.

Старуха вновь оказалась на четвереньках, но могильщик успел ухватить её за сапог и дёрнул на себя, вонзая свой кинжал в ягодицу. Раздалось злобное шипение, локоть ведьмы с хрустом врезался Велиону в нос. Хлынула кровь, могильщик схватил противницу за волосы и трижды впечатал лицом в мостовую. Та на миг застыла, и могильщик дёрнул её голову на

себя, стараясь перерезать горло. В этот момент его рёбра вновь воткнулся острый локоть, заставивший могильщика промахнуться.

И в этот раз за ударом последовало заклинание.

Велиона швырнуло в сторону, он прокатился по земле и застыл, сквозь боль пытаясь вспомнить, что он вообще тут делает. По левому боку текла кровь. Кажется, кожа просто лопнула... Он с трудом поднялся и принялся туповато озираться в поисках противника.

В его сторону прыгнула тень, блеснул клинок. Могильщик, не особенно соображая, что делает, прыгнул навстречу. Нож магички звякнул о камни, и сам Велион не смог бы понять, как он выбил оружие из её рук. Его кинжал тоже куда-то исчез, и он вцепился в тощее тело противницы руками, облачёнными в перчатки, чтобы не дать достать очередной нож. В правую руку, запутавшуюся в одежде Сильгии, попало что-то похожее на свёрток с травами, и Велион раздавил это.

Их окутал едкий дым. Вонь была просто ужасающей, даже хуже, чем из пасти ведьмы, могильщика едва не вывернуло. А вот старуху вывернуло, и ещё как. Сильгию согнула пополам, рвота стекала по её висящей нужней челюсти. Велион, всё ещё находящийся в полубессознательном состоянии, пнул её в лицо. Не попал и едва не пролетел мимо, едва не получил нож в живот, но перехватил руку. Завязалась борьба за единственный доступный нож.

И в этот раз тонкие стариковские кости не выдержали — левое предплечье Сильгии с хрустом согнулось, кисть обмякла. Раздалось булькающее шипение. Звякнул о камни нож. И тут старуха выхватила свободной рукой другой амулет.

Велион отшатнулся от своей противницы. Амулет врезался ему в грудь, но отскочил, и взорвался, когда коснулся земли. Могильщик успел прикрыть лицо правой рукой и упасть, поэтому магическая вспышка почти не нанесла ему вреда — он почувствовал только сильный толчок в раненый бок.

Когда он поднялся на ноги, Сильгии уже и след простыл. В этот раз убийца Шрама не стала атаковать людей, просто смотала удочки. И тому была причина — правая кисть магички валялась на земле.

— Грёбанные колдуны, — прорычал могильщик, глядя на поднимающееся к небу зарево пожара. Горело уже три дома.

Велион скинул плащ на камень и, усевшись на него, принялся стягивать с себя окровавленную рубаху. Нужно осмотреть и перевязать рану.

Света для этого уже было достаточно.

Вода кончилась. Хасл опустил занемевшие от работы руки, деревянное ведро глухо стукнуло о мостовую. Хотелось зашвырнуть его в огонь пожара, но это только дало бы дополнительную пищу пламени. Мокрой рукой он стёр с лица копоть, выругался и какое-то время просто стоял, глядя на пожар и чувствуя на лице его жар.

Из соседних с горящими домов уже тащили добро — распоряжался Хоркле. Охотник хотел помочь, но только сейчас заметил, что рядом с ним никого нет, а дорогу ему преграждает полдюжины мужчин. Среди них был Микке.

— Я жив, — с удивлением сказал Хасл, в очередной раз за последние пару дней осознавая этот простой факт. — Где же Урмеру? — спросил он у самого себя.

— Кто? — буркнул Микке.

— Друг, Учитель. Его зовут Урмеру.

— Ушёл на хутор.

— Его нужно убить, — без обвиняков заявил Хасл, обводя мужчин взглядом. — Иначе умрём все мы. Та тварь, что убивала нас — его подруга. И она не остановится, пока не сдохнет. Чужак нам поможет.

Микке смотрел на него как на сумасшедшего. Да и другие тоже. Но тут рядом с главным охотником встал могильщик. Из его носа сочилась кровь, плащ был наброшен на голое тело.

— Мне, нахрен, нужны нитки и иголка, — прогнусавил Велион. — Или мой грёбанный рюкзак. И у меня, по-моему, нос сломан.

Люди смотрели на него с ужасом. Но Хасл видел, что и к ним приходит осознание — это человек. Не смотря на странную внешность и огромный рост. Человек.

Велион пихнул Хасла в бок и буркнул:

— Этих неблагодарных придурков от столетних бабок-убийц я больше спасать не буду. Пойду за рюкзаком.

Он ушёл, и ему никто не пытался помешать.

— Нужно поговорить, — произнёс наконец Микке.

— Да, — кивнул Хасл, — за кружечкой чего-нибудь. Но, боюсь, что сегодня Хоркле за полцены нам не нальёт.

***

Могильщик вошёл в таверну через четверть часа после того как ушёл за рюкзаком. Здесь было битком — все, кто лишился жилища, собрались в главном зале, стащив сюда те свои пожитки, которые удалось спасти из огня. Хасл сидел за столом у камина вместе с Микке и Хоркле, и Велион уселся к ним, водрузив рюкзак между кружками.

— Кто-нибудь умеет шить? — буркнул он, доставая нить и иголку.

— Глубокая рана? — спросил Хасл так, будто очнулся от долгого сна.

— Всего лишь лопнула кожа: плащ принял большую силу удара на себя. Но зашить нужно.

— Хоркле, принеси нашему новому другу чего-нибудь покрепче. И приведи Хорию. — Хасл говорил так, будто он здесь был хозяином, и, судя по тому, что невысокий пожилой мужчина побежал выполнять его распоряжение, так и было.

— Она тогда зашила мне рану так хорошо, что даже шрама почти не осталось, — сказал охотник могильщику.

— Смотря что в твоём понимании «почти не осталось», — фыркнул тот в ответ.

На него смотрели с опаской, но открытой враждебности во взглядах как будто не наблюдалось. Резкая перемена настроения, если вспомнить первые две его встречи с местными — тогда в него просто начинали кидать камни и кричать от ужаса. Сейчас же...

Наверное, сейчас они поняли, что он им нужен.

— Что, тоже поняли, что ваш Друг — больной ублюдок? — хмыкнул Велион.

Один из уродцев, сидящих поодаль, выругался и поднялся из-за стола, но его усадили обратно. Остальные напряглись, однако же начали переглядываться.

— Микке, расскажи всё сначала, — сказал Хасл.

— Когда Друг увёл Хасла, мы... ну, я и Эрли... хотели открутить Эзмелу голову. Мы подкараулили его у выгребной ямы, но в то же время вернулся Друг. У него было разбито лицо, и из-под шляпы кровь текла... — Микке поёжился. — Он орал как сумасшедший. А когда нашёл Эзмела... — Охотник замолчал.

— Он отрезал у него щеку и приложил к своей ране, — закончил за рассказчика

Хасл. — И держал её у себя на темени, пока рана не зажила.

— А потом он приказал ждать его подругу, — добавил появившийся будто из ниоткуда Хоркле. — Орал, что мы её напугали, и сами виноваты в том, что она нас убивает. И чтобы один из нас приготовился понести наказание за Хасла.

С трактирщиком пришла невысокая худенькая девушка, на лице которой было меньше шрамов, чем у большинства собравшихся. Она принесла с собой чистых тряпок и кувшин с горячей водой. С достойной сноровкой она принялась мыть могильщику рану, пока её отец наливал ему в кружку крепкого кислого эля. Велион вцепился в кружку, стараясь выпить как можно больше — захмелев, он почувствует меньше боли. Его шкуру портили много раз, но шитьё — одно из самых мерзких ощущений. Хуже, наверное, была только та стрела, что засела у него в бедре лет десять назад...

Велион допил эль и жестом приказал налить ещё. Иголка впиалась в его плоть, а он просто старался слушать то, о чём говорят недомерки. У них впереди тяжёлые времена, и могильщик может им помочь. Хотя бы убить виновника их бед.

— А ещё он назвал Хасла предателем и пообещал распять его, — сумрачно говорил Микке. — Приказал нам устроить на него засаду, а сам смотался к Викле на хутор... но сначала... сначала...

— Он убил вдову Жерева, — прошипел Хасл. — Просто прихлопнул походя, будто она ему мешала. Ударил ладонью, но у неё лопнула голова, а Урмеру даже глазом не повёл. А она всего лишь хотела спросить, когда можно похоронить мужа. — Он обернулся к остальным собравшимся в таверне людям. — Так и было? Вы все это видели! Видели, как он предал собственные заветы! Как он мучил Эзмела и убил Аргу!

Они все это видели. Кто-то заплакал, кто-то выругался, кто-то принялся бормотать молитвы, вопрошая не известно к кому. Но большинство отупело молчало. Велион видел подобную реакцию. Так люди ведут себя, когда их мир в одночасье рухнул, разделив жизнь на «до» и «после». Когда они понимают, что пути назад уже нет, и с этим остаётся только смириться.

— Все мы знаем, что Хасл хороший человек, — тихо сказал Хоркле, — и что он просто так не стал бы сбегать от Учителя...

— Учитель обезумел! — выкрикнул Микке, вскакивая из-за стола. Его трясло. — Испугался, что Хасл сможет занять его место! Мы все знаем, что у Хасла проснулся Дар.

— Он давно безумен, — громким, но ровным голосом произнёс Хасл. — Я понял это, когда увидел ту старуху, что бросилась нас убивать, едва войдя в город. Велион, могильщик, спас нас от неё. Чужак, за которым мы охотились, помог нам, а тот, кто обучал нас всю жизнь, предал. Именно Друг виноват в том, что она напала на нас. Не знаю, как он справлялся с ней раньше, но сейчас он потерял над ней контроль. Я скажу даже больше — Учитель сотворил её. Вы видели её нижнюю челюсть? Это была мужская челюсть! А правая рука? У неё было восемь пальцев!

— Скажу больше, — буркнул могильщик. — Её мышцы слишком мощные для старушки.

— Вот видите! — буквально прорычал охотник, выходя из-за стола. — Теперь я знаю, откуда у неё эта челюсть, эта рука и эти мышцы! Учитель, Урмеру, забрал их у нас с вами. У наших отцов и матерей. Старших братьев и сестёр. Дедов и бабок. Он уводил их к себе в Башню и убивал, забирая нужные органы, чтобы эта уродка, Сильгия, могла жить. Поэтому никто не возвращался из Башни! Никакого познания мудрости в Башне нет! Друг не учился у наших отцов ничему! Он убивал их! Убивал каждого, кто дожил до сорока. Но свои

зверства он начинал куда раньше! Он с рождения терзал наши тела. Резал нам лица. Он поставил клеймо на грудь каждому из нас! Вы видите этого человека? — Хасл яростно ткнул в могильщика. — Видите. А я видел его друга. Я и Финн. Посмотрите на его лицо! У него нет никаких шрамов! И у убитого вчера утром чужака тоже их нет! Так должны выглядеть настоящие люди! Никто не мучает их, вырезая узоры на лице. Никто не заставляет их умирать в сорок лет!

— Скажу больше, — раздался тихий невнятный голос, — он делает это без особых причин.

Обернувшись к двери, Хасл увидел Эзмела. Старый рыбак стоял, опустив руки и свесив голову, его лицо было грубо замотано тряпкой. Судя по кровавому следу на повязке, Урмеру срезал ему плоть с левой скулы.

— Урмеру... мучает нас за какие-то грехи, которые совершили наши предки против Древних, — продолжал старик. — Он действительно убивает тех, кто приходит к нему в башню. Варл и Хасл хотели его остановить когда-то, но оба поплатились. Больше я ничего не знаю.

— Лжешь! — рявкнул Хасл, сжимая кулаки.

— Лгу, — кивнул рыбак, — но больше я ничего не расскажу. Если бы не Друг, никакого города не было бы. Наши деды умерли бы, сгнили в чреве Серого Зверя, если бы Урмеру не спас их. То, что он делает с нами... если он считает, что это плата за жизнь — я готов её отдать. — Эзмел зло посмотрел на Хасла. — Твой отец едва нас всех не угробил. Ты, видимо, закончишь его дело. Яблоко от яблони.

— Говнюк! — порычал Хасл в спину уходящему рыбаку. — Готов заплатить? Почему же ты тогда подставил меня днём?

— Потому что был в праве, — бросил Эзмел через плечо и ушёл в темноту.

— В праве... Этот закон установил Друг! По этому закону каждый из нас обречён на мучительную жизнь! И не менее мучительную смерть! Поэтому... Поэтому мы обязаны убить его!

В таверне воцарились гробовая тишина. Хасл оглядывал каждого, и каждый сдавался под его яростным взглядом.

В данный момент охотник злился по большей части на старого рыбака. Этот хитрожопый ублюдок вроде бы высказался за Друга, но в то же время помог настроить людей против него. Старику крышка, на ближайший Йоль или на следующий, а если Урмеру умрёт, у него будет шанс прожить дольше. И в то же время Эзмел боялся его смерти, как и все люди.

Чёрт возьми, его и самого обуревают смесь злости на Друга, разочарования и страха за будущее. Но для него назад пути нет. Хасл посмотрел на Велиона.

— Я помогу его пришить, — сказал могильщик, грохая кружкой о стол. Его рана уже была перевязана. — В этом деле я когда-то был спецом.

— Но так ведь нельзя... — тихо проговорила какая-то женщина. — Друг учит нас, обороняет от Серого Зверя...

— А убивать вдов можно? — закричал на неё Микке, младший охотник уже был пьян. — Можно травить нас жуткими упырями?

Завязался спор. Хасл не хотел его слушать. Он знал, что некоторые будут сопротивляться до конца, но его никто не сможет остановить. Особенно, если с ним будет Велион.

Охотник захотел выпить. Нет, скорее, напиться. Он поискал глазами Хоркле, но не нашёл. Хория ещё сидела у могильщика, едва не выложив свою грудь тому на локоть, и что-то у него спрашивала. Велион охотно отвечал ей, его лицо выражало какую-то странную смесь лёгкой брезгливости и сильного любопытства.

Хасл решил найти выпить самостоятельно. Он отправился в заднюю комнату, где хозяин таверны обычно хранил готовую на продажу выпивку. Здесь было темно, и охотник едва не свалился, запнувшись о какой-то мешок...

Это не мешок.

— Хоркле, это ты?

— Да... — исчезающим голосом ответил тот и продолжил беззвучно плакать.

Хасл сел рядом, думая как успокоить старика... И в этот момент всё произошедшее за два дня свалилось на него. Слезы нескончаемым и неконтролируемым потоком брызнули из его глаз. Это не было истерикой. Охотник чувствовал бесконечное горе и тяжелейшую утрату. Образ доброго и мудрого Друга окончательно ушёл из его жизни, оставив после себя только пустоту, которую невозможно заполнить слезами. Но Хасл плакал. В конце концов, он всего лишь человек.

Теперь жизнь станет совсем другой.

***

Странно, но в этот раз дикий приступ боли вернул ей разум.

Почему-то вспомнился её первый Йоль в Башне, которой Урмеру сейчас самодовольно присвоил своё имя. Тогда её, шестнадцатилетнюю дурочку, опоили, накачали наркотиками и растлили. Впрочем, как и всех новеньких дурочек. В тот день она впервые вкусила человеческой плоти, отвергая себя прежнюю. Убивая в себе всё человеческое. Ставя себя на другую, более высокую, ступень. По крайней мере, так ей тогда говорили.

С того дня она стала не человеком, но магом. И её разум оказался достаточно стоек, чтобы принять это, а не отвергнуть. Многие не справлялись, и у таких было всего два пути — безумие и смерть от рук учителей или самоубийство.

Их было двенадцать в день, когда ворота Башни закрылись за их спинами. И лишь трое увидели, как эти ворота отворяются. Сильгия, Урмеру, Шемех. Неразлучная троица, братство если угодно. Они всегда были больше чем просто друзьями, они поддерживали и любили друг друга, но при этом так и не стали любовниками.

«Урмеру... помоги мне...».

Он слышал. Слышал, но не отвечал.

Сильгия ползла, втыкая в мягкую мокрую землю локти, с трудом отталкиваясь ногами. Её правое бедро и бок превратились в месиво. Мясо, кровь, кости и лохмотья одежды смешались с грязью. Теперь она точно не похожа на человека... Даже если Сильгия когда-то и находилась ступенью выше, сейчас она лишь жалкая пародия на человека.

Наверное, они все получили по заслугам. Она жрала человеческое мясо в молодости, а теперь ей приходится есть ферментированную пищу, иначе повреждённый желудок не справлялся. Красавчика Урмеру облили кислотой, когда он возвращался от любовницы, даже не подозревая, что свидание было ловушкой. Шемех посадили на кол, как делали со всеми содомитами в то время, но до того дня амулет мага спасал его. Они превратились в настоящие развалины в тот день. Сейчас их братство — сборище жалких больных искалеченных нелюдей.

Но именно сейчас, когда всё, казалось бы, кончено, Сильгия снова захотела жить. Жить по-настоящему. Заниматься сексом, пить вино и есть пирожные, которые она так любила в молодости.

«Урмеру... прошу...».

Он не отвечал. Возможно, гневался. Или уже распрощался с ней. Давно пора... Чёрт ублюдок, почему ты не сделал этого раньше? Почему не дал ей умереть в постели во время одного из приступов забытья?

Воткнуть правый локоть в землю, вдохнуть, выдохнуть, воткнуть левый локоть в землю, скребя ногами по земле подтянуть своё тело, вдохнуть, выдохнуть. Повторить. И ещё раз. И ещё.

Нет, она никогда не доберётся до Урмеру. Кровотечение уже поутихло, но кровь всё ещё сочится. Позли она по сухому, за ней остался бы кровавый след. Но Сильгия ползла по грязи, и не понять, где в этой грязи её кровь. Возможно, магичка сама давным-давно превратилась в эту грязь.

«Урмеру... ты... должен... отомстить за меня...».

«Я отомщу. Но ты должна обещать, что откажешься от немедленной мести!».

Он даже не осознаёт, насколько она плоха.

Всё. Это последние слова, которые Сильгия услышала от него. Потому что она не отступится. Но этот самоуверенный болван думает, что она просто хочет пустить кому-нибудь кровь. Нет, Урмеру, не всё так просто. Ей не хватит ещё одного выпотрошенного трупа, она хочет убить их всех.

«Я любила тебя, Урмеру... всегда любила...».

Возможно, и он когда-то любил её. По крайней мере, до того Йоля, когда её имели во все щели старшие преподаватели, она мычала от удовольствия, а он смотрел. Так его освобождали от человеческих привязанностей. До того Йоля, когда она понесла не понятно от кого, сама убила собственное дитя в утробе, а после выкидыша сделала из его костей амулет. Такова была её плата за то, чтобы стать избранной.

Она на месте. Когда-то здесь были прекрасные сады. К несчастью, заклинание Шемеха их практически не затронули, и эти уродцы превратили их в убогий огород. Репа, капуста, горох... нищенское пропитание для ублюдков, которых Урмеру решил сделать своими рабами.

«Шемех, ты всегда был моим лучшим другом».

Он тоже неодобрительно молчал. Ему было мало смерти жалкой горстки уродцев, он злился на то, что она пыталась убить этого могильщика. Сильгия тоже чувствовала в нём что-то. В легенде это, наверное, назвали бы перст судьбы. Или, скорее, злого рока. Могильщик станет причиной многих смертей. Но ей будет достаточно двух сотен трупов. Она сделает всё, что можно, чтобы они погибли вместе с ней.

В этом году урожай не будет.

Сильгия опёрлась на сломанную руку и встала на колени. При этом магичка не почувствовала практически никакой боли. Она слышала, что это верный признак того, что ей осталось недолго.

Что ж, она и не надеялась выжить. Но сначала...

Вытащив левой рукой свой последний нож, ведьма очистила от грязи рану на правой культе, чувствуя лишь слабое покалывание. Сломанная рука едва слушалась, но Сильгии удалось восстановить обильное кровотечение. Отшвырнув нож, она воткнула культю в

податливую землю. Дыхание с хрипом вырывалось из её больной обожжённой глотки.

Вдох. Выдох.

«Прощайте».

Кровь хлынула из культи, напитывая землю. Непослушные пальцы вцепились в нужный амулет, и с каждым толчком её гнилого сердца, с каждой каплей крови из её тела заструилась энергия. Волшба никогда не давалась ей с такой лёгкостью. Возможно, причиной тому амулет, который когда-то был частью её самой, жизнью внутри неё.

Земля зашипела, от неё начали подниматься клубы едкого тумана. Сильгия не видела этого, но знала, что это место умирает. Гниль распространялась всё дальше, уничтожая всё, к чему прикасалась. Растения превратились с гадкую вонючую слизь, черви извивались, разлагаясь ещё живыми.

«Прощайте...».

Они не отвечали. Но Сильгии уже было плевать на их ответ или его отсутствие. Она проваливалась туда, где не будет ни боли, ни безумия. Только бы заклинание продержалось как можно дольше...

Все те, кого Урмеру лишил жизни, стараясь вылечить её искалеченное тело, сейчас работают на неё. Те, что дали ей свои мышцы. Тот, кто дал ей правую ладонь и челюсть. Все те, кто мучились месяцами, производя для неё кровь и пищу. Они умерли, чтобы жила она, а она жила, чтобы уничтожить их потомков.

Эту зиму они не переживут.

Что-то мягкое уткнулось ей в лицо. Земля. Она упала на землю. Какой-то жалкой частичкой сознания Сильгия понимала, что сейчас её лицо разлагается вместе с землёй, но так будет даже лучше. Кость чиста. Кости нет дела, изуродовал ли кто-то твоё лицо при жизни.

Силы совершенно покинули её. Но она и её не рождённое дитя станут новым ростком, посаженным в эту проклятую землю. Её рука ещё вливается в вонючую грязь, её кровь ещё струится по разлагающимся венам.

Когда-то... давным-давно... ей говорили, что она прекрасна как цветок...

Сейчас она вращёт костяным цветком в отравленную землю.

«Прощайте...».

Сильгия уже не слышала безумный крик боли и отчаянья, когда Урмеру понял, что она умерла и что сделала перед смертью.

Глава двенадцатая. Тяжёлые потери

Могильщику редко снились сны. Пожалуй, за последнее время он мог бы припомнить только два случая — морок, насланный карликом, и кошмар, привидевшийся ему во время прошлой ночи. И тот и другой сны можно было объяснить только магией.

Нет, конечно же, раньше сновидения часто приходили к нему. Туманные, тянущие сны, в которых он видел забытых наяву родителей. Угрюмые сновидения, бывшие скорее продолжением тяжёлых тренировок. В них Велион раз за разом проходил полосу препятствий или на свиньях учился резать глотки людям, привыкал, сложившись в три погибели, прятаться в таких местах, куда взрослому человеку на первый взгляд даже не втиснуться. И если сны про родителей перестали приходить к нему ещё в школе убийц, то кошмарные тренировки возвращались ещё долгие годы.

Были и обычные бредовые сны, не несущие в себе никакого смысла, они сняться всем и всегда.

Но. Стоило Велиону стать могильщиком, как сны начали исчезать. Он всё чаще и чаще, засыпая, проваливался в черноту, пока это не стало для него нормой. Редко, очень редко, после каких-то особенных случаев сны приходили, но бывали скоротечны и всегда заканчивались той же чернотой, будто чёрная кожа перчаток душила их. Перчатки словно выпивали сновидения, об этом говорили многие могильщики.

А тут уже второй сон подряд. Он пришёл внезапно, когда Велион ещё лежал в полусне, уставший, раздражённый от боли в боку и носу. Могильщик ещё чувствовал, как к его правому боку прижималась Хория, показавшая неожиданную сноровку в постели. Он ещё раздумывал о том, как ему достать и разговорить чёртового мага...

... но в то же время он уже брёл по мёртвой, усыпанной пеплом равнине. В лицо могильщику дул холодный пронизывающий ветер, от которого не спасала даже надвинутая на лоб шляпа. На безрадостной серой пустыне не было ни бархана, ни камня. Слезящиеся от мелкой пыли глаза могли различить только туманные очертания гор, чей чёрный абрис едва вырисовывался на фоне закрытого высокими тучами неба всех оттенков серого. На небе не было ни солнца, ни луны, но кое-где брюшину той или иной тучи будто что-то освещало, словно само невидимое небо просвечивало сквозь тонкое место.

Ни луча солнца, ни света костра, ни всполохов пожара, не говоря уже о тёплом свете окна. Единственным ориентиром оставались горы, и могильщику не оставалось ничего другого, кроме как идти к ним.

Одиноким странник увязал в пепле по щиколотку. Каждый шаг давался с большим трудом, и дело было не только в ветре или увязающих ногах. Могильщик делал буквально свои первые шаги, неуверенные, как у малого дитя, короткие. Он старался не упасть, так как знал — если упадёт, утонет, рассыплется в пыль, станет частью равнины. Об этом говорили истлевшие останки других, тех, кто шёл по пеплу ранее — их истончившиеся серые кости торчали среди равнины то тут, то там. Стоило могильщику наступить на такую кость, как она рассыпалась в прах, едва отличимый по цвету от ровной пыльной поверхности. Образовавшуюся горсть костяного праха уносил ветер.

Могильщик повернулся назад, чтобы посмотреть, куда ветер уносит прах, но позади была всё та же серая равнина. И ни следа. Промораживающий до костей ветер заносил следы

так быстро, что вздумай могильщик вернуться на то место, где был минуту назад, он бы заблудился. Оставалось только повернуться к горам и шагать, шагать, шагать...

В какой-то момент он увидел нечто, подминающееся над поверхностью пепла. Приблизившись, могильщик понял, что это свежий скелет. Пепел уже пожрал плоть покойника, превратил в пыль, ветер унёс её, но костяк пока не рассыпался. Взяв череп в руку, то ли затянутую в чёрную кожу перчатки, то ли сросшуюся с ней, могильщик понял, что знал когда-то этого человека. Это было давно, очень, в том далёком прошлом, когда могильщик ещё был человеком и умел многое, не только шагать и шуриться.

Когда он мог испытывать эмоции. Сейчас всего чувства унёс ровный ветер, унёс вместе с пылью, пеплом, прахом, унёс куда-то на другой край этого огромного пустыря.

Человека звали Шрам, могильщик знал это. Откуда — ответа не было. Возможно, он уже проходил здесь, когда Шрам брёл по этой же серой пустыне. Возможно, они встретились и какое-то время путешествовали вместе. Скорее всего, Шрам далеко не первый, с кем могильщик брёл по равнине из праха. Но сейчас от него не осталось ничего кроме имени и скелета.

— Он уже там, — сказал кто-то.

Обернувшись, могильщик увидел человека в лохмотьях, указывающего куда-то в сторону гор. Лицо мужчины закрывала костяная маска с грубо вырезанными, скорее даже выломанными, глазными отверстиями. Зато рот резчик выполнил искусно, он будто менялся, едва различимо для взгляда. На рот маски выползала то гримаса боли, то счастливая улыбка, то безумное в своей поглощающей пустоте безразличие.

— Тебе нужно в другую сторону, могильщик, — сказал человек в маске, подбирая череп Шрама.

— Там некуда идти.

— Есть, ты просто ещё не знаешь.

— Там ничего нет.

— Есть, могильщик, есть. — Человек в маске презрительно дёрнул плечом в сторону гор. — Туда ты всегда успеешь. Главное найти что-то там.

Могильщик повернул голову назад. Странно, но ветер, дующий ему в лицо, только усилился, он слепил, из-за набежавших на глаза слёз серая равнина и серые тучи смешались воедино.

— Там ничего нет, — повторил могильщик.

— Есть. Ты просто разучился видеть. Вот, посмотри.

Человек в маске швырнул череп в ту сторону, куда смотрел могильщик. От удара кость рассыпалась в прах, и ветер унёс его. Но могильщик запомнил место, куда упал череп.

— Вот видишь. Сначала научись различать хотя бы что-то.

— Там нет ничего кроме праха.

— Возможно, ты прав. Но среди этого праха так много всего, что ты даже представить себе не можешь. Из праха восстают целые цивилизации.

— Чтобы вновь обратиться в прах, — возразил могильщик.

— И так тоже бывает, — согласился человек в костяной маске. — Но не всегда.

— Что я там найду?

— Это уже зависит от тебя, могильщик. Посмотри на меня.

Могильщик повернулся к человеку в маске. С ним происходили странные метаморфозы. На поверхности кости вырастали клочки и полосы мяса и кожи. Пока что они безвольно

болтались от ветра, но уже начинали постепенно срастаться, формирую смутно знакомое лицо. Узкий нос с горбинкой, тонкие губы, впалые щёки, высокий лоб, копна чёрных волос.

— Видишь, у меня ничего не было, я потерял всё. И потерялся на этой равнине, как и ты. Но я что-то нашёл для себя. Хотя бы новую маску. Кто знает, что она даст мне?

Человек в маске махнул могильщику на прощание и пошёл куда-то, держа горы по правую руку от себя. Могильщик же развернулся к чёрным вершинам спиной и побрёл туда, где на поверхности пустыни ещё можно было различить более светлый слой праха.

— Я иду по костям, — сказал могильщик в пустоту, но не получил никакого ответа. — Разве я могу так делать?

Ответа не по-прежнему не было, и не будет никогда. Могильщик ссутулился и, поглубже надвинув шляпу на лоб, пошёл к своей цели.

Если идти в эту сторону, ноги вязнут куда сильнее...

...Могильщик ещё спал.

Он лежал на скамье, на которую было брошено овчинное одеяло. Рядом сидела Хория. Она была голой, как и в тот момент, когда они уснули вместе. Её острые груди вздымались от тяжёлого дыхания, соски набухли от возбуждения. Дочь хозяина таверны ласкала себя левой рукой, а правая её ладонь лежала в складках одеяла. На внутренней поверхности её бёдер засыхало семя, по подбородку стекала кровь.

— Ты чужой здесь, — сказала девушка, растягивая рассечённые губы в широкой улыбке. Её рот был полон крови, медленно сочащейся из разрезанного пополам языка. — Мы не любим чужаков.

Она наклонилась к могильщику. Невесть откуда в её правой руке появился узкий нож. Должно быть, она прятала его в одеяле.

— Все чужаки должны умереть, — прошептала Хория на ухо могильщику.

Она подняла нож. Могильщик внутренне сжался, но был не в силах помешать удару — тело не слушало его.

Нож опустился... в алчно подставленный под удар рот Хории. Она вогнала его так глубоко, как могла, и упала, уронив лицо на грудь могильщику. Кровь заструилась по его телу, полилась на одеяло. Хория хрипела, стискивая в агонии бёдрами свою правую руку...

Велион проснулся. Нет, не от того, что Хория истекала кровью на его груди. Девушка, как и во сне, сидела рядом, и ласкала себя левой рукой. Но в правой её руке был член могильщика.

— Доброе утро, — сказала Хория, растягивая губы в улыбке.

Шрамы на правой щеке не давали ей улыбнуться широко, и выходила скорее кривая ухмылка. Но ничего зловещего в этой ухмылке не было.

— Доброе, — разлепил губы Велион. — Добрее не бывает.

Хория хихикнула и оседлала его. Её движения были размеренными и точными, они помогали забыть даже о ноющих ранах. Могильщик расслабился и прикрыл глаза. «Грёбанные сны, — думал он, — чёртов туман и чёртов карлик, наверное, заставили меня тронуться...».

Потом он подумал о Хории. О том, что он для неё выглядит так же странновато, как и она для него. Не уродливо, нет, непривычно. В конце концов, их отличают друг от друга только шрамы.

Велион провёл пальцами по узору на щеке Хории, но та уткнулась в его ладонь носом и тихо застонала.

Они люди, просто люди. Пусть он проклял себя, надев украденные из сундука Халки

перчатки. Пусть девчонка выросла на окраине могильника, а ублюдочный маг пытал её в своё удовольствие. Они остались людьми.

Как это часто бывало, могильщика встретили камнями и проклятьями. Как обычно его опасались и недолюбливали, вполне вероятно, что кто-то из местных до сих пор хочет его убить. Так было всегда. Во внешнем мире про могильщиков часто сочиняли байки и страшилки, говорили, что они ловят детей и насильно надевают на них перчатки, тем самым насылая проклятье на ни в чём не повинных людей. Шептались о том, что они ходят по погостам и выкапывают трупы, чтобы насиловать — мол, костей в мёртвых городах им не хватает. Утверждали, будто могильщики на зиму впадают в спячку на могильниках, а их высвободившиеся духи бродят по деревням, пугая добрых людей. Много чего говорили, много о чём врал.

Здесь про могильщиков никто не слышал. Местные просто испугались странно выглядящего чужака. Им заморочили голову, чтобы они оставались в добровольном заточении на протяжении поколений.

И всё же особой разницы в отношении к Велиону не чувствовалось. Он по-прежнему был изгоем среди людей. Если его можно использовать, его используют. Как только он перестанет приносить пользу, его не захотят видеть здесь. Хории он показался интересным, и она захотела с ним переспать, но завтра на его мете будет другой. Такова человеческая натура.

Но пока Велион нужен им. Пока жив Друг. Пока Хасл не изменил это мертворождённое общество или не угробил его окончательно.

Могильщик положил руку на бедро любовницы, останавливая её. Хория всё поняла и слезла с него, встала на четвереньки и изогнулась, как кошка. Велион вошёл в неё сзади, девушка тихо застонала.

Они всего лишь люди. Минутами покоя и обычной жизни нужно пользоваться по полной. Они так коротки...

***

Сквозь сон Хасл ощущал, как кто-то безбожно его трясёт. Молодой охотник с трудом разлепил глаза, почувствовал, как комок тошноты поднимается к глотке, вспышка боли пронзила его висок, и только после этого он понял, что уже не спит.

В кулаке был зажат кусок твёрдой, как подмётка, колбасы. К лицу что-то прилипло. Нет, это лицо прилипло к полу, а рядом валяется кружка — Хасл пролил её перед тем, как окончательно отрубиться. С помощью Микке (вот кто тряс его за плечо) он сел, прислонившись спиной к полупустому бочонку с элем. Вчера Хасл выломал крышку, так как не мог найти, где она закупоривается, и черпал эль прямо кружкой.

А где Хоркле? Хозяин таверны заснул ещё раньше него...

— Я еле тебя нашёл, — прошептал Микке. Только сейчас Хасл обратил внимание, что у друга заплаканное лицо. — Мы не знаем, что делать...

— Помоги встать, — разлепил губы Хасл и тут же пожалел об этом — во рту взорвался такой букет омерзительных вкусов, что содержимое желудка вновь едва не попросилось наружу. — Что случилось?

— Наш урожай... наш скот... Мы умрём, Хасл! Мы все передохнем!..

***

Велион угрюмо оглядывал залитое коричневой грязью поле. До стен Бергатта здесь рукой подать — буквально нужно прогresti через жижу, пересечь полоску разрушенных домов, и можно заходить в могильник. Но городская стена в этом месте почти не пострадала, вероятно, придётся искать какую-нибудь выбоину...

— Что мы будем делать... — шептал Хасл себе под нос. — Боги, что мы будем делать?

Могильщик наконец отвлёкся от своих мыслей о могильнике и внимательней оглядел грязевое поле. Он вообще не совсем понимал, зачем Хасл притащил его сюда. Свалка и свалка, правильно, что перенесли её подальше от жилых домов — вонь от неё просто ужасающая. Посреди жижи плавают сгнившие куски репы, брюквы и редьки, кое-где видны кости и ошмётки коровьих и козлиных шкур. Где-то кучи мусора немного поднимаются над болотом гнили, видимо, туда сваливали отходы чаще всего. Сюда сваливали репу, сюда...

Могильщик натянул перчатки. Остаточные эманации магии были так слабы, что без перчаток он ничего и не почуял. Но теперь отчётливо ощущал — впереди, прямо посреди болота, есть несколько источников магии. Вероятно, это не активированные амулеты — их заметить не так просто, как валяющиеся на открытом воздухе проклятья. Вглядевшись, Велион увидел несколько кусков одежды там, где почувствовал магию.

Скорее всего, это Сильгия. С такими ранами она не могла далеко уйти. Даже немного символично, что эта тварь нашла своё последнее пристанище здесь, посреди этой помойки. Но в любом случае нужно убедиться, точно ли это она.

Делать нечего. Могильщик зажал перчаткой нос и побрёл по гниющей жиже, благо её уровень едва поднимался выше щиколоток. Добравшись до места упокоения ведьмы, Велион выудил из грязи сгнившую сумку, практически непострадавший нож и несколько костей. Нож знакомый, а вот и шляпа, которая вчера была на голове у сумасшедшей магички.

Могильщик проверил амулеты. Все практически пустые — что-то высосало из них всю энергию. Но если её найдёт ребёнок, которому придёт в голову залезть на эту помойку, он может лишиться пары пальцев. Велион раздавил амулеты, сунул их обратно и забросил сумку от греха подальше.

Скорее всего, энергия из амулетов и послужила причиной такого быстрого разложения трупа. Магия у Сильгии была одной из самой неприятных, основывающихся на манипуляциях с человеческой плотью. Велион ещё пошарил в грязи, нашёл второй нож (хороший нож, только нужно будет почистить сразу по возвращению в город) и повернул к охотникам. Если Хасл выглядел просто расстроенным, то Микке откровенно рыдал, стоя на коленях в грязи.

— Да что, чёрт возьми, произошло? — буркнул могильщик. — Сильгия сдохла посреди помойки, одной проблемой меньше. Бойтесь, что Урмеру за неё отомстит? Он всё равно убьёт вас обоих, и смерть лёгкой не будет.

Хасл зло уставился на Велиона. Только сейчас могильщик обратил внимание, как у того трясутся губы. А в руке охотник сжимал гнилой кусок репы, сжимал так крепко, что почти превратил его в кашу.

— Возможно, у нас одной проблемой меньше, — медленно произнёс Хасл. — Но это была меньшая наша проблема по сравнению с этой. — Он ткнул в сторону болота. — Мы не переживём ближайшие два Йоля.

— Всё погибло... — сквозь рыдания произнёс Микке.

Велион обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на помойку. Неужели эти несчастные ещё и с неё питаются?

И тут до него начало доходить. Дело с огородом и вообще обработкой земли могильщик имел один единственный раз, и ему не хотелось вспоминать о тех нескольких месяцах — слишком грустные были воспоминания. Но теперь Велион обратил внимание на слишком ровные ряды мусора. И кому придёт в башку сортировать отходы, в одну кучу сваливая несъеденную репу, а в другую — брюкву?

— Боги, — прошептал Велион.

Хасл ткнул указательным пальцем туда, где упокоилась Сильгия. Его рука тряслась, а лицо перекошилось от ярости.

— Эта сука уничтожила наш огород. Коровы и козы тоже пали, и их мясо стухло за ночь. Мы умрёт с голоду.

Что-то блеснуло по другую сторону болота. Знакомый щелчок и свист. Велион прыгнул к охотнику, сбивая того с ног. Он не успел, конечно же, но инстинкты оставались инстинктами. К счастью, арбалетный болт дрожал ровно между двумя охотниками.

— Вы не переживёте этот грёбанный день! — прорычал кто-то совсем рядом. — Чёртовы предатели! А ну не шевелитесь!

Их было трое, и одного из них могильщик узнал — этот был тот парень, что хотел броситься на него вчерашней ночью в таверне. Шрамы двух других отличались от всех виденных Велионом ранее. Что хуже всего, они держали в руках мечи, а где-то в руинах напротив прятался арбалетчик.

Велион стоял на коленях, уперев кулаки в грязь. Хасл успел подняться, но у него ничего кроме ножа. Второй охотник и вовсе развесил рот, размазывая слёзы и сопли по лицу.

— Хасл, стой на месте, — прошипел могильщик.

Но мечники не спешили нападать.

— Микке! — прорычал один из незнакомых, тот, что постарше. — Неужели чужак и оборотень заморочили тебе голову? Финн нам всё рассказал! Ты же хороший парень, Друг всегда любил тебя, и ты всегда был ему верным учеником! Вернись к Другу, и он простит тебя! И всех других! Он только накажет чужака и оборотня! Мы заживём как прежде!

— Пошёл на хрен, Кралт! — рыкнул Хасл, стискивая кулаки. — Ты не видел, что Друг сделал, когда искал меня! И сколько людей убила его подручная! Посмотри, что они сделали с нашим полем! Некпре, ты же не такой, как они все! Ты сам видел, что случилось с чужаком, которого мы нашли! Они убийцы, и никого из нас Друг не простит!

Кажется, они даже не заметили, что мимо пролетел ещё один арбалетный болт. Дерьмовые же вояки из этих задохликов. Велион уже нашарил выпавший нож и сжимал рукоять в кулаке. Иногда даже дождь и грязь бывают полезными.

— Я хуторянин, — сухо обрезал молодой парень. — А у нас с Другом всегда были особые отношения. Думаешь, я предаю свою семью и Друга ради тебя? Ради каких-то горожан-грязеедов? Ты идиот?

Щёлкнул третий болт. Кажется, Микке его заметил и забеспокоился.

Велион вскочил с ног и бросился к знакомому. Он держал меч обеими руками, отведя его в сторону, и даже не успел выставить перед собой. Могильщик врезался в противника, воткнул нож ему в глазницу и с хрустом провернул. Убитый опрокинулся, увлекая за собой нож, и Велион выпустил рукоять, схватившись уже за свой клинок.

Хасл не растерялся, он бросился к Кралту. Нож, который ему вчера дал могильщик, он не забыл. Охотник сам едва не напоролся животом на неуклюже выставленный меч. Хуторянин хохотнул и шагнул вперёд, делая косой замах. Заметив это и поняв, что на

среднем расстоянии ему не потягаться с более длинным клинком, Хасл отступил к полю.

Велион же уже почти добрался до Некпре.

Но атаки не случилось. Молодой хуторянин вскрикнул от страха, бросил меч и выхватил из кармана что-то круглое и раздавил.

Клубы чёрного зловонного дыма окутали каждого из стоящих на краю мёртвого поля. Дыма невероятно густого, маслянистого, выворачивающего лёгкие наизнанку.

Велион успел зажать нос рукой. Почти не помогло. Магические эманации были рассеяны по всей толще дымовой завесы, и защититься от заклинания возможности нет. Нужно либо выбираться отсюда, либо возвращаться за охотниками — могильщик слышал их беспомощный кашель. Возможно, хуторяне приготовили ловушку...

Нет. Велион слышал, как хуторяне убегают. А кашель за его спиной почти затих. Выругавшись про себя, могильщик пробрёл в слепую туда, где должен сейчас находиться Хасл.

К счастью, парня долго искать не пришлось, их разделяло всего полдюжины шагов. Хасл едва дышал, из его рта свисали длинные густые слюни. Глаза уже закатывались, он старался вздохнуть, но тяжёлый дым будто запечатал ему рот. Велион перекинул охотника через плечо. Теперь Микке. Этот олух, кажется, так и не встал с колен.

Дыхания не хватало. Велион позволил себе один раз выдохнуть и вдохнуть, с трудом удержавшись, чтобы не раскашляться. Дым и не думал рассеиваться, хотя ветер, дующий от могильника, не останавливался ни на секунду. Он будто проходил сквозь завесу, могильщик чувствовал его дуновение на своём лице.

Болото, кажется, там...

Если он быстро не найдёт Микке, придётся бросить его, иначе Хасл умрёт. Парень совсем обмяк.

Велион сделал ещё один вдох, раскашлялся в перчатку. Быстрее, быстрее...

На Микке он наступил, не разглядев под ногами. Хватил за руку и, не особо жалея потерявшего сознание охотника, поволок в противоположную сторону от поля.

Это темнеет в глазах? Или дым сгустился?..

Велион буквально вывалился под серое затянутое тучами небо и, наконец, позволил себе тяжело раскашляться. Через пару секунд к нему присоединились охотники.

Разболелся бок, нос вообще жгло будто огнём. Но энергии в заклинании явно не достаточно, чтобы привести их на ту сторону Туманных гор. Урмеру не хотел, чтобы его посланники погибли вместе с ними.

Как и ожидалось, хуторян и след простыл. Но это, возможно, ещё хуже. Они явно выступили против Хасла, и теперь кроме Друга им нужно будет вырезать ещё сколько-то людей.

А парень ведь не хотел никого убивать... Но так всегда бывает, когда личное дело начинает влиять на чужие судьбы.

Пошёл дождь, почти сразу переросший в ливень. Дымовая завеса — чёрный столб диаметром в две сотни футов и вдвое меньшей высотой — начала просаживаться. Но в то же время попёрла вширь, достаточно быстро, чтобы задыхающиеся через полминуты вновь оказались среди чёрных клубов «душителя».

Могильщик кашлянул, выругался и с трудом поднялся на ноги. Охотники всё ещё без сознания, нужно оттащить их подальше.

***

— Могильщики. Они называют себя могильщики.

Обновленная метка Друга болела, но Хасл был так одурманен благовониями, что почти не чувствовал этого. Смутно он помнил о том, что больно будет завтра и послезавтра... ещё долго... Но пока его куда больше занимали галлюцинации, вызванные маслянистым дымом, заполнившим собой всё помещение гостевого дома.

Это отец. У него странный вид, будто он напуган. Сегодня он уйдёт с Другом... наверное, в Башне всё увешано жаровнями, и там каждый день курятся эти волшебные травы.

— Они приходят сюда, очень редко, но приходят. Они чужаки, Хасл, но иногда лучше быть с чужаками. Они могут ходить по Бергатту ничуть не хуже Друга. Отец Викле нанимал их, чтобы они находили оружие в Бергатте, а потом убивал. Не знаю, как, с тем могильщиком, которого я видел, не справился бы ни один из знакомых мне людей. Наверное, ему помогал Урмеру. Слушай меня, сын. Слушай и запоминай. Когда придёт твоё время, когда ты поймёшь, в каком аду мы живём... ты должен спрятаться у стен Шранкта. Рано или поздно придёт могильщик. Они жадные, им нужны деньги. Обещай им всё что угодно. Ты должен выжить сын. Я не справился с Урмеру в своё время. Но ты обязан убить этого ублюдка... Иначе никто из людей не выживет. Мы живы только благодаря его прихоти, и когда он сменит милость на гнев, все мы умрём.

— Да, отец. Мы все умрём...

Отец схватил его за голову и потрянул так, что Хасл прикусил язык.

— Слушай, слушай, сынок. И постарайся не забыть это разговор. Ты всегда должен помнить, что я старался спасти всех. И помни, что про свой Дар ты не должен рассказывать никому. Особенно ему. Прощай, сынок.

Лицо отца растворилось. Хасл кивнул, отвечая пустоте.

Боги, как же болит метка... Почему благовония перестали действовать?..

***

Люди собрались на площади. Дети не понимали, что происходит, а их матери уже похоронили себя. Их причитания и вой были не такими яростным, как утром, когда они узнали о падеже скота и сгнившем урожае, но не останавливался ни на минуту. Из каменщиков в городе остался только глупый и наивный Нерек. Он-то и рассказал, как остальные ещё ночью ушли на хутор. Кроме Нерека из мужчин в городе остались только четверо рыбаков, Хасл, Микке, Хоркле и последний оставшийся в живых лесоруб, Манак. Семь бойцов (Хоркле никто даже и не считал) против восьми на хуторе. И боя не избежать. Ещё с хуторянами оставался Друг.

А с горожанами могильщик, конечно.

Хасл угрюмо взглянул на чёрную фигуру чужака. Тот был абсолютно спокоен. Кажется, его совершенно не волновали их проблемы. Но в этом случае он мог бы спокойно сходить в Бергатт за добычей и смотать удочки, пока среди людей неразбериха. Вместо этого он вытащил почти мёртвых охотников из дыма и, кажется, никуда не собирался уходить.

Кроме того, Велион растолкал едва отошедшего от отравления (и воспоминаний) Хасла и буквально выволок на улицу.

— Ты теперь в ответе за них, — сказал могильщик. — Если ты сейчас не сможешь взять власть в свои руки, вы трупы. Мы с тобой — в первую очередь.

Он был прав. Но... что мог Хасл?

Охотник оглядел стоящих под ливнем людей. На их лицах нет ничего кроме страха и отчаянья. Даже мужчины выглядели потерянными.

Друг покинул их. Микке, пришедший в себя сильно раньше Хасла, потрудился донести эту полуправдивую весть до каждого. Несколько человек погибли. Три дома сгорели. Скот пал. Урожай сгнил.

У них нет ни одного шанса...

Хасл до хруста стиснул зубы. Нет, минимум один есть.

— Слушайте меня, люди! — громко сказал он, привлекая внимание всех, кто мог и готов был слушать. — Слушайте меня! Настали плохие времена для нас. Не буду скрывать, один из виновников этого — я сам. Но сейчас... сейчас только я могу спасти вас.

Словно сами боги пробудили мне Дар, когда Друг сошёл с ума и предал нас ради хуторян. Нас, тех, кого он по собственным словам защищал всю жизнь. Он предал собственные правила, перестал быть для нас Другом. Словно сами боги послали к нам чужака, могильщика, который решился помогать нам. Чужака, который убил зверя, насланного на нас тем, кого мы считали своим защитником.

Мой отец когда-то пытался убить Урмеру. К своему сожалению я вспомнил это слишком поздно. Многие из вас помнят его. Помнят, как он уходил вместе с Урмеру, как плакал и молил о пощаде. Я впервые не виню его за это. Мой отец знал, что ожидает его в Башне, и его судьба куда тяжелее, чем даже наша. Но многие из вас помнят и другое о Варле. Все говорили, что лучшего охотника и лучшего человека не сыскать среди горожан. Он ненавидел хуторян и Друга всей своей душой. И впервые я понимаю, насколько он был прав.

Они называют нас грязедами. Плюют на нас со своих стен. Презрительно бросают подачки — хлебные крохи, подкидывают работу, когда сами не хотят марать руки. Этому придёт конец. Другу и хуторянам. Раз тот, кто называл себя Учителем, решить убить всех нас, у нас нет другого выхода, кроме как защищаться.

Сегодня я схожу к пастухам. Вместе мы убьём каждого хуторянина. Каждого, кто не откажется от Викле и Друга, каждого кто откажется присоединиться к нам и жить в городе. Каждого горожанина, кто примкнул к этим предателям. Каждого, кто бросил свои семьи ради краюхи хлеба!

— Ты лжёшь! — крикнула одна из женщин. — Наши мужья не бросали нас! Они ушли, чтобы бороться только против тебя и чужака! Друг был с нами всегда! А ты предатель! И сын предателя!

— Это ты лжёшь! — рывкнул Хасл, брызжа слюной. — Или ты думаешь, что для тебя найдётся еда после следующего Йоля? Наш урожай погиб! Все мы умрём от голода! Еда осталась только на хуторе, и нам не остаётся ничего другого, кроме как забрать её у предателей. Если этого не понял твой муж, что же взять с тебя?

— Даже если твой муж тебя не бросал, — с ухмылкой просипел Велион севшим от кашля голосом, — что-то он не торопится забирать тебя к себе. Хуторяне используют его, чтобы убить меня и Хасла, как ты и говоришь, это полная правда. А потом выбросят за стены, и вы сдохнете с голода, как и все остальные. Или ты думаешь, что они по доброте душевной пустят всех голодающих к себе и накормят?

— Чужак прав, — кивнул Хасл. — Только вам сейчас решать жить или умереть. Или хотя бы умереть не на коленях, вымаливая еду у Викле.

— На хрен хуторян! — рыкнул один из рыбаков.

— Кому они сдались, эти ублюдки! — взвизгнула одна из женщин, толкая жену

каменщика. — Всегда жрали хлеб, а нам ни крошки не давали!

— Всех убьём!

— Эти свиньи даже не настоящие люди.

Хасл не мог слышать этого, хотя прекрасно понимал, на что шёл. Увидев кривую ухмылку могильщика, охотник развернулся на пятках и заторопился к своему дому. На душе было гадко. Микке плёлся следом, что-то говорил про Миреку, но Хасл отмахнулся от него.

Миреку он спасёт. Всё это затевалось ради неё. Вынудит отказаться от отца и жить с ним в городе.

Иначе ему самому не нужна ни смерть Друга, ни спасение людей.

Метка на груди Хасла болела. Охотник прикоснулся к ней, и почувствовал что-то странное. Сунув руку за пазуху, он понял, что кожа с клейма начала отслаиваться. Он терял последнюю связь с Урмеру.

Началась новая, странная жизнь. Если они победят, Друг не придёт на Йоль. Никто не уведёт Хоркле с собой, и, кто знает, сколько лет скаредный хозяин таверны проживёт с ними. И так будет с каждым.

Возможно, к ним будет приходить больше чужаков. Когда-нибудь, если Хасл сам этого захочет, он уйдёт отсюда, но не в Башню Друга, а куда-то туда, где огромные реки и тысячи человек.

— Для того чтобы заслужить свободу, раб должен взбунтоваться, — проскрежетал Велион. Оказывается, он шёл рядом.

— Ты будто мысли мои читаешь, — буркнул Хасл. — Правда, я не знаю, кто это — раб.

— Ты был рабом, и каждый из вас. Твои мысли мне читать не нужно. Когда-то я сам так сделал. — Могильщик сжал кулак, и кожа перчаток тихо скрипнула. — Взбунтовался против судьбы, которую выбрали для меня другие люди. Ценой свободы было проклятье. Считаю, я стал рабом этих перчаток. Но это рабство я выбрал сам.

— Я готов заплатить эту цену, — твёрдо сказал охотник. — Готов стать рабом этих людей, лишь бы избавиться от Урмеру.

Часть четвёртая. Цена свободы. Глава тринадцатая.

Тайны изгоев (1/3)

Пастухи всегда сторонились остальных, приходя в город лишь на Йоль, как хуторяне. Но если хуторяне жили оседло, заграбастав себе пшеничное поле, то пастухи скитались по берегу озера, иногда забираясь в леса. Они почти никогда не приближались к Бергатту, но раз или два в год их можно было заметить около города. Впрочем, обычно кочевники проходили мимо, лишь выменивая шкуры, шерсть и мясо на одежду, овощи и прочую снедь. Никто не знал, сколько их точно, поговаривали, что около тридцати человек. Никто не хотел иметь с ними дело дольше, чем того требовалось.

К пастухам уходили те, кому не было места в городе или на хуторе. Кто-то сбегал от семей. Кто-то решал провести с пастухами свои последние дни перед уходом к Другу. И изгой принимали каждого. Но не каждый уживался с ними. Куда девались те, кто не смог жить в новой среде, все догадывались, хотя это и не обсуждали. Жизнь кочевников была даже более суровой, чем у горожан, и вряд ли кто-то стал бы таскать за собой балласт.

Кажется, сейчас главой пастухов был Крамни, старший брат покойного Керага. Он ушёл из города пять лет назад. Говорили, что влюбился в пастушку. Но Хасл знал правду. Крамни изгнал отец охотника, за какие-то грехи, о которых тогда ещё сопляку сыну Варл ничего не сказал.

Искать пастухов можно было долго — они могли пасти свои стада где угодно. Но к счастью три дня назад их видели рыбаки — кочевники выменяли у них улов на вяленую козлятину и шерсть и двинулись к дальнему концу озера. Конечно, точного их местоположения сказать никто не мог, но хоть какой-то ориентир у Хасла появился.

Могильщик сочно хрустел яблоком (он набил ими полные карманы, когда путники проходили сад, в котором Велиона два дня назад прихватили рыбаки), Хасл, занятый своими мрачными думами, вышагивал следом. А в десяти шагах позади плёлся Эзмел. Старик наотрез отказался разговаривать, сославшись на боль, но пообещал, что всю известную ему информацию выложит, когда они найдут пастухов. Выглядел рыбак, откровенно говоря, плохо — его колотила жестокая лихорадка, видимо, сказала рана на щеке, а он ещё и продолжал мокнуть под дождём. Но Хаслу на состояние засранца было по большей части плевать. К тому же, им нужен был проводник.

Троица посланников (или переговорщиков) достигла берега озера уже после обеда. Редкий лесок резко оборвался, открывая широкий пляж, усыпанный серо-чёрным песком. По берегу ещё стелился туман — в озере било множество горячих источников.

Когда под сапогами охотника захрустел песок, Хасл остановился.

— Дождёмся старика, — буркнул он могильщику.

Велион пожал плечами, забросил огрызок в воду и достал из кармана ещё одно яблоко.

— Кислое, — сказал он, откусив, но продолжил есть. — Старику лучше отлежаться пару дней, не то до Йоля он не доживёт.

— Если мы не найдём пастухов, то до Йоля вообще мало кто доживёт.

— Да ладно, — фыркнул могильщик, — до следующего всё будет в порядке. А вот зимой вам придётся сложить зубы на полку. До первого снега вы ещё дотянете, а вот дальше...

К ним подошёл рыбак. Оглядевшись в поисках чего-то сухого, но, естественно, ничего не найдя, он плюхнулся прямо на мокрый песок и сжался в комок.

— Мне нужно отдохнуть, — проямлил он сквозь повязку. — Потом я покажу, где мы встречали пастухов в последний раз.

— Только быстрее, — сухо сказал могильщик, — я не хочу заболеть.

— Что такое снег? — спросил Хасл, устраиваясь рядом с рыбаком.

— Что такое снег? — переспросил Велион.

— Ага. Что это такое?

— Это такая белая хрень, которая падает с неба каждый год. Замёрзший дождь. Упадёт и лежит себе до марта.

— Чушь какая, — проворчал Эзмел, его зубы выбивали барабанную дробь. — Замёрзший дождь не может лежать. Вода всегда утекает под землю.

— Вода прозрачная, — кивнул Хасл. — Белым бывает молоко. Но я не слышал, чтобы холодное молоко падало с неба.

Могильщик ошарашенно уставился на них, забыв даже о не дожёванном яблоке.

— Вы что, чудики, снега никогда не видели?

— Проклятье, я вообще не понимаю, о чём ты мне талдычишь, — зло сказал рыбак. — Вы там, в Мёртвом мире, наверное, все тронутые. Холодное молоко у него с неба падает.

Велион задрал голову, вглядываясь в тучи. Капал обычный дождь, не слишком тёплый, но ещё и не очень холодный. Да и к чему бы зимой всё кругом засыпало снегом, а эту долину — нет? Но потом могильщик вспомнил о магическом тумане, окутывающим вершину Полой Горы. Серый Зверь, как они его здесь называли. Туман был тёплый — Велион почти не ощутил ночного похолодания, пока торчал там. Выходит, зимой здесь куда теплее, чем в окрестностях.

— И какая же у вас зима? — спросил могильщик.

— Зимой идёт холодный дождь, — ответил Хасл. — Если в первый раз пришла зима, значит, она будет чередоваться только с осенью, очень долго, целый Йоль. Потом будет либо осень, либо весна...

— Понял, — буркнул могильщик. — Когда мы будем убивать Урмеру, поцелуй его в жопу перед тем как он умрёт — за то, что снега ни разу в жизни не видел. Вставай, старик, нам нужно торопиться.

Путники свернули направо, огибая озеро. Через четверть мили наткнулись на сложенные под навесом рыболовные снасти. Несмотря на плохое самочувствие, Эзмел остановился, чтобы их проверить — не натекла ли вода.

— Здесь мы видели пастухов три дня назад, — сказал он. — Мы не спрашивали, куда они собрались, но лугов, где можно пасти скот, в той стороне немного. По крайней мере, близко.

— Там целая прорва места для выпаса, — покачал головой Хасл. — Мы частенько охотились в этих местах. Будем надеяться, что пастухи не ушли далеко.

Песчаный пляж растянулся на несколько миль, лишь изредка перемежаясь наносами скудной земли, едва поросшей жидкой травой. В таких местах под водой росло много водорослей, здесь были самые рыбные места.

— Наверное, рыбу завезли, когда Бергатт ещё не погиб, — бубнил Велион себе под нос. — Завезли и водоросли, чтобы рыбе было что жрать. И хищную рыбу тоже подвезли, чтобы травоядная не сожрала все водоросли. Возможно, каких-нибудь насекомых...

Хасл не обращал на бормотание чужака особого внимания. Сегодня в поведении могильщика появились странности. Пока они шли по дороге жизни, он несколько раз останавливался и с тоской глядел на развалины. Один раз даже подошёл к выбоине в стене и что-то долго через неё выглядывал, но в ответ на вопрос заметил ли он что-нибудь, только отмахнулся. А утром будто бы готов был броситься к стенам Бергатта, и только нападение остановило его. Велион говорил, что проклят. Быть может, дело в этом? Может, он жить не может без того, чтобы бродить по мёртвым городам?

— Здесь, — указал Эзмел на очередной язык растительности. — Теперь нам нужно уйти с берега. В полумиле будет роща и луга, где мы часто находили следы стоянки и засохшее дерьмо.

И в этот раз они нашли там следы стоянки и засохшее дерьмо. Кострища выглядели свежими, да и дерьмо не успело засохнуть, но ни одного пастуха не было видно. Могильщик обошёл стояку, прошёл чуть дальше, оглядывая потоптанную траву, и уверенно указал направление, по которому ушли кочевники.

Время шло к вечеру. Дождь ослаб, иногда и вовсе прекращаясь, но каждый раз начинал моросить заново. Хасл заметил несколько зайцев и одну лисицу. Его рука каждый раз металась к луку, но охотник останавливал себя, вспоминая — он не на охоте. Хотя могильщик как-то раз проворчал, что не отказался бы от свежей зайчатины, особенно если им придётся останавливаться на ночёвку посреди леса.

Но к счастью спустя час или полтора путники почуяли запах дыма и вскоре вышли на широкую поляну, посреди которой остановились пастухи. Вокруг пяти топящихся в чёрную шатров из шкур паслось десятка три коров. Отара овец была где-то неподалёку, о чём извещало бляенье и брехливый лай пастушьих собак.

Из-за погоды пастухи попрятались по своим жилищам. Но когда переговорщики уже почти приблизились к стоянке, из ближайшего шатра выскочила мелкая шавка и залилась звонким лаем. За шавкой из-за полога появилась детская мордашка, тут же исчезла, а уже через пару секунд шкура буквально отлетела в сторону, и на улицу выбрался угрюмый пацан лет двенадцати с несоразмерно большим для него луком. Наложённая стрела смотрела прямо в грудь идущему первым Хаслу.

— Что нужно? — буркнул парень, оглядывая приближающуюся троицу. Когда его взгляд остановился на могильщике, лицо лучника побелело, а рот открылся на всю ширину. Прицел сразу же сместился на чужака.

— Если ты в меня выстрелишь, сидеть не сможешь месяц, — сухо проговорил Велион. — У меня тяжёлая бляшка на ремне, парень, и её отпечатки будут светиться на твоей заднице до самой свадьбы.

— Нам нужен Крамни, — сказал Хасл. — У нас к нему очень важное дело.

— Он у себя в шатре, — ответил мальчишка, но лука не опустил.

— Позови его.

— Крамни вас прекрасно слышит, — раздался приглушённый голос.

Полок центрального шатра распахнулся, и на улице появился высокий голый по пояс мужчина. Его короткие скатанные и грязные волосы мало отличались на вид от овечьей шерсти, а шрамов на коже было больше, чем у любого знакомого Хаслу человека. Крамни уже перевалило за тридцать, жизнь жестоко побила его, но всё же схожесть со смешливым братом ощущалась. Охотник только сейчас вспомнил, что брат Керага был самым здоровым из виденных им людей. Пастух едва уступал ростом могильщику, а в плечах, возможно, даже

превосходил чужака.

Крамни оглядел пришельцев тяжёлым мрачным взглядом. Его лицо не изменилось, даже когда он рассмотрел могильщика.

— Я, на хрен, так и не поверил бы в бредни Варла, если бы не увидел сейчас его. — Пастух ткнул в Велиона. — Это могильщик? А ты, наверное, сын Варла, Хасл. Твой отец говорил, что когда-нибудь ты заявишься сюда. Вот только не думал я, что в компании этого ублюдка. — Теперь пастух зло смотрел на Эзмела. — Ну, падла, припёрло-таки? Поди на следующий Йоль твоя очередь идти к Другу?

— Жизнь иногда выкидывает разные фокусы, — сказал рыбак.

Старика трясло всё сильнее и сильнее. Могильщик продолжал сверлить взглядом парнишку с луком, и тот, кажется, совсем стушевался — отчётливо подрагивающий наконечник стрелы смотрел уже куда-то в ноги чужаку. Охотник же не знал, что делать. Ему хотелось сбежать и не видеть ни этих шатров, ни шавки, которая скакала рядом, уже почти цепляя зубами правый хаслов сапог. Ни тем более жутковатого пастуха, которому Хасл обязан рассказать о смерти брата. Но назад пути уже нет. Если охотник не возьмёт ответ за людей на себя, то ему лучше вообще не жить.

— Прежде чем пустить нас в шатёр... — начал было Хасл, но Крамни громким презрительным возгласом прервал его.

— Ты думаешь, я вас впущу?

— Прежде чем пустить нас в шатёр, — твёрдо повторил охотник, выдерживая тяжёлый взгляд пастуха, — я должен рассказать тебе очень плохую новость. Твой брат умер. Погиб от рук подручной Урмеру...

Теперь Хасла прервал полный боли и ярости вопль. Крамни опустил голову и, стиснув кулаки, начал раскачиваться на пятках. Это продолжалось довольно долго, но охотник, не говоря ни слова, терпеливо ждал, пока пастух хоть немного отойдёт от горя.

— Я ничего не знаю про подручную Урмеру, — процедил сквозь сжатые зубы Крамни. — Но знаю, что твой отец так называл Друга.

— Это уродливая старуха, Сильгия. Она убила твоего брата, чтобы добыть себе еды. Твоего брата, Жерева, Эрли и ещё много кого. Могильщик убил её.

Крамни поднял взгляд. Его глаза буквально горели от ярости.

— Что ж, тогда я впущу вас. Но если вы лжёте...

— Мы не лжём, — сказал Хасл. — Но прежде чем впустить нас, ты должен знать ещё одно. Мы здесь, чтобы вы помогли нам убить Викле и Урмеру.

На покрытые шрамами губы пастуха вылезла горькая усмешка.

— Что ж, тогда я просто обязан впустить вас. — Он повернулся спиной к пришельцам, заглянул за полог и громко, отчётливо проговаривая каждое слово, произнёс: — Дед, ты был прав, против Урмеру, наконец, подняли бунт... Кто? Да твой внук, кто же ещё.

***

Его всегда нервировали накладки. Он всегда следовал выбранной схеме, не отклоняясь от неё не на йоту. Пусть даже план приведёт к полному фиаско, каждый из его пунктов должен быть выполнен. Так будет проще проанализировать причины успеха или провала.

Но в этот раз продолжать действовать по старой схеме нельзя. Иначе всё, что он сделал за эти годы (десятилетия!), будет уничтожено.

Урмеру не стал говорить с Викле. Плевать на этого оборзевшего мелкого говнюка. Голова хутора возомнил себя властелином всех людей, и он поплатится за это. Когда сама выживаемость человечества стоит под вопросом, без жертв не обойтись. Викле и его домочадцы станут жертвенными агнцами, но город выживет.

Точные данные о количестве оставшихся припасов у мага отсутствовали. Но всем обитателям Бергатта не прокормиться — это неоспоримый факт. Разведчики, отправленные Урмеру утром, доложили: весь урожай уничтожен, весь скот пал. Викле обмолвился, будто у него запас еды на четыре Йоля. Но четыре Йоля для хуторян — это всего один Йоль, даже чуть меньше, для горожан. Куда девать вторую половину? К тому же сейчас сентябрь, как бы тепло не было в долине, урожай зимой не вырастет. Оставался один голодный Йоль, брать пищу во время которого будет просто не от куда.

Иногда бунтари вроде Хасла даже полезны. Бунт — это всегда кровь. Жертвы просто необходимы в данный момент. Чем больше народу умрёт, тем меньше ртов кормить. Простая арифметика.

Хасл — умный мальчик. Он пошёл к изгоям в поисках помощи. Хороший ход. Урмеру никогда не совался к пастухам, таково было условие, а он всегда выполнял свои пункты договора. Возможно, запасы есть у них...

Но этого мало, слишком мало для всех.

Устроить жертвоприношение? Кинуть жребий и убить тридцать или сорок человек?..

Нет. Эти глупцы никогда не пойдут на такую жертву. Он не сможет им объяснить, что иначе не выжить. Его авторитет и так пошатнулся за эти дни, а подобное предложение восстановит против него абсолютно всех.

Что ж, тогда придётся потуже затянуть собственный пояс.

Сильгия сделала ему услугу, пожертвовав собой ради смерти горожан. Теперь ему не нужно содержать её, а это много, очень много, сэкономленной еды. Если бы эта тупая сука выжила, Урмеру не смог бы её убить. Вновь пришлось бы лечить эту старую злобную тварь... Хотя бы ради того, чтобы она продолжила мучиться. Это стало бы хорошим наказанием за своеобразие.

Урмеру уже подошёл к Бергатту, к его центральным воротам, когда-то величественным, а сейчас... Сейчас это просто груда мусора. Весь город — одна большая груда мусора. Труп старого доброго Бергатта. Но ради памяти о прошлом величии этих улиц и их обитателей, маг никогда не позволял трупным червям, могильщикам, копошиться в его останках.

Проклятые воры! Мало того, эти ублюдки привели бы других могильщиков, уйди хоть один из них с добычей. Рано или поздно они уничтожили бы поселение, хутор... возможно, выгнали бы выживших жителей на окраины долины, где те влачили бы жалкое

существование, ещё худшее, чем даже у пастухов. Потом за могильщиками пришли бы поселенцы, беглые каторжники, разорившиеся крестьяне... человеческий скот, бегущий от своих господ... А за ними потянулись бы и господа, грёбанные солдаты, новые маги, все, все, все!

Могильщик должен сдохнуть. Иначе — крах. Крах исследований, крах всем его социальным экспериментам. Погибнет всё, чего он добивался. Сильгия уже втоптала в землю результаты десятков лет экспериментов в медицине, нельзя, чтобы были уничтожено остальное.

На Урмеру смотрели как на идиота, когда он, преодолевая боль, рассказывал о том, что многих пострадавших братьев и сестёр можно спасти, используя в качестве материала плоть и органы обычных людей. Он стоял напротив наспех сколоченного из переживших бойню старших магов триумvirата, несмотря на все усилия медиков с его лица сходила кожа вместе с мясом, рассказывал о своих планах, а они называли его безумцем. Сильгия валялась рядом на окровавленных носилках, она блевала кровью и желчью сквозь повязку на лице, а они говорили, будто лучше остановить её страдания. Шемех выл, держась за двух учеников, требуя мести, а они успокаивали его, предлагая остыть и обсудить произошедшее.

«У меня есть три сотни людей, которых считают погибшими, — говорил Урмеру. — Никто никогда не хватится их. Мы может использовать их в качестве подопытного материала...».

Но они говорили, что так не пойдёт. Слишком большие жертвы. Что будет, если про эксперимент узнают?

Тогда Урмеру решил уйти. Единственное, что он забрал — новый Знак. В качестве символа того, как маги были велики когда-то, и как низко они пали после бойни. Шемех и Сильгия последовали за ним. Никто за ними не гнался, никто не пытался вернуть. Их отвергли. А потом про них просто забыли.

Покой, вот чего всегда не хватало любому исследователю. Теперь его было с достатком. Пусть они перессорились с Шемехом. Пусть пришлось экспериментировать с численностью выживших бергаттцев. Пусть ураган тогда едва не разрушил все барьеры, которые Урмеру установил, чтобы туман не заполнил всю долину. Пусть Хасл и Варл при помощи той девки-медиума едва не связались с новым орденом. Пусть... Трудности возникают всегда. Две сотни — идеальное число, чтобы жители долины при имеющихся ресурсах, не имея никаких внешних связей, сыто жили себе в удовольствие. Барьеры всё же выстояли, хотя дед Викле, как там его звали, едва унёс ноги с фермы, и в результате пришлось пожертвовать лишь небольшим куском земли. А та мелкая сучка настолько верила ему, Другу, Учителю, Урмеру, что Хасл забил её до полусмерти, пытаясь вынудить подчиняться, и девчонка не нашла лучшего выхода, кроме как повесится. Но гнилой плод иногда даёт здоровые всходы, и молодой Хасл убил взбесившегося...

Нет, этот росток тоже сгнил на корню. Но даже он может пригодиться, и ещё как пригодится.

Урмеру коротко хихикнул и потёр руки. На эту секунду он отвлёкся от дороги и едва не угодил правой ногой в связку энергетических узлов, намертво вцепившуюся в горку медной посуды.

Чёртова остаточная магия! Ей нельзя управлять, она не связана ни формулой, ни формой, это всего лишь сгусток чистой энергии, да ещё и практически необузданной. Вся эта прорва энергии просто валяется, где ни попадя, напивается старые обереги и чары, с

которыми из-за бьющей через край мощи тоже невозможно работать. Пропать энергии, выпущенная впустую, и впустую же продолжающая просто быть, оставаться на месте, словно дожидаясь какого-то часа...

Так. Тут налево. Тут прямо, рядом с той стеной... потом направо... Как же тяжело стало вспоминать свободные пути! Годы идут...

Маг шагал по узкой улочке, продирался сквозь деревья, перелезал через груды битого камня. Кости хрустели под ногами. Странно, что они вообще сохранились — должны были давно истлеть в пыль. Возможно, тому виной те же остаточные магические эманации.

Вот здесь он когда-то, молодой и пьяный вдрызг, трахнул жену одного очень почитаемого лорда. Проблем потом было... но трахать ту богатенькую шлюшку он не переставал. На соседней улице был целый черёд кабаков, и в каждом из них молодой и глупый Урмеру снимал шлях и выпивал галлоны вина. Наверное, старался заглушить боль от потери той самой, первой и, в его случае единственной, любви.

Здесь же они тогда бежали из Башни. Десятка полтора колдунов. Он и ещё один стихийник... как же его звали... тащили носилки с истекающей кровью Сильгией. Глаза выедал едкий дым от пожаров, но даже если бы и не гарь, они с трудом различали бы дорогу — плотные слои тумана застилали улицу. Они бежали, запинаясь об умирающих, с которых лоскутами сходило мясо.

Но эти воспоминания уже практически истёрлись в его памяти. Слишком были тяжелы. То другая жизнь, жизнь Древних, новая началась в тот день, когда они с трудом пробрались через почти непострадавший, но заполненный трупами, Шранкт и вернулись к брошенным ими выжившим, не способным пройти через город, бродящим среди обломков старой жизни в поисках хоть какого-то пропитания... Это стадо несчастных, брошенных агнцев... Урмеру поклялся вести их до конца своих дней.

Так, тут прямо, до самого конца торгового ряда, а потом направо...

С лёгкой ностальгией Урмеру вспомнил, как Шемех гнал три десятка выживших по этой тропе, заливаясь диким хохотом, когда кто-то из них угождал в ловушку. Сколько всего людей погибло, чтобы проделать этот лабиринт безопасности? Семьдесят? Восемьдесят? Не важно. Тогда они с Шемехом ещё оставались друзьями, несмотря ни на что. Но их дружба жила свои последние дни. Если бы Урмеру не вступился за оставшихся после расчистки, Шемех убил бы всех, поэтому эти семьдесят или восемьдесят несчастных погибли ради будущих поколений.

Урмеру всегда специализировался на стихийной магии. После того как он добрался-таки до Башни, он попытался вырастить этот чёртов лес, надеясь, что деревья впитают магию, но у него не вышло. Вернее, лес-то вырос, и магию деревья впитали, но потом всю вернули, при этом как-то странно изменившись. Наверное, какой-нибудь повелитель растений растолковал бы причину провала... Да где ж его взять?

Это, наверное, первый провал в его начинаниях. Сильгия стала вторым. В медицине Урмеру тоже был профан, но на Сильгии многому научился. Очень многому...

Вот, наконец, площадь перед Башней. Голая, пустая, без следов магии. Эта площадь единственная защита, которую Урмеру сделал сам. Не считая Дружка, конечно, но Дружок... кхм... не то чтобы сделан им. Только сам маг, Сильгия и тот, кто был с ним, могли пройти здесь. Остальные сдохнут. Быстро, к сожалению — защитные заклинания тоже напитывались свободной энергией из руин. Но не всегда «быстро» значит «безболезненно».

Урмеру как можно скорее пересёк площадь, но в Башню пока заходить не стал, ему

нужно было на задний двор. Туда, где стоял скот, где рос его личный огород. Там, где доживали свои дни Познающие Истину.

Истина была одна-единственная и очень простая: жизнь — бесконечная череда мучений.

Они как раз обрабатывали огород. Все работают, хотя его давно нет. Дружок как обычно следит за дисциплиной. Иногда одному удавалось сбежать, и Дружок ловил его, если беглец уходил далеко, но такое случалось редко — обычно беглецы умирали на первой же кучке проклятий.

Нужно доработать защиту площади — глупое заклинание не работало в обратную сторону, пропускало назад любого, кто хоть раз оказывался по эту сторону барьера... Впрочем, какое-то время об этом можно будет не задумываться.

— Здравствуйте, — поприветствовал Урмеру Познающих Истину. Те замычали в ответ приветствия. — Очень плохие новости принёс я для вас. Вы все... все восемнадцать... Дружок, их же было восемнадцать?

«Два солнца... сбежал... догнал... съел...».

— Что ж, понятно. Кто-то решил воспользоваться моим уходом. Не вышло, как обычно. Я ведь предупреждал, но вы всё упорствуете... Хотя сейчас это не важно.

Очень плохие новости принёс я для вас. Моя дорогая подруга Сильгия мертва. Выходит, кормилицы мне больше не потребуются. — Урмеру щёлкнул пальцами, и три кормилицы повалились на землю, извиваясь и крича. Маг продолжил, перекрикивая их вопли: — Вторая очень плохая новость заключается в том, что перед смертью Сильгия уничтожила весь урожай. Вам придётся умереть ради своих детей и младших братьев и сестёр.

В этот раз пришлось поднапрячься, но заклинание сработало одновременно на каждом. Зрелище было в каком-то смысле даже прекрасное — так косарь с удовольствием наблюдает, как спелые колосья валяться на землю от одного его отточенного движения.

Урмеру бросил прощальный взгляд на агонизирующих умирающих (как и ожидалось, те, что постарше и послабее, умирали быстрее) и кивнул Дружку, который сидел на другом конце сада, не двигаясь, и внимательно смотрел на него своими умными карими глазами.

— Ты ещё мне годишься. Жрать пока будешь их трупы. Ты... да, наверное, ты... должен убить могильщика для меня. Но пока ещё рано. Пока мы должны посчитать всю оставшуюся у меня еду. Надо чтобы на два Йоля хватило мне самому и одной помощнице, которую я возьму. Остальное каким-то образом придётся перетащить в город. Но после того как Хасл и могильщик придут нас убить. Хасл...

Неожиданно Урмеру посетило воспоминание. Викле требовал, чтобы Друг запретил охотнику приближаться к его любимой дочери, Миреке. Кстати, ту мелкую сучку с даром медиума тоже звали Мирека... Что ж, решено. Если девка переживёт заварушку, она будет помогать ему всю грядущую зиму.

Но пока нужно плотно заняться припасами...

— Чёрт, — буркнул Урмеру. — Дружок, эти бездари задали корма животным? Не знаешь? Хрен с ними, пару дней протянут, потом найдём, как их вывести. Где-то, где-то у меня был склад... понимаешь, совсем забыл...

***

В шатре Крамни стояла удушающая влажная жара, здесь воняло дымом, баранами, кислым потом, мочой, съестным и кровью. Посреди шатра стоял превращённый в печь котёл — часть боковины выбили и поставили туда решётку, под которой сейчас горели дрова, а поверх решётки насыпали камней, сквозь которые свободно проходил дым. Рядом с котлом сутилась смутно знакомая Хаслу женщина, варила суп в котелке, поставленным на раскалённые камни. На её правой руке не доставало двух пальцев, большого и указательного. Она зло зыркнула на пришельцев из-под сидящей чёлки, но ничего не сказала, продолжив помешивать деревянной ложкой варево из кровяной колбасы и каких-то корешков.

Помимо котла в жилище пастуха были две постели одна побольше, другая поменьше, на шестах, держащих стены и крышу, болтались вяленые и копчёные колбасы, куски мяса, выпотрошенная рыба, бурдюки с киснувшим сыром, вонючие целебные травы, одежда, шкуры, три свежих кроличьих тушки, лук и стрелы, две сулицы, серп и ещё много-много чего. На полу, сплетённом из ивняка, лежали шкуры, стояли туески с грибами, мёдом, ягодами...

Но куда большее внимание, чем всё остальное, привлёк человек, сидящий на одной из этих шкур. Правая его рука, лишённая кисти, иссохшая и синюшная от шрамов, болталась на шейной повязке. В правом бедре не хватило куска мяса. Но не увечья интересовали Хасла. Он впервые в жизни видел старика. Обычного старика, а не сумасшедшего мага. Редкие и сальные седые волосы свисали сосульками, обрамляя худое, покрытое морщинами и обветренное до бордового цвета лицо. Старик смотрел на Хасла слезящимися глазами, один из которых закрывала катаракта, и улыбался.

Могильщика, кажется, этот обитатель шатра несколько не поразил. А вот Эзмел, который как-то сразу перестал выглядеть таким уж старым, смотрел во все глаза. По выражению его лица было сложно определить, что сейчас у рыбака на уме. Возможно, думал о годах, которые он ещё проживёт, если они убьют Друга.

— Я видел тебя лет десять назад, — громко проскрежетал старик. — Варл специально привёл тебя охотиться туда, куда я его попросил.

— Ты Хасл, — медленно, но достаточно громко сказал молодой охотник, — мой дед.

— Да, это я. Только сейчас меня зовут Сухорукий, — старый Хасл махнул култей. — Или Дед. Был второй Дед, да ушёл... вчера... он мог многое вам рассказать... — Старик опустил голову, будто вглядываясь куда-то туда, в собственные воспоминания. Тем не менее, он продолжил почти сразу: — Я надеялся, что ты придёшь, Хасл. Варл обещал мне это. Я надеялся... но не верил, боялся дожить до этого дня. Потому что понимаю — тебя могли привести сюда только очень плохие обстоятельства.

— Башку тебе оторвать, сучий потрох! — прорычала женщина, и тут Хасл узнал её. Это была вдова Ульме, Грала. Её изгнали из города после смерти мужа. — Вам всем, грёбаным горожанам. Ты, сучёнок, убил моего...

— Заткнись! — рыкнул Крамни. — Теперь я твой муж. Готовь жрать, а если ещё раз пикнешь, я тебе напому, кто я такой.

Грала шикнула на Хасла и отвернулась к котелку.

— Скажи ещё, что мне его кормить придётся, — буркнула она. — Его и этого чёрного упыря!

— Придётся. Они гости.

— Срать я хотела на таких...

— Ты меня в первый раз плохо расслышала?

Женщина ссутулилась, будто ожидая тумака, но Крамни просто уселся рядом со стариком.

— Твой внучек что-то говорил про уродливую старуху, которая убивала людей, — сказал пастух старику. — Если бы могильщик её не пришёл, посватался бы к ней, а старикан? Есть ещё сок в твоих чреслах?

— Если объявилась старуха, — едва слышно проговорил Сухорукий, — то дела совсем плохи. Прольётся большая кровь...

— Так и случилось, — кивнул молодой Хасл. — Но она мертва. Сейчас я расскажу всё.

Рассказ продолжался достаточно долгое время — охотник старался ничего не упустить. Только сейчас его посетила мысль: за последние три дня произошло столько всего страшного и необычного, сколько за последние годы не происходило. Впрочем, у них под боком жил... боги... шестидесятитрёхлетний старик, по окраинам Земли Живых бродили могильщики, в Башне Друга жила сумасшедшая старуха, а они ничего и не подозревали, как бараны слушая Урмеру и ту чушь, которую он вешал им на уши. И только сейчас у них начали раскрываться глаза. Пастухи же, кажется, знали о многом, но кто бы вообще подумал их спросить?

Грала раздала всем миски и ложки, наложила колбасы и корешков. Съев первый кусок колбасы, Хасл понял, что эти корни в вареве не только для нажористости, но и чтобы отбить колбасную вонь. Впрочем, едал охотник блюда и похуже.

Наконец, Хасл закончил свой рассказ. Как-то так получилось, что вместе с рассказом закончилась и миска с едой. Крамни уже достал бурдюк с брагой и плеснул выпивку прямо в тарелку, а сам припал к горлу.

— Жаль, Рожа ушёл, — буркнул пастух, — он бы чего-нибудь посоветовал.

— Рожа? — переспросил Хасл.

— Да. Ещё один старик. Был с нами всегда. Даже до прихода Деда он уже жил с пастухами. Но сегодня утром он сказал, что уходит. И ушёл. Просто так. Взял с собой еды... — Крамни тяжело вздохнул, разливая брагу по мискам. — Взял и просто ушёл. Вот просто так. Будто у него какие-то срочные дела появились, хотя никогда до этого их не было.

— Плевать на вашего Рожу, — сухо сказал могильщик, впервые за долгое время раскрывая рот. — Если его нет, значит, и помощи от него нет никакой. Вам нужно разобраться, что делать с Другом и хуторянами, пока оголодавшие горожане не набросились на ваши стада.

— Мы хорошо охраняем свои стада, — зло ответил Крамни. — И никому не дадим на них покуситься.

Велион отпил браги, посмаковал её во рту и ухмыльнулся.

— Придёт не пара воришек. Сотня голодающих. Озверевших и готовых на всё ради еды. Сколько мужчин у вас держат луки?

— Четверо мужчин и три подростка. Женщины тоже могут взять оружие...

— Думаешь, в городе нет оружия? Сгодится всё — вилы, косы... Вам нужно устранить две проблемы — Друга и Викле, и тогда у вас появится шанс выжить.

Крамни угрюмо посмотрел на могильщика.

— Такое ощущение, что вы не о помощи пришли просить, а угрожать.

— Нет, мы просим о помощи, — быстро проговорил Хасл. — К тому времени, когда оголодавшие горожане придут к вам, нас уже не будет в живых. Это тоже одна из причин, по которой мы пришли к вам.

— Это просто констатация факта, — сказал могильщик, но его никто не понял.

— Да и пусть все сдохнут, — вставила Грала сидящая у очага. — Крамни, скажи, разве ты бы не хотел, чтобы на Земле Живых остались только пастухи?

— Иногда хотел бы, — кивнул пастух.

— Хотел бы? — ошеломлённо переспросил Хасл. — Вы же оба из города!

Женщина взвилась на ноги. Она подскочила к охотнику, тыча ему в лицо трёхпалой ладонью.

— Из города? Да проклинала я твой город! Пока ты с другим ублюдками пил и радовался смерти моего мужа, который просто не хотел уходить от меня и детей, другие женщины выволокли меня из дома и избили до полусмерти! Я хотела хватить нож, чтобы отбиться, но мне растоптали ладонь! Тебя когда-нибудь топтали десять человек, ублюдок? Если бы мой муж не нашёл меня, я бы утопилась от стыда и горя!

— Твои дети...

— Отвернулись от меня! Побоялись наказания Друга! Друга и вас, ублюдков. Хоркле уговорил их сделать это!

— Сядь, — сказал ей Крамни необычайно мягко. — Сейчас разговор не о том, почему мы здесь. Разговор, помогать ли нам горожанам и чужакам. И ты помнишь, что у тебя остался только один Йоль среди нас? Мы не сможем тебя прятать, как Деда.

— Хуторяне тоже пусть сдохнуть, — буркнула Грала и ушла в другой конец шатра, где принялась перебирать шкуры.

— Ты обещал Варлу, что поможешь, — вставил Сухорукий.

— Обещал, — кивнул пастух, — но он не Варл.

— Варл сохранил тебе жизнь, — жёстче проговорил старик. — Немногие пошли бы на это после того, что ты сделал.

— Я изменился. Мне больше не нужны чужие жёны, и их мужей я убивать больше не собираюсь. Я доволен своей долей. А Варл оставил мне жизнь только потому, что я был ему нужен. Нужен тебе и ему, — Крамни кивнул в сторону молодого Хасла.

— Вспомни о своей мечте.

Пастух скривил покрытые шрамами губы. Он смотрел куда-то в пустоту и дважды приложился к бурдюку, прежде чем начал говорить:

— Мечта. Да, чужаки, у меня есть мечта. Посёлок, настоящий посёлок на берегу озера, а рядом с ним — луга, где пасутся стада. Не нужно никуда перекочёвывать, можно просто жить, лишь отправляя пару мужчин с собаками следить за стадами. Женщины готовят еду и собирают травы вместо того, чтобы тащить на себе тюки со шкурами. Доят коров в стойле, прямо как в городе, а не сутулятся, сидя на чурках посреди травы. Но мы не можем его построить. Чтобы выменять нужные инструменты нам, наверное, пришлось бы отдать все свои стада. Но кому мы тогда со своим посёлком будем нужны? Что мы будем есть? Были бы у нас деньги... но денег слишком мало.

Если мы захватим хутор... Хутор нам не нужен, там нет полей. Не пускать же коров пастись в брюхо Серому Зверю. Что нам даст убийство Викле? Ты хочешь выжить, это

понятно. Но мы живы и так.

Могильщик, усмехаясь, смотрел на Хасла. Да, история повторялась. Охотнику нужна помощь, а тот, кто эту помощь может оказать, ищет выгоду для себя. Но сейчас молодой лидер горожан уже был к этому готов.

— У Викле достаточно инструментов, — сказал Хасл. — Нам они не нужны. Нам нужна только еда. Когда мы возьмём хутор, мы его разграбим, и поделим добычу. Вы заберёте всё, что нужно вам, а мы возьмём еду. Возможно, кто-то из хуторян ещё и захочет присоединиться к вам. Может, даже некоторые горожане. Вы постройте свой посёлок, а мы будем жить в городе. Будем торговать, жить как добрые соседи.

— Добрые соседи... Инструменты... новые люди... что скажешь, старик?

— Скажу, что нужно соглашаться. Но я здесь интересующаяся морда... как говорил Рожа?

— Заинтересованное лицо, — подсказал могильщик.

— Мы все здесь заинтересованы в том, чтобы хутор пал, а Друг был убит, — добавил Хасл.

На этот раз Крамни думал недолго.

— Ладно, я согласен. Убьём Викле вместе, а с Другом ты разбирайся сам. — Пастух повернулся к жене. — Грала, приготовь этому хуторянскому прихвостню лечебного варева, иначе он сдохнет до того, как его господин сдохнет.

Хасл только сейчас обратил внимание на состояние Эзмела. Рыбак совершенно побелел и, кажется, едва держался, чтобы не упасть. Вместе с могильщиком они положили его на шкуры и укрыли.

Велион без спроса завладел ещё одним бурдюком вина и уселся напротив пастуха. Могильщик ухмылялся, разглядывая то Крамни, то Сухорукого.

— Слушаю вас, — сказал он задумчиво, — и начинаю понимать, кто тут кому должен, кто для кого сосед, а кто враг. Кого топтали, кто хотел чужую жену. И знаете, что? — Могильщик глотнул браги. — Думаю, давно пора было немного вас прорядить. Вырезать гниль.

— По ту сторону гор по-другому? — спросил старик.

Велион ухмыльнулся и сделал ещё один глоток.

— Нет. Так же. Поэтому иногда я рад, что стал могильщиком, и люди теперь не принимают меня за своего.

Эзмел метался в бреду. Его лицо заострилось и побледнело, и рыбак теперь больше напоминал шевелящийся труп. У постели старика сидела Грала, до этого пару раз вслух пожелавшая больному скорейшей смерти. Несмотря на это, она принялась ухаживать за рыбаком: поставила на печь небольшой котелок, в котором заварила травы, достала тряпки для компресса и сбегала за туеском полным воды. Мужчины перебрались в другой конец шатра, чтобы не мешать ей.

— Кто такой Рожа? — спросил Хасл.

— Хрен знает, — ответил Крамни. — Я же говорил — он был с нами всегда. Благодаря ему Друг не доставал нас, у них был какой-то договор. Мы сами по себе — Друг сам по себе. Мы могли бродить где угодно, только никогда не совались близко к Бергатту или Серому Зверю. Рожа всегда требовал, чтобы мы принимали изгоев...

— Если бы не Рожа, я бы давно умер, — перебил пастуха Сухорукий. — Он нашёл меня на окраине Бергатта, когда я сбежал от Урмеру, и приволок сюда. А ещё он научил меня прятаться.

Старик продемонстрировал своё умение. Он лёг на одну из шкур и завернулся в неё. Миг — и эту шкуру стало невозможно отличить от обычного тюка, в котором совершенно не угадывались человеческие формы. Через пару секунд тюк будто расползся и снова превратился в шкуру и старика.

— Я очень слабый маг, — проговорил старый Сухорукий. — Варл совершенно не унаследовал моих качеств, но ты, Хасл, должен быть хорошим магом.

— Иначе у нас нет ни шанса против Урмеру, — вставил могильщик.

— Рожа бродил среди нас, — продолжил старик, — иногда охотился, иногда рыбачил, иногда гонял стада. Всегда как будто мучился со скуки, но никогда не уходил. Всегда таскал с собой свою сумку, никогда с ней не расставался. А сегодня утром заявил, что ему пора. Я спросил, вернётся ли он, но Рожа сказал, что нет. А если и вернётся, никто из нас его не узнает.

— Я не узнал бы его в любом случае, — буркнул Крамни. — Он года четыре уже ходил с замотанной мордой. У него была какая-то проказа. Но он вообще ничего о себе не рассказывал. Да и единственная осязаемая польза от него была только в том, что Друг к нам не лез. А уж Йоль можно и пережить, за это время ублюдоков про наши дела вывести не мог.

— Да уж, много информации, — фыркнул могильщик. — Про Эзмела-то, поди, побольше знаете? Или даже не подозреваете, почему называете его шавкой Викле? Или почему он говорил, что Варл едва не угробил город? Рыбак обещал нам что-то рассказать, но сейчас он недееспособен.

Дед утёр слезящиеся глаза. Его лицо стало мрачным, будто он вспоминал о не самых хороших временах. Но всё же начал рассказывать:

— Всё дело в девке, Миреке. Те, кто хорошо её знал, считали её тронутой. Но таких людей было немного — её родители, я, Варл и Викле. Остальные просто думали, что она туповата. Так, впрочем, и было.

Она слышала голоса. Урмеру говорил ей, будто это голоса умерших Древних. Но мы в это не верили. Она — да, но Варл сразу сказал, что что-то не так. Я точно не помню бред,

который она нам несла, но хорошо помню о некоем Новом Бергатте и о том, что туман, окружающий Полую Гору, стабилен. Варл проводил с ней куда больше времени, он много её слушал, и я уж точно не знаю, когда он решил, будто нет никакого Мёртвого Мира. Меня, по крайней мере, ему тогда убедить получилось.

Не знаю, пытался ли он убедить в этом девку. Мне она никогда не нравилась: эта мелкая сучка трахалась с Варлом, но всё поглядывала на Викле. Хотелось ей на хутор, сильно хотелось. Она постоянно ходила к ублюдку в гости, приносила оттуда хлеб или ещё какие-то подарки. Сын на это внимания не обращал. Пока не застукал их с Викле рядом с хутором.

Не знаю, любил сын эту мелкую шлюшку или нет, но он точно собирался использовать её для того, чтобы поговорить с этими голосами у неё в голове. Хотел, чтобы она достучалась до тех людей. Поэтому он убедил меня в том, что должен на ней жениться. Мол, так у него будет больше времени, чтобы как следует разобраться во всём. А уже я уговорил её родителей. — Старик слабо усмехнулся. — Со мной тогда мало кто решался поспорить.

Девка, когда узнала, что придётся остаться в городе, заартачилась. Мол, выйду за того, за кого хочу. Собиралась сбежать на хутор. В общем, мы с её отцом тогда подкараулили их с Викле. Сопляк получил за то, что обесчестил девку от её отца. Про Варла он если и знал, то предпочитал молчать. Хуторяне попробовали было позвать Друга, чтобы разобрался, но когда узнали, что будущего владельца хутора прихватили без штанов с девкой, которую родители обещали другому, заткнулись.

Свадьба прошла гладко. Понимала сучка, что пока лучше притихнуть. В первую же ночь Варл принялся её убеждать, чтобы она поговорила с голосами в её голове. Не знаю, что у них там вышло. Думаю, ничего. Девка начала угрожать рассказать об этом Другу, мол, Варл пытается предать его. Сын на эти угрозы внимания не обращал. Но на четвёртую ночь взбесился и всыпал ей. — Сухорукий поднял свою культю на уровень глаз и посмотрел на неё так, будто с удовольствием отрезал бы её насовсем. — А на следующий день, когда Варл ушёл на охоту, я застукал девку за тем, что она разговаривает сама с собой. Рассказывает всё кому-то. Отвечает на вопросы. — Старик вздохнул, слёзы заструились из его глаз куда сильнее, чем обычно. — В общем, она разговаривала с Другом. Когда я это понял... Я испугался за сына, я тогда не знал, сколько она успела рассказать. Те, кто гневили Урмеру, в те времена наказывались очень жестоко. А зашёл я, когда она уже заканчивала разговор... И я убил девку, а потом...

— Сделал так, чтобы все решили, что она повесилась, — закончил за замолчавшего старика Хасл.

— Да. Так я и сделал. Но синяки было не скрыть... В общем, Урмеру пообещал нас наказать. На Хасла тогда смотреть было страшно, он всё-таки, наверное, любил эту... эту... Я рассказал ему правду. Чтобы он знал, как она его обманывала. Единственное, о чём я тогда не подумал, так это о том, что сын её действительно любил, и не разлюбил даже после всех измен.

На следующий Йоль всё было выставлено так, что мы замучили бедную девушку. Урмеру тогда сказал нам, что мы будем ждать своего следующего Йоля как худшего дня в своей жизни, но наказывать немедленно не стал.

После этого мы не разговаривали два года. Я хорошо помню тот день, когда сын пришёл ко мне после этих двух лет. «Я нашёл другой выход, — сказал он тогда. — Мы объединимся с чужаками, ты не пойдёшь к Другу». Мне тогда оставалось два Йоля среди людей. Он нашёл могильщика, встретил где-то у Шранкта во время охоты. И договорился с ним, чтобы тот

привёл других, и тогда они смогли бы грабить Бергатт без каких-либо проблем. — Все услышали как фыркнул Велион, но не обратили внимания. — Могильщик не обманул. За день Йоля он привёл ещё четверых. Всемером мы хотели устроить на Друга засаду...

— Всемером? — переспросил Велион. — Кажется, я догадываюсь, кто был седьмым.

— Это был лучший друг моего сына, — сухо сказал Дед. — Но он не пришёл к назначенному времени. В конце концов, он пришёл, чуть позже. С Викле, другими хуторянами, Другом и безрукой старухой, которую Друг вёл словно на привязи. Нас с Варлом связали и заставили смотреть, как эта старуха убивает могильщиков. Убивает и жрёт их внутренности.

Потом Урмеру наложил заклинания-печати на наши тела. — Старик мимолётно прикоснулся к своему больному глазу. — В случае если кто-то из нас рассказал бы про увиденное, про могильщиков и внешний мир, мы бы умерли в жестоких муках. А старуха убила бы всех наших близких. Или вообще всех горожан. Мы испугались. Да и как было не испугаться?

Мы поклялись ему во всём, что он требовал. Поклялись молчать, поклялись никогда не причинять вреда хуторянам и Эзмелу в придачу, поклялись не вредить Другу. Варл в тот же день сказал мне, что никогда не заведёт себе семью и положит жизнь на то, чтобы убить Урмеру. Но мой сын нарушил свою первую клятву, а потом и последнюю, и, кажется, убивать Урмеру придётся делать его сыну.

— Зачем он сохранил ваши жизни? — спросил могильщик. — Он мог убить вас сразу после того, как узнал о возможном предательстве.

— Я ничего об этом не знаю, — покачал головой старик. — Нам бы никто тогда не поверил. Нас уважали люди, а в тот год Урмеру уже покарал одного из горожан, заставил его идти по Бергатту, я уже не помню за какой проступок, и некоторые были недовольны. И я хорошо помню, как мучился в ожидании своего последнего Йоля. Это было жестокое наказание — ждать мучительной смерти и знать, в какой день она к тебе придёт. Лишь Варл отговорил меня от самоубийства, он всё ещё верил в то, что сможет спасти меня. Иногда я жалею, что послушал его. Но если Друг умрёт...

— Чушь какая-то, — резко сказал Велион. — Ты отвлекаешься. Проще было вас убить. Нет человека — нет проблемы. А проблем вы и так доставили немало.

— Урмеру сумасшедший, — вставил Хасл. — Он рассказывал мне о проголодавшейся бедняжке, которая была вынуждена убить ради пропитания. Или разговаривал сам с собой, будто меня там и не было.

Могильщик с сомнением покачал головой, однако не стал спорить.

— А метка? Что стало с ней?

— Друг снял её, когда я попал к нему.

— Что было там? Как ты лишился руки?

Сухорукий отрыл рот, чтобы ответить, но резко закашлялся, будто поперхнулся. Из его глаз с новой силой хлынули слёзы, а тело начала бить крупная дрожь. Он поднял культю, но та почти сразу бессильно повисла на повязке, левая рука судорожно ощупывала то место на бедре, откуда был выдран кусок мяса.

— Я не могу, — прошептал старик, — не могу... Не заставляй меня вспоминать, я умоляю... Когда мы дойдём до Башни... вы узнаете всё сами... Лучше бы я повесился в тот день...

— Я сам скажу, если тебе сложно, — сказал могильщик. — Твоя рука сейчас

похоронена вместе с Сильгией?

Сухорукий буквально рыдал и всё же нашёл в себе силы ответить:

— Если, конечно, он не заменил её чьей-то другой.

— Думаю, нас ждёт в Башне то ещё зрелище, — процедил Велион. — Я убью этого грёбаного ублюдка медленно, чтобы было время с ним поговорить. — Он на миг замолчал. — Ещё вопрос: кто стал избранницей Варла после Миреки?

— Её овдовевшая бездетная сестра, Мирена.

— Мать умерла при родах моего младшего брата, — вставил зачем-то Хасл. — Вместе с ним.

— Она не слышала никаких голосов?

— Знает только Варл, — отозвался старик.

— Твой сын был умным застранцем. Не знаю, кто ему подсказал, но точно сомневаюсь, что всё вышло случайно. Магический дар передаётся из поколения в поколение, у кого-то он слабый, у кого-то сильнее, но если в роду был кто-то из магов, то вероятность, что появится второй, достаточно велика. Дед нашего Хасла — слабый маг, очевидно, по части животных, тётка была достаточно сильным медиумом, то есть специализировалась на человеческой магии. — Велион потёр переносицу. — Хасл способен управлять растениями. В общем, Варл сделал вклад в будущее. И это хорошо, одолеть одного колдуна без помощи другого очень тяжело.

— Меня больше беспокоит хутор, — сказал Крамни. — И инструменты.

— Мы же договорились, что вы их получите, — буркнул Хасл.

— Очень хорошо. Все слышали?

Только сейчас молодой охотник обратил внимание на негромкие звуки с улицы. Кажется, их разговор слушали все собравшиеся пастухи.

— Слышали что? — спросил кто-то грубым голосом с улицы.

— Что у нас будет свой посёлок, — ответил пастух. — Возможно, кто-то его не увидит. Но его дети будут счастливы. Расходитесь.

Снаружи послышалось одобрительное мычание и звуки удаляющихся шагов.

Рядом с мужчинами появилась Грала на вид очень довольная собой.

— Всё, — сказала она, — все узнали то, что хотели. Знайте вот ещё что: этот ублюдок до следующего Йоля не доживёт. Я старалась, как могла, но он совсем разболелся.

Грала «старалась»: она вставила в рот лежащему в беспомощности Эзмелу тряпки и вылила на них весь котелок кипящего отвара. Рыбак ещё жил, но оставалось ему совсем недолго.

— За тебя, Сухорукий. И твоего сына. Но не внука. Помни, молокосос, если будешь в таком же состоянии, я тебя подлечу. За своего мужа и себя.

Могильщик поднялся со шкур и молча подошёл к рыбаку. Коротко блеснул клинок, и сердце Эзмела остановилось.

— Помоги мне вынести его тело, больная ты сука.

Хасл с ужасом смотрел на то, как могильщик и вдова взбесившегося Ульме уносят тело рыбака. Нет, его поразила не смерть Эзмела, и не поступок Гралы. Дело в том, что получивший призрачную надежду на выживание старик умер именно сейчас, в тот миг, когда эта надежда поселилась в его сердце. В тот момент, когда он помогал ему, Хаслу, и не важно, почему — пытался загладить вину перед его отцом или просто предал Урмеру. Месть случилась, тихая, незаметная и от того более жуткая.

— Пожалуй, тебе нужно будет ночевать в другом шатре, — сказал Крамни Хаслу, пока могильщик и его жена не вернулись. — У меня, конечно, есть на неё управа, но если она получит хоть один шанс навредить тебе...

— Возможно, мне не нужно было вообще сюда приходить, — прошептал охотник.

Но сейчас уже поздно. Он сделал свой выбор, и сделал его для того, чтобы надежды, живущие в его сердце, претворились в жизнь. Нужно не допустить, чтобы все его чаянья умерли вместе с ним так же тихо и беспомощно.

В этот момент молодой охотник понял — зло живёт в людях, и не Урмеру виноват в этом.

— Я чутко сплю, — услышал он голос могильщика и рассеянно кивнул в ответ. — К нам никто не подкрадётся, маг.

Не Урмеру заставил отца и Викле ненавидеть друг друга, не Урмеру предал отца. Возможно, он был причиной, но сами люди творили львиную долю всего плохого, что происходило с ними.

Когда колдун умрёт, этому стаду нужен будет новый поводырь, иначе пастухи захотят взять что-нибудь у горожан, а горожанам не понравится, что у тех свой посёлок, и больше никто не продаёт им по дешёвке выделанную шерсть. И тогда наступит грызня ещё хуже, чем обычно.

Могильщик говорил ему об этом. Если Хасл сейчас не возьмёт на себя ответственность за людей, они погибнут.

***

Наверное, не нужно было убивать всех Познающих Истину... Урмеру нашёл ледник с мясом, но где хранились собранные овощи и зерно, маг просто не представлял. Скудные запасы, найденные им на нижнем этаже Башни не в счёт, горожанам их не хватило бы и на неделю.

Маг облазил почти всю башню и несколько пристроек в поисках запасов, пока не догадался, что искомые им продукты всё ещё на огороде. Выходит, кому-то придётся ещё и урожай собирать.

К тому же, ему пришлось жрать кашу, которую Познающие готовили на открытом воздухе себе и Дружку. Миски нашлись тут же, а вот ложки куда-то подевались, и старый маг ковырялся в разогретом на костре вареве пальцами.

— Вот поэтому я люблю, когда всё идёт по плану, — зло сказал Урмеру Дружку, обтирая испачканные в еде пальцы о край миски.

Тот в ответ покачал тяжёлой головой, будто что-то понял. Но он не понял ни хрена! Чёрт возьми, сколько же проблем! Короткий момент удовлетворения, который Урмеру испытал, списывая старый и ненужный материал, давая ему волю, давным-давно прошёл. Теперь маг чувствовал лишь лёгкую скуку, смешанную со злостью на себя, Хасла, могильщика, Сильгию, да и вообще всех.

— Тебе легко, — посетовал старик, — жрёшь себе мясо и не думаешь о будущем...

Чёрные от грязи пальцы Дружка разрывали бедро одной из кормилиц и заталкивали в рот мясо вместе с грязью. Одно из лиц питомца, то, что находилось в основании шеи, у правой груди, улыбалось какой-то младенчески глупой улыбкой, хотя обычно его искажала застывшая гримаса боли и ужаса. Третье лицо, у левой груди, спало как обычно, но это ничего не меняло. Эта дебильная улыбка просто выбешивала Урмеру.

— Думаешь, что скоро отмучаешься? — буркнул маг.

По-детски и глупо. Он давно потерял последние крупицы разума... Да и вообще, можно ли считать обладателя этого лица кем-то живым, если от него кроме нескольких костей, лица и части мозга ничего не осталось?

— Скоро вы все здесь отмучаетесь, — сказал кто-то рядом.

Урмеру вздрогнул и вскочил с табурета, озираясь в поисках говорившего. Не показалось же ему?

Нет, не показалось. Высокая нескладная фигура стояла у огорода, с отвращением оглядывая трупы. Где-то маг уже видел это грубоватое лицо со шрамом на подбородке, но точно понимал — его обладателя он не знает. Затягивающиеся раны и ссадины на левой стороне лица говорили о том, незнакомец попал в какую-то переделку.

Но куда больше старого мага интересовало, как этот человек проник сюда. В его вотчину, в самое сокровенное место, где он провёл столько лет, работая и экспериментируя. Через все остаточные эманации в городе, через его великолепную защиту на площади. Это грёбаный наглец...

— Ты... — прошипел Урмеру, — ты...

Ярость взяла верх над всеми остальными чувствами, и маг просто атаковал ублюдка

всем арсеналом имеющихся убийственных заклинаний.

Но незнакомец отмахнулся от них одним лёгким движением правой руки, даже торба у его бока практически не сдвинулась с места. Отмахнулся небрежно, не особо разбираясь, куда все эти чары могут угодить.

Дружок с истеричными стонами смылся куда-то на другой конец огорода, одна из его правых рук фонтанировала кровью. Пару тел разорвало на куски. Рухнула часть ограды. А сам Урмеру, поражённый «Костоломом», свалился на землю, чувствуя, как выкручиваются и трещат его рёбра.

Прервать действие заклинание стоило чудовищных усилий. С трудом сев, Урмеру понял, что в каждом из его рёбер минимум по паре трещин, а некоторые совсем переломаны.

— Кто ты? — простонал маг, когда незнакомец приблизился к нему.

— Молодец, что больше не дуришь, — сухо сказал пришелец, не обращая внимания на вопрос. — Где Праведная Длань?

— Что? — прорычал Урмеру. — Откуда?.. — Нет. Про Длань могли знать многие. Сейчас мага занимало совсем другое: — Как ты прошёл сквозь Бергатт? И мою...

— Ты совсем из ума выжил? Я помогал тебе ставить ловушки на площади. Ты уже забыл? — чужак со шрамом на подбородке потряс своей торбой. — Впрочем, ничего удивительного в том, что ты меня не узнал. Тогда у меня просто было другое лицо.

Старый маг вздрогнул. Точно. Пусть лицо изменилось и помолодело, одежда другая — драные лохмотья из грубого сукна и овчины, а не тот прекрасный камзол, покрытый семиконечными звёздами из белого золота, но эту нескладную и длинную фигуру не признать было невозможно, стоило только присмотреться. Да и на торбе сквозь грязь с трудом, но проглядывалась вышитая серебром семиконечная звезда, взятая в круг.

Это был Он. И Урмеру узнал Его, хотя до этого видел лишь однажды.

— Я... я... — Урмеру почти заплакал от собственного бессилия. Магу хотелось бы убить не званного гостя, но его силы не шли ни в какое сравнение с возможностями пришельца.

— Ты идиот. А теперь быстрее отдай мне Праведную Длань, я не хочу терять здесь время.

— Ты должен мне помочь! — быстро сказал старик. — У меня здесь...

— Я и пальцем не пошевелю, чтобы помочь тебе или тому быдлу, что придёт за твоей головой, — резко сказал Он, убивая возникшую на миг в сердце Урмеру надежду. — Всё, ты наигрался в свои игры. И твой дырявый дружок — тоже. Я забираю Длань. Кстати, спасибо, что сохранил её. Так где она?

Старый маг с трудом сдерживал слёзы боли и разочарования. Но противиться Ему он не мог. Махнув рукой, он, всхлипывая и давясь слезами, повёл пришельца в Башню.

Здесь, в лаборатории на третьем этаже, и хранилась Праведная Длань. Каждый день одна из Познающих Истину обтирала её сухими платками и осторожно заворачивала в шёлк. Свёрток лежал на постаменте в центре лаборатории, рядом стоял лежак Сильгии... бывший лежак... а по другую сторону от постамента был хирургический стол.

Урмеру, преодолевая боль в груди, взял свёрток и передал его Ему. Незванный гость без всякого почтения выхватил артефакт из рук мага и быстро развернул шёлк, извлекая наружу забальзамированную кисть, когда-то, почти две сотни лет назад, грубо отсечённую от правой руки погибшего в бою с сыном Низвергнутого. Несмотря на возраст, при виде Длани можно было сделать вывод, что бальзам на неё нанесли буквально несколько часов назад. Те, кто её

сохранил, обладали невероятной мощью и искусностью.

— Ты её использовал? — резко спросил Он, быстро, но внимательно изучив артефакт.

— Конечно. Без неё я бы не добился таких результатов...

— Заткнись. — На простоватом лице пришельца застыло угрюмо-задумчивое выражение. — Энергия из неё через край плещется. Как я и думал, они опять зашевелились. Могильщик здесь не просто так, он прокладывает путь им, пусть и не знает этого.

— Они — это...

— Я сказал тебе заткнуться! — рявкнул Он и в ярости отвесил магу такую пощёчину, что Урмеру отлетел к лежаку Сильгии и, тяжело, до хруста в позвонках, ударившись о край, сполз на пол, где и застыл, пытаясь перебороть боль в изломанных рёбрах.

— Я забираю это.

— Но... — Урмеру с трудом сел. — Но я же...

— Я сказал, что мне плевать и на тебя, и на тех, кто за тобой придёт. Надейся, что это будут твои уродцы: от их рук ты умрёшь несравненно быстрее, чем от рук своих бывших собратьев.

— Мои собратья забыли про меня, — с болью в голосе произнёс Урмеру.

Пришелец, заворачивающий длань в шёлк на миг замер, и устался на раненого мага.

— Забыли про тебя? — переспросил он. — Да ты совсем из ума выжил. Про тебя говнюка, прекрасно помнят. И про твоих сообщников.

— Нас... бросили... оставили здесь... изгнали, а потом просто забыли о нас.

Незванный гость искренне и звонко рассмеялся.

— Вот какова сила самовнушения, — сказал он, отсмеявшись. — Ты, наверное, совсем забыл, что вы отказались отдавать Длань Ордену и едва унесли ноги обратно в Бергатт? А помнишь, как вы, фактически, взяли в заложники полмира, грозя распространить действие этого милого тумана дотуда, докуда вообще могли дотянуться? Представляешь, что началось бы, если б вы это сделали? Забыл, как я помог тебе запечатать эту башню, чтобы Длань хоть какое-то время хранилась в недоступном для других месте, но разрешил ей пользоваться, чтобы хоть как-то растратить накапливающую в ней энергию?

— Ты помог мне запечатать башню, — пробормотал Урмеру. — Но... нас изгнали... мои исследования были никому не нужны...

— Чёртов сумасшедший старик, — покачал головой Он и ушёл, не сказав больше ни слова.

Урмеру с трудом встал, опираясь на край лежака. Из левого края рта бежала струйка крови, но причиной тому была разбитая губа. А вот когда маг закашлялся кровью, он понял — осколки рёбер повредил лёгкие. Он мог излечить свои раны, для этого нужен долгий покой и прорва заклинаний, но... кто даст ему время? Кто будет за ним ухаживать? Хотя бы кормить?

По ступеням, постанывая, поднялся Дружок. Бедолаге пришлось отгрызть кровоточащую руку и прижечь культю, сюда он пришёл в поисках повязки.

— Мы с тобой старые развалины, — с трудом произнёс Урмеру. — Скоро мы умрём. Но те, что остались там, на окраинах Бергатта, должны жить. Ты согласен со мной, Варл?

Дружок был занят своей рукой. Его основная голова, единственная ещё сохранившая остатки разума, даже бровью не повела, услышав своё настоящее имя.

Что ж. Тем проще ему будет убить сына.

***

Хасл проснулся за несколько секунд до того, как сопящий и матерящийся могильщик ввалился в шатёр. По ощущениям охотника была ещё глубокая ночь. У него побаливала голова, вкус браги ещё не выветрился из его рта, а мочевого вот-вот должен был лопнуть.

— Куда ты ходил? — спросил Хасл Велиона.

— А, ты не спишь, — голос у могильщика ещё был пьяным. — Или у тебя такой чуткий сон? Я крался тихо, как ласка!

— Куда ты ходил? — повторил охотник. В это время его рука неосознанно искала спрятанный под одеялом нож.

— Поссать, куда ж ещё? Чего и тебе советую, нам скоро выдвигаться.

— Выдвигаться?

Велион пьяно хихикнул.

— А ты что думал, мы будем собирать всё наше великое и непобедимое воинство? В городе полно стукачей. Стоит нам прийти туда и начать собираться в поход, как в хуторе об этом узнают. Нет, дружище, мы пойдём в бой сейчас. Нападём неожиданно. Трууууби труба...

Хасл выбрался из-под одеяла, нож уже был в его ножнах. Теперь он слышал с улицы хмурые мужские голоса и бряцанье оружия. Он ещё толком не проснулся и не мог привести мысли в порядок, а его уже собрались куда-то тащить.

— То есть мы прямо сейчас атакуем хутор? — спросил он у ищущего в темноте свой рюкзак могильщика.

— Ну, не прямо сейчас. Через пару часов. Крамни говорит, что если идти напрямик через лес, то перед рассветом будем на месте.

— Но как мы собираемся нападать?

Велион ещё раз хихикнул.

— А как ты, великий стратег, собирался брать хутор?

Хасл открыл рот, но почти сразу закрыл. Он даже не думал об этом.

— Вот-вот, — хмыкнул могильщик. — На твоё счастье в твоей армии есть один человек, который, как ему говорили, мог стать прекрасным скважечником. А скважечник делает свои дела тихо и под покровом ночи. Он может пролезть туда, куда не могут другие, и вскрыть жертве глотку так, что та и не проснётся. Пошли, дружище, повоюем. А прохладный ночной воздух выветрит хмель из наших голов, пока мы будем добираться до места.

Могильщик закинул рюкзак за плечи и, нагнув голову, выбрался из шатра. Хасл быстро нашёл свой лук — для этого обычное зрение ему не требовалось, он чувствовал своё оружие — и вышел следом.

На улице плотной группой стояло четверо мужиков во главе с Крамни, чуть поодаль побряхтывал старый Хасл. Несмотря на увечья, он явно тоже собирался в поход — справа к его поясу прицепили ножны с длинным кинжалом. Глава пастухов щеголял с неестественно огромным мечом, висящем за его спиной на длинном ремне, перекинутом через плечо. Остальные изгои вооружились копьями и луками.

— Пошли, — сухо скомандовал Крамни. — Сегодня мы потеряем за мощну хуторян. Эти жирующие на наших костях говнюки заплатят сегодня за всё. Теперь мы будем брать у них то, что захотим, и назначим ту цену, которая понравится нам.

Хасл промолчал, да и остальные тоже хранили угрюмое молчание, даже бывший навеселе могильщик. Они готовились убивать. И быть убитыми.

Хасл никогда раньше не ходил по ночному лесу. Какой толк от ночной охоты? Вечером охотники обычно расставляли силки или обновляли ловчие ямы и укладывались спать, чтобы утром, сразу после рассвета, собрать угодившую в ловушки дичь. Потом весь день они бродили по лесу с луками.

Он бывал в этих местах. Но не узнавал дышащий влагой ночной лес. Глубокие тени не позволяли отличить овраг с крутыми склонами от безопасной ложбины. Тьма скрывала большую часть ночных обитателей от глаз, но их присутствие ощущалось буквально кожей.

Впервые за долгие годы Хасл почувствовал — лес для него чужой.

Чего не сказать о пастухах. Крамни уверенно вёл их отряд, избегая опасных или просто сложно проходимых мест. Через час ходьбы Хасл, увидев знакомые ориентиры, понял — они прошли почти половину пути до хутора. При этом отряд очевидно пару раз срезал там, где охотники и днём предпочитали не ходить.

Почти протрезвев и окончательно проснувшись, молодой охотник впервые почувствовал сильное беспокойство или даже страх. Он боялся этой вылазки. Боялся умереть или, что хуже, увидеть, как погибнет Мирека. И что она скажет ему, когда погибнет часть её семьи? Пусть он делит шкуру неубитого медведя, но даже если они победят на хуторе, а девушка согласится остаться с ним, им с могильщиком ещё нужно убить Урмеру. Хасл чувствовал — эта задача самая сложная.

И что будет потом? Они бросят всё и уйдут с Велионом? Туда, в огромный мир... где они станут изуродованными недомерками. А что станет с людьми? Кто будет управлять ими?

Хасл стиснул кулаки и с трудом унял дрожь. Он многое должен сделать сейчас и ещё больше — потом, но захвативший его водоворот событий не даёт даже поразмыслить о происходящем.

— Что, зассал? — прорычал кто-то из пастухов. — Трясёшься как шавка. Небось, это тебе не на глухаря ходить?

— Как подсказывает практика, — ещё полупьяным голосом произнёс могильщик, — самые говорливые обычно самые ссыкуны и есть.

— На твоём месте, чужак, я бы помолчал, — прошипел другой пастух.

— А то что? — фыркнул Велион. — Заговорите меня до смерти? Или достанешь нож? Покажешь, какие вы храбрые? Смотри, когда я долго не бываю на могильнике, у меня рука так и чешется, чтобы воткнуть в кого-нибудь восемь дюймов железа.

— Вот это я обожаю, — насмешливо сказал Крамни, — бахвальство перед дракой. Как подсказывает практика, такие дерзкие на словах бойцы обычно самые говённые.

Могильщик хмыкнул.

— Ладно, парни, не будем судить друг о друге до драки. Для вас сегодняшняя заварушка, наверное, целая война. А война — это большое дело, даже маленькая.

— Это ведь война превратила Бергатт в руины? — встрял сухорукий. — Там, в Мёртвом Мире, ты бывал на войне?

— Был. Но не воевал, бежал от неё. Когда тысяча рыцарей приходит в края, где ты живёшь, ты ничего не можешь сделать, если у тебя нет своей тысячи рыцарей. Мирным

жителям никто не объявляет войну, они последние, кто хотят войны, но именно они страдают больше всего — их дома сжигают, поля вытаптывают, их грабят, убивают и насилуют. Мирный житель может или убежать или ждать своей участи, третьего не дано. Жизнь не гарантирует ни один из этих вариантов. Но у меня не было ни убежища в лесу, ни дома, ни скота. Я и в тех местах был чужаком. Поэтому я решил, что лучше буду убегать. Так, по крайней мере, больше зависело от меня.

— Страшно было? — спросил Хасл.

— Конечно. Но сейчас у нас честная драка, восемь голодранцев против семи, от таких я не убегаю.

— И не боишься? — поинтересовался Сухорукий.

— Опасаюсь. Убить могут на любой войне.

Охотник уже думал об этом. Его могут убить, да. Но он сам выбрал этот путь. А выбирали ли жители хутора?

— Воевать идём мы, — тихо сказал он, — а пострадают все.

— Да, парень, ты правильно уловил суть.

— Дерьмо.

— Полное дерьмо. Тут ты прямо в корень заглянул.

Никто не ответит на его невысказанный вопрос. Потому что, как бы паршиво всё не было, они шли драться с определёнными целями, и от них зависит множество человеческих жизней. Если они проиграют... Вероятно, у изгоев мало что изменится, разве только хуторяне перестанут с ними торговать. А вот жизни горожан и хуторян зависят от исхода предстоящей битвы напрямую.

За жизни одних людей придётся платить жизнями других.

Дерьмо.

Дальше они шли в тишине. Через полчаса справа над их головами угрюмыми и уродливыми чёрными силуэтами повисли руины Бергатта. Они шли через сады, а значит, до хутора оставалось меньше часа быстрой ходьбы. Теперь Хасл окончательно разобрался, каким путём они прошли через лес. К пастухам они шли, обогнув Бергатт, пройдя по большой дуге по берегу, а потом углубились в лес, подойдя немного ближе к городу, и практически уткнувшись в стены Бергатта. Крамни же провёл их по чаще по идеальной прямой, и это посреди ночи, в такой темноте.

Хасл во второй раз за ночь понял — он не знает лес и вполтину так же хорошо, как изгой. А он практически жил здесь с двенадцати лет.

Отряд вышел на тропу, ведущую к хутору. Несколько дней назад Хасл шёл здесь с друзьями, которые сейчас мертвы. Тогда он не хотел верить в байку о пришельце, но был преисполнен желанием отомстить за убитого дровосека. Сейчас чужак идёт рядом, а количество человек, за которых нужно мстить, выросло до катастрофических размеров. Скоро, очень скоро, кто-нибудь захочет мстить ему. Вероятно, кто-то хочет уже сейчас. Все жители Земли Живых погружаются в какой-то замкнутый круг, выход из которого один — умереть. Изгой мстят хуторянам за какие-то обиды, горожане разбились на два лагеря и враждуют.

Человек, виновный в этом здесь, идёт рядом. Пусть он и не планировал ничего такого. Из-за появления могильщиков Урмеру выпустил свою убийцу, а та сорвалась с поводка и начала убивать всех подряд. Из-за могильщиков Хасл засомневался в словах Друга и поднял бунт.

И пока с каждым следующим днём становится только хуже, хотя каждый раз кажется, что хуже уже некуда.

На миг молодой охотник возненавидел Велиона и его мёртвого товарища в придачу. Сейчас он понимал, что рано или поздно это должно было произойти, их маленький мирок обязан был рухнуть. Но на тот миг, пока все беды, свалившиеся на их голову, персонализировались в лице могильщика, Хасл ненавидел его лютой и беспощадной ненавистью. Охотник знал — Велион не плохой человек. Он спас их от Сильгии, и продолжает помогать. Охотник лично обязан многим могильщику. Поэтому его вспышка ненависти была лишь скоротечной, и являлась неудавшейся попыткой свалить всю вину на кого-то одного. Проще всего назначить виновным жутковатого чужака. Но, когда всё успокоится (или если всё успокоится), многие подумают так же, как думал сейчас Хасл. Когда нужна в могильщике отпадёт, а многие проблемы никуда не исчезнут, гнев людей обернётся против него.

Велиону здесь не место. И хорошо, что Хасл понял это сейчас. Как бы подло это не было.

— Всё, — сказал Крамни, останавливаясь у приметной груды камней, — дальше идти в открытую опасно.

Охотник знал это место, и про себя согласился с главой изгоев. До хутора оставалось где-то полмили. Хутор ещё не было видно из-за ночной темноты, но Хасл уже представлял его очертания. Облицованный камнем частокол высотой в два человеческих роста, четыре сруба по краям и три крепких здания внутри ограды. Вокруг только россыпи камней да чахлые деревца, и никакого серьёзного укрытия за две сотни ярдов в любую сторону от стены.

Их поход всё больше напоминал самоубийство, особенно сейчас, когда их цель окончательно материализовалась. Никто не выйдет к ним драться в чистое поле. А приди они сюда днём, пара-тройка метких выстрелов от защитников, окончательно сметит баланс сил и заставит их поджечь хвосты и убираться. Навсегда. И только спустя долгие недели толпа оголодавших женщин, детей и оставшихся в живых мужчин бросится на самоубийственный штурм.

Сейчас же никто об этом даже не подумает. Раз Хасл поднял бунт, ему и разбираться со всеми проблемами, его можно поддержать, но драки — это дело мужчин. Все понимают, чем им грозит погибший урожай, но никто пока ничего не будет делать. У многих в головах скоро появится мысль о том, что бунт был плохой затеей, придёт Друг и всё исправит, если покаяться и выдать зачинщика. Что же до жуткой убийцы и погибшей на глазах у половины города Арги... Сильгия должна была устранить только могильщика, и не вина Урмеру в содеянных ей злодеяниях. А про Аргу можно забыть, семьи у неё всё равно не осталось. Возможно, Друг покается в её смерти перед всеми. Но если он найдёт для голодающих еду, никто и пикнуть не посмеет против него, его снова начнут боготворить.

Как же прав был Велион, когда затевал этот поход сегодняшней ночью.

Хасл нашёл могильщика глазами. Тот копался в своей сумке. Наконец, он выудил на свет странное приспособление с верёвкой. Глядя на его форму, охотник сразу понял, что это средство для лазанья по стенам или скалам.

— Вот и пригодилась покупка, надеюсь, не в последний раз, — в полголоса сказал Велион, обматывая верёвку вокруг пояса. Рюкзак, сапоги, шляпа, плащ и даже пояс были сложены в аккуратную кучку, на могильщике осталась только лёгкая рубаша, на которой

чётко виднелись кровавые пятна, штаны, портянки и перчатки, да ещё нож, который он подвесил за шнурок на шею. Его голос, несмотря на небольшое время прошедшее с той перепалки, принадлежал абсолютно трезвому человеку. — А теперь слушайте, что мы будем делать. Сейчас я отправляюсь к хутору, один. Когда я доберусь до места, я подам знак, вы должны будете ползти следом. Именно ползти, так тихо, как только сможете. Если я подниму шум... В общем, сами поймёте — удирать или бежать ко мне на выручку. В удобном месте будет висеть вот эта верёвка, я постараюсь сообщить, где именно. Забираетесь по ней на хутор... ну, а там действуйте по обстоятельствам. И не дай боги, кто-то прикоснётся к моим вещам, даже если я сдохну. Всё ясно?

— Какой будет знак? — спросил Крамни.

— Волки у вас водятся?

— Кто?

— Ясно. Совы-то есть?

— Конечно, есть.

— Я ухну четыре раза. Тогда ползите. Очень тихо. Если вы поднимете шум, я вряд ли смогу проникнуть на хутор незамеченным.

— Я буду ползти и визжать как хряк, которого вот-вот кастрируют, — оскалился тот пастух, с которым Велион повздорил.

— Тогда я сам отрежу тебе яйца и засуну тебе их в рот, чтобы ты заткнулся, — пригрозил Крамни. Но на его лице тоже была улыбка.

Велион зло ухмыльнулся в ответ, хлопнув Хасла по плечу, закинул нож за шею и нырнул между камней. Хасл сунулся в щель за ним, намереваясь пожелать удачи, но не успел. Могильщик двигался очень быстро и невероятно тихо, и охотник потерял его из виду уже через пару мгновений.

— Если бы он захотел резать меня во сне, у него был бы шанс, — с лёгким удивлением произнёс Крамни.

— Мимо твоей грёбаной жены и блоха не проскочит, не волнуйся, — ответил Сухорукий.

Хасл хотел шикнуть на них, чтобы меньше шумели, но одёрнул себя. Они шептались едва слышно. А он просто чертовски сильно волнуется. И худшее сейчас — это ожидание.

— Я не буду снимать свои сапоги ради какой-то тишины, — сказал кто-то.

— Снимешь в хуторе, и тогда нам драться даже не придётся — вонь твоих ног убьёт всех хуторян, — отозвался Сухорукий.

— Старик, я буду смотреть как ты лезешь с одной рукой по верёвке и смеяться.

— Тогда я воткну в твою никчёмную глотку свой нож.

— И сразу свалишься с верёвки, — добавил Крамни.

Сова ухнула четыре раза через несколько минут.

— Пошли, — скомандовал глава изгоев.

Хасл тоже не снимал сапог. Он полз третьим, сразу за Крамни и говорливым пастухом. Острые камни впивались в его ладони и колени, но ползти оставалось не так уж и долго. Полдюжины мужиков, среди которых был однорукий старик, шумели несоизмеримо больше, чем один могильщик, и Хасл каждый миг ждал, что в его затылок вонзится стрела. Но пока он судорожно перебирал руками и ногами, лишь изредка поднимая залитое потом лицо, чтобы посмотреть, приблизился ли хутор. Каждый раз стена становилась всё ближе, но слишком — слишком! — медленно.

А в какой-то момент над их головами раздался зычный крик могильщика:

— Ко мне! Верёвка на правой стене!

Хасл вскочил на ноги, едва не упал, подвернув ногу, и, охнув, захромал к хутору. Больно, но терпимо. Всё, что ему сейчас нужно — это бежать.

— Быстрее, сукины дети!

Они торопились как могли, но до хутора оставалась ещё половина пути.

***

Могильщик пробирался по каменистому склону, вспоминая давно минувшие времена. Когда-то он преодолел бы эти восемьсот ярдов за несколько минут даже ползком. Сейчас времени потребуется гораздо больше. Но он по-прежнему ни разу не пожалел о том, что сбежал из Болотного Замка. Не собирался делать этого и сейчас.

Если маг по-прежнему на хуторе, им придётся совсем не сладко. Все вели себя так, будто этого Урмеру там и в помине не было, и это даже правильно — каждый ставил перед собой выполнимые цели. Когда погибнут хуторяне, проще будет совладать с колдуном. Всё просто.

Мелкие камушки в мокрой траве знакомо покалывали ладони Велиона. Если бы не перчатки, он наверняка сорвал бы кожу. Но чёрная кожа берегла от острых камней ничуть не хуже, чем от проклятий.

Единственное, в чём могильщик никогда не сомневался — это в перчатках.

Каждые тридцать футов Велион замирал, вслушиваясь в ночную тишину. Наверняка хуторяне выставили на стражу пару человек. Но те либо никак себя не выдавали, либо дрыхли, как это частенько бывает с плохо дисциплинированными войсками. Предрассветные часы всегда самые тяжёлые, без разницы, стоял ты на часах всю ночь или же тебе дали прикорнуть перед выходом.

Как-то раз их с Халки наняли, чтобы они устранили главарей бунтующих крестьян. Вернее, наняли Халки, а тот взял четырнадцатилетнего ученика с собой на боевое крещение. Вдвоём они шли по следам бунтовщиков, благо следов те оставляли много — сожжённое поместье, разграбленный купеческий обоз, поваленные виселицы... Лагерь бунтующих они нашли на четвёртую ночь. Те расположились под холмом, видимо, планируя тем самым укрыться от ветра. Восемь сотен ошалевших от своей безнаказанности крестьян, перепившиеся вином, награбленным из запасов повешенного ими графа и того обоза. Почти все костры прогорели. Они шли вдвоём через ряды спящих тел, и Велион каждую секунду ждал, что сейчас ловушка, расставленная хитроумными главарями бунтовщиков, захлопнется, и завтра их изуродованные тела повесят на придорожном столбе, как это было с купцом. Но ловушка всё не захлопывалась, и убийцы шли, выискивая зачинщиков восстания. Их было трое, но с ними в единственном во всём лагере шатре находилось ещё дюжина человек. У шатра даже была выставлена стража, трое крепких мужиков с хорошим оружием. Они умерли, даже не пробудившись от своего пьяного сна. Когда убийцы вошли в шатёр, Халки жестом приказал убить всех находящихся там людей — главарей, их подручных, спящих служанок из поместья, которые, присоединившись к бунту, даже не сменили одежду и щеголяли в цветах убитого ими графа.

Одна из жертв долго смотрела на убившего её мальчишку, зажимая своё перерезанное горло ладонями. Она была старше своего убийцы разве что на пару лет, на её боках ещё не зажили раны от кнута, на голой груди виднелись следы застарелых укусов, а бёдра покрывали синяки. На её пояске болтался отрезанный член, принадлежащий либо графу, либо его старшему сыну — только их тела несли на себе следы оскотления. Девушка смотрела на Велиона, и в её глазах было не понимание. Должно быть, она считала, что всё

делала правильно эти последние для неё дни.

— Что, хер встал? — прошипел тогда Халки, и его грубый голос отрезвил Велиона. — Шевелись, пока нас тут не прихватили с трупами. Убивать нас будут долго, поверь мне.

Но они без спешки добили спящих бунтовщиков и так же спокойно ушли из лагеря, сопровождаемые дружным храпом вчерашних крестьян.

— Ты убиваешь тех, за кого тебе платят, — холодно сказал Халки, когда убийцы ушли на достаточное расстояние от лагеря. — Без разницы, кто это — купец, граф, сисястая смазливая баба или такой же наёмник, как и ты.

— Не в том дело. Если бы эти крестьяне собрали деньги на то, чтобы убить своего графа, мы бы его убили, так ведь?

— Убили бы. Но не стали бы предварительно отрезать ему и его сыну яйца или насиловать его жену и дочерей. Но в этот раз нас нанял брат покойника. Зачинщики наказаны, а стадо, которое они вели, протрезвеет, поймёт, что сотворило, и вернётся обратно на свои поля. Разве что некоторых узнают и отделают кнутом, либо повесят особо отличившихся. Но таких будет немного. Убив полтора десятка ублюдков, мы позволили сохранить несколько сотен жизней, в противном случае их бы втоптала в землю кавалерия, которую собирают ближайшие сеньоры. Я не говорю о тех поместьях и купцах, которых могло встретить на своём пути это стадо. Понимаешь? Наша работа — это меньшее зло, и так будет всегда.

Через полтора года Велион сбежал, чтобы на его руках не было крови тех, за кого ему платят. Сбежал, потому что понял — плевать Халки и всем остальным на купцов и жителей поместий, не говоря уже о крестьянах, у которых денег отродясь не бывало. Им платили, они работали. А сказки про меньшее зло — чушь, которую вещают новичкам, пока они сами не отрастят более толстую шкуру.

И какого же хрена сейчас, ещё двенадцать лет спустя, он лезет убивать баранов, которых ведёт за собой один ублюдок? Спасает людей? Совершает меньшее зло?

Или просто делает то, за что ему заплатили?

Когда-то Аргил, которого Велион всегда почему-то про себя называл Дерьмовый Материал, сказал ему: «Убийца, который начинает много думать и сомневаться — не убийца, он труп».

Поэтому могильщик стиснул зубы и прополз очередные тридцать футов. Не время думать и вспоминать. Просто на улице стоит похожая погода, да и работа чем-то похожа на ту.

К тому же, к двадцати семи годам он отрастил шкуру ничуть не менее жёсткую, чем материал его перчаток. По крайней мере, ему хотелось так думать.

Часовые всё же дали о себе знать — один из них в полголоса окликнул второго, спрашивая, не спит ли тот. Тот спал, и первый, выругавшись, немного громче повторил свой вопрос. Когда ответа не последовало, первый, ругаясь уже не переставая, отправился будить напарника.

Часовой двигался от правой стены к центральной. Кто знает, нет ли третьего часового слева. Выбор места для проникновения на хутор очевиден.

Велион приподнялся и, согнувшись, со всей скоростью, на которую был способен, двинулся к выбранной цели. Вряд ли часовой сейчас вертит головой по сторонам и вообще выглядывает из-за частокола. Его сейчас куда больше занимает спящий товарищ, которому нужно как следует всыпать за то, что подставил всех остальных.

Один рывок, и он на месте. Шума никакого или практически никакого. Сейчас нужно чуть-чуть подождать...

— Ты чё, сука, совсем охренел, спать тут удумал? — раздалось яростное шипение. За ним последовали глухие звуки тумачения и вскрик проснувшегося от боли человека.

Велион забросил кошку за стену. За этим делом он когда-то провёл месяцы своей жизни, и руки помнили науку. Кошка крепко зацепилась за настил, который построили за частоколом для защитников.

Стражники всё ещё ругались. Могильщик подал условленный сигнал и начал карабкаться по верёвке. Теперь у него осталось две задачи — сообщить в нужный момент, где находится верёвка, а потом отбивать от атак этот участок стены, чтобы остальные перебрались на хутор. Ну, быть может, желательно прикончить одного или двух защитников.

В любом случае, всё произойдёт быстро, долго ему здесь в одиночку не воевать.

Велион боком перевалился через стену — так его фигура не выделялась бы на фоне неба — и осторожно опустился на настил. Теперь осталось немного подождать. Часовой ещё продолжал выволочку своему товарищу, а Хасл и пастухи пока не достаточно близко подошлись к стенам.

Высунувшись, могильщик разглядел внутренний двор. В большом доме, располагающемся в центре площадки, горел свет. Наверняка туда сейчас собрали всех жителей хутора — так будет проще их охранять. Пара факелов, воткнутых в землю, освещала хорошо утопанную площадку напротив дома. Всё верно, так сложнее будет подобраться к дому незамеченным. Выходит, кто-то сторожит и в самом доме. Тоже верно. Эти хуторяне такие уж и идиоты, если бы они ещё и...

«Тук!» — рядом с лицом Велиона вонзилась стрела. Могильщик краем глаза увидел, как она дрожит в дюйме от его правого уха, и сразу же спрятался за настил. Стреляли откуда-то со стороны дома, снизу вверх, так что пока это его спасёт. Всё верно. Кто-то просто обязан следить за покинутым постом. Дело или в недооценке противника, или в ещё не выветрившемся хмеле. А лучник, очевидно, очень хорошо спрятался где-то у дома.

В любом случае, они тут что, всем хутором не спят? Как они собирались воевать завтрашним днём, если не спали всю ночь?

Могильщик глубоко вдохнул и заорал что есть сил:

— Ко мне! Верёвка на правой стене!

— Здесь крыса! — тут же выкрикнул кто-то из защитников хутора.

С глухим стуком о настил ударились лестница. Послышались ругательства, а потом несколько раз щёлкнул кремь. Зажжённый факел прочертил в воздухе дугу и упал на настил в нескольких шагах от могильщика. Пожара хуторяне не опасались — морёное дерево просто так не загорится.

Всё, что мог Велион, так это отползти от огня. Если он встанет, его запросто пришьёт лучник. А здесь уже вот-вот будут часовые, их топот уже слышен на небольшом расстоянии.

— Быстрее, сукины дети! — выкрикнул Велион и выхватил из ножен свой кривой клинок.

Подняв голову, он увидел бегущего к нему навстречу мужика. Вооружён тот был тесаком с клинком, наверное, в два фута длиной. За ним по настилу топал копейщик. Наверное, тот самый парень, что спал. В его лице угадывалось что-то смутно знакомое.

Могильщик усмехнулся. Он пожалел этого храпуна две ночи назад, придётся доделывать незаконченное дело сегодня.

— Вижу его! — проревел обладатель тесака. — Вот она, крыса!

Совладать с двумя у него шансов немного. Но хотя бы лучник не должен стрелять в своих, когда они сцепятся.

Но некоторые вещи за тебя делают другие. Просвистели три стрелы, и копейщик с криком свалился с настила. Пастухи не успевали добежать до стены, однако делали, что могли. Почёт им и хвала. Упав на землю, неудачливый часовой продолжил верещать, но оценить, будет ли раненый сражаться дальше, у Велиона пока не было возможности.

Из дома послышались истеричные женские крики, но все их перебивал властный мужской голос. Должно быть, владелец хутора, тот самый Викле. Его домочадцы просыпались, и не только женщины. Кто-то с грохотом выбил дверь, во внутреннем дворе становилось всё светлее.

Над головой могильщика пронеслась ещё одна стрела. Стреляли уже изнутри хутора, и явно только для того, чтобы он не встал. Убить лежащего противника, что может быть проще?

Когда часовой уже был буквально в пяти шагах от Велиона и начал замахиваться своим тесаком, могильщик опёрся на кулаки и быстрым движением рванул к нападающему. Позади щёлкнула ещё одна стрела, совершенно без пользы. Голова могильщика была на уровне пояса противника, он врезался макушкой в живот. Часовой охнул, его правый кулак ударил по рёбрам Велиона, рукоять больно уткнулась в кость, но могильщик уже свалил своего противника на настил. Левая рука метнулась вперёд к горлу, в то время как правая наносила один за другим молниеносные удары в бедро. Один, второй, третий... шестой...

Стражник взвизгнул от боли и брыкнулся. Он чувствовал жгучую боль в бедре, не понимая — он уже не то что не боец, а даже не жилец, убей сейчас кто-то могильщика, он всё равно скончается от потери крови. Велион подтянулся к нему поближе и, вцепившись в часового так, чтобы он не смог нанести последнего удара тесаком, погрузил клинок ему между третьим и четвёртым ребром. Противник дёрнулся и, издав тяжёлый вдох, умер.

— Здесь лучник! — заорал могильщик. — Осторожнее! Не высовывайтесь сильно!

Кто-то нёсся к нему по настилу. Уже с двух сторон. Должно быть, один из защитников поднялся по лестнице позади него, да ещё и третий часовой поспедал с левой стены.

Велион выругался и сделал единственное, что мог — перекувырнулся с настила, перегруппировавшись в полёте. Земля тяжело ударила ему в ладони и колени, раненый бок отдался резкой вспышкой боли, но могильщик быстро поднялся на ноги и, согнувшись, побежал туда, где ещё оставались тёмные места — вслед за стрелой в место его падения сразу же прилет факел.

Обернувшись на миг, Велион увидел, как на фоне светлеющего неба высвечиваются две борющиеся на настиле фигуры.

По крайней мере, его здесь не бросили, и он не единственный смог перебраться через частокол.

— Первого, стреляй в первого! — прогремел уже знакомый властный голос.

В его сторону уже бежало двое мужчин, вооружённых мечами. Нужно отбиться от них и найти лучника, тогда остальным будет проще перебраться через стену.

Велион зашипел от боли, поправляя повязку, по его боку струилась кровь. От кровотечения он, конечно, не скончается, однако может ослабнуть. Но в этот момент могильщику было плевать на боль, да и вообще на всё остальное. На него нахлынул давно, казалось бы, забытый азарт драки.

Сегодняшним утром на хуторе будет жарко.

***

Хасл карабкался по верёвке на стену с очень большой скоростью. Так казалось ему. Пастух, дожидаящийся своей очереди, ещё совсем мальчишка, наоборот, требовал, чтобы охотник поторапливался. Должно быть, сопляку просто неймётся подраться. Хасл же воспринимал предстоящую драку как вынужденную необходимость. Ему ещё нужно как-то вытащить Миреку. И что они будут делать, когда?..

Наверное, он всё же очень долго взбирался по верёвке.

Раздался злой крик, и со стены свалились двое борющихся людей. Хасл бросил быстрый взгляд вниз. Пара факелов перелетела через стену, и их света хватило, чтобы охотник разглядел упавших. Кажется, это был Крамни и один из батраков. Когда они упали, оба были живы, но ненадолго — мальчишка-пастух и Дед напали на батрака с ножами, тот успел только пару раз дёрнуться.

— Могильщик, ты где? — орал пастух, с которым Велион спорил по дороге. — Могильщик!

А уже через секунду он с криком свалился на настил — в его бедре засела стрела.

Наконец, Хасл перебрался через стену. Раненый пастух орал, как резаный. С той стороны стены раздавались проклятья Крамни, во второй раз за последние пару минут взбирающегося по верёвке. Могильщика действительно нигде не было видно. Но пастух, перебравшийся через стену перед Хаслом, побежал куда-то к землянкам.

— Вот он! Его убей! Стреляй в Хасла, сын!

Охотник выругался. Он только сейчас вспомнил про лучника. Хасл спрыгнул со стены — искать лестницу не было времени. Он едва не угодил подбородком себе в коленку, зубы клацнули так, что звук, должно быть, разлетелся по всему двору. Подвёрнутая нога тоже ответила на падение вспышкой боли, но Хасл не обратил на это внимания. Он увидел Викле, в правой руке держащего саблю, а в левой какую-то круглую доску, и в его горле заклокотала злоба.

Хасл сорвал с плеча лук и пустил одну за другой три стрелы, но хуторянин укрылся за своей доской, и все стрелы воткнулись в неё. Охотник яростно зарычал. Его взгляд вонзился в сердце хозяина хутора, так, будто его не прикрывала ни доска, ни толстая куртка. Одна из стрел начала проворачиваться, деревяшка не выдержала, и наконечник пробил её, глубоко войдя в предплечье Викле. Хуторянин заорал и принялся трясти рукой, пытаясь избавиться от доски, но не мог из-за стрелы, словно связавшей дерево и человеческую плоть.

— Убей грёбаного колдуна, сын! — крикнул Викле.

Стрела, которая должна была угодить Хаслу в живот, отлетела в сторону, будто кто-то отбил её ударом.

— Хасл... Хасл... прости меня...

Под ногами валялся последний оставшийся в живых каменщик, Кралт. В его боку засела стрела, он подполз к охотнику на животе, сжимая в руках копьё. За ним должно быть тянуться кровавый след, но в слабом свете факелов его невозможно было разглядеть. Жизнь утекала из каменщика вместе с кровью, а тот будто этого не понимал. Хасл забрал оружие из

рук Кралта без сопротивления и, особо не понимая, что вообще делает, пригвоздил его к земле. Копьё прошло тело и землю на добрый фут глубины с такой лёгкостью, будто Хасл воткнул его в воду.

Викле наконец догадался сломать стрелу, пронзившую доску и его руку, и освободился. Несмотря на засевший в руке обломок стрелы, хозяин хутора и не думал бросать драку. Он зарычал, подбадривая себя, замахнулся саблей и бросился к охотнику.

Хасл поднял лук и выстрелил, но стрела прошла мимо — все его магические способности ушли на прошлые два удара. Охотник будто протрезвел. Да и Викле, несущийся на него с перекошенным от ярости лицом и поднятой саблей, способен был внушить страх. Викле бежал на Хасла, а тот словно застрял где-то.

За спиной охотника, на стене, Крамни и мальчишка с руганью втаскивали на стену Сухорукого, вцепившегося единственной рукой в верёвку. На другом конце двора могильщик и ещё один пастух с трудом отбивались от двух мечников. Изгой, раненый в бедро лежал неподвижно, но он был жив, просто потерял сознание. А внутри большого дома бешено бились полтора десятка сердец, ожидающих исхода битвы. На хуторе не спал никто.

Стало светлее, и дело вовсе не в полутора десятках разбросанных по двору факелам. Вставало солнце. Три дня назад Хасл уже был здесь. На миг к нему вернулся тот сладостный момент, когда он сжал в своих объятьях Миреку. Один миг, вечность тому назад.

Руки совершенно одеревенели. Он выпустил ещё одну стрелу, но и та прошла мимо надвигающегося хуторянина. Потом Хасл успел только вцепиться в лук обеими руками и подставить его под удар сабли. К счастью, дерево выдержало удар, но лук после такого придёт в полную негодность.

Мимо пронёсся паренёк, который поторапливал охотника всего три или четыре минуты назад. Слышалась ругань, лязганье оружия и крики.

— Ну вот тебе и крышка, — прорычал Викле, когда после второго удара у Хасла в руках остались перерубленные остатки лука. — Жаль, ты сдохнешь быстрее, чем твой папаша!

Охотник выдернул нож и выставил его перед собой, понимая, насколько его оружие мало приспособлено к бою с саблей. Хуторянин шагнул к Хаслу, замахнулся своим клинком и резко опустил вниз. Острие прочертило полукруг и, столкнувшись с ножом охотника, отлетело в сторону, ударив Хасла по голове. В глазах вспыхнули тысячи рассветов, и охотник начал заваливаться на бок...

... Могильщик на ходу выхватил из кучи стоящих под небольшим навесом инструментов двузубые вилы и повернулся к нападающим на его союзника хуторянам.

Это была чёртова драка инвалидов. Практически совершенно не владеющие своим оружием хуторяне раз за разом бестолково атаковали Велиона и пастуха. Изгой изредка отвечал осмысленными ударами копья, но очень осторожно — он опасался, что древко не выдержит столкновения с железным клинком. Могильщик один раз попробовал приблизиться к противнику со своим кинжалом, однако насколько бестолков тот ни был, всё равно едва не засадил свой меч Велиону в брюхо.

Один из хуторян заорал и ещё раз махнул клинком в сторону пастуха. Тот отступил и попытался проткнуть мечника копьём, но промазал. Второй хуторянин попытался воспользоваться этим, однако и его выпад, направленный в древко копья, не увенчался успехом. Про могильщика забыли только на миг, но за это время он успел приблизиться к врагу.

Всё-таки вилы — дерьмовое оружие. Удар пришёлся вскользь, к тому же зубцы едва не

запутались в одежде хуторянина. Велион дёрнул вилы назад и перехватился поудобней, если это вообще было возможно, настолько кривым оказался черенок.

На несколько мгновений сражающиеся застыли, словно чего-то ожидая.

— Ну что, — буркнул могильщик, — обосрались? Нападайте!

— Иди на хрен, чужак!

Велион оглядел противников. Сам он был не очень хорошим мечником, даже посредственным, но будь у него клинок хотя бы двадцати дюймов в длину, с этими двумя он разделался бы без проблем. По ту сторону большого дома тоже наверняка продолжается драка. Возможно, Хасл и пастухи разберутся там и придут помочь сюда. Но может быть и такое, что помощь понадобится им самим, а могильщик со своим союзником застряли здесь с двумя этими олухами.

Велион ещё раз пырнул вилами. Хуторянин довольно легко отпрыгнул в сторону, но тут из-за одной из сараюшек выбежал паренёк, которого Крамни за каким-то поволоком сюда. Парень сориентировался быстро и с яростным воплем бросился к хуторянам. Тот, что на падал на могильщика, обернулся. Поздно. Наконечник копья вошёл ему в бок. Из-за толстой куртки не понять, куда угодил удар, под одежду или всё-таки в хуторянина, но тот заорал от боли. Велион сразу же бросился к нему. Вилы хоть и оказались туповаты, однако силы удара хватило, чтобы атакуемого с двух сторон противника согнуло едва ли не пополам.

На второго мечника тем временем наседали пастух. Хуторянин ранил его в руку, но не слишком серьёзно, сам же получил за это ощутимый укол в бедро. Теперь же, поняв, что преимущество не на его стороне, хуторянин швырнул меч в пастуха и бросился наутёк.

Но его перехватил могильщик, оставив мальчишке добивать поверженного противника. Велион врезался убегающему в спину, сбивая с ног, наступил на спину, придавливая к земле, и, ухватив за волосы, дёрнул голову на себя. Кривой кинжал прошёлся по открытому горлу жертвы, разделав его почти до позвоночника.

Тем временем пастушонок с хрустом пробил второму хуторянину височную кость и застыл, согнувшись и опираясь на воткнутое в голову противника копьё. Мальчишка тяжело дышал, из его рта капала слюна.

Велион хлопнул парня по плечу, а потом, поняв, что тот вот-вот либо блеванёт, либо потеряет сознание, схватил его за куртку на загривке и тряхнул.

— Что там? — рявкнул он в лицо мальчишке, кивая в сторону дома. Но у того уже закатывались глаза. — Побудь с ним, — буркнул он пастуху, с руганью пытавшемуся остановить кровь. — Посидите здесь пока.

Могильщик поднял меч убитого хуторянина и побежал туда, где ещё должна продолжаться драка.

Впрочем, драки уже никакой и не было. Велион увидел, как Хасл пытается ножом отбить удар сабли, как клинок отлетает ему в голову и сбивает с ног. Викле, должно быть, решил, что победа у него уже в кармане и ещё раз замахнулся, чтобы добить охотника, но в этот же момент на него налетел Крамни со своим двуручником. Одним ударом он прорубил голову главы хуторян до середины носа. На пару секунд они замерли каждый в своей позе, а потом Викле начал оседать на землю.

Сухорукий с невнятным возгласом подбежал к Хаслу, но тот уже сам пытался подняться на четвереньки.

Могильщик, наконец, добрался до места заключительного акта сражения. С головы охотника капала кровь, однако рану из-за волос рассмотреть было невозможно. Скорее

всего, удар клинка пришёлся плашмя.

— Это всего лишь рассечение, — подтвердил догадку могильщика Сухорукий. — Что, все они подошли?

— Нет, — буркнул Крамни, с хрустом выдёргивая меч из головы своей жертвы. — Младший заперся в доме с бабами. Нужно достать его, во что бы то ни стало: он подстрелил Нишева.

— И демоны с ним. Со всеми ними.

Сухорукий подобрал один из ещё горящих факелов и зашвырнул его на крышу большого дома.

— Ты что делаешь, старик? — рыкнул Крамни. — А как же запасы и инструменты?

— Запасы вон там, в амбарах, инструменты там же. Скот, может, и в доме, но если он и передохнет, горожанам ведь придётся покупать мясо у нас?

Глава изгоев фыркнул.

— Тогда надо подпереть двери, чтобы не выбрались. Сжигать весь дом не обязательно, пусть задохнется в дыму. Могильщик, поможешь?

Велион помог Хаслу подняться. Он оглядел двор, на котором то тут, то там валялись трупы, среди них был и один пастух — в его груди торчала стрела, он умер, едва успев спуститься со стены. Ещё один как минимум серьёзно ранен. Они же убили семерых. Этого достаточно, чтобы бабы и дети сдались на милость победителям. Полная капитуляция. А у них полная победа, от которой нет никакой радости.

Ведь стоит лишь немного подумать, как становится понятно — сколько бы еды хуторяне не запасли, их не больше двух с половиной десятков едоков, и запасов на горожан не хватит в любом случае. Если пощадить хуторян, ситуация с продовольствием станет ещё хуже.

Меньшее зло, да, могильщик? Вот так оно выглядит?

— Это ваша жизнь, а я здесь чужак. Делайте, что считаете нужным, но я в этом участвовать не собираюсь.

Впрочем, Крамни не стал дожидаться его ответа. Двое пастухов, пришедших с заднего двора, уже помогали своему главарю подпирать двери копьями. Об окнах можно было и вовсе не беспокоиться — хуторяне сами заколотили их, готовясь к нападению. Плачь, доносящийся из дома, перешёл в обречённый вой, когда дым начал проникать в дом. Дверь попытались выбить изнутри, но изгои хорошо её заблокировали. Крыша занималась огнём всё сильнее, уже слышалось жаркое потрескивание горящего дерева.

Могильщик выругался и отвернулся. Хотелось прирезать каждого из этих ублюдков. Но... но всё идёт так, как идёт.

— Мирека, — едва слышно прошептал Хасл. — Мирека...

Неожиданно его правая рука с чудовищной силой сжала плечо могильщика.

— Мирека! — взревел Хасл, отшвыривая того, кто держал его. — МИРЕКА!!!

Он рванул вперёд, в одну секунду перекрывая большую часть расстояния, отделяющего его от дома. Но остальную часть ему даже не нужно было проходить. Призрачные руки протянулись к дверям.

— Эй, парень, ты...

Крамни едва успел увернуться от двери, которая вылетела из проёма так, будто её выбило тараном. Хуторянки вывалились наружу, но и их всех расшвыряло по сторонам. Хасл буквально подлетел к дому, ворвался в пустой дверной проём и подхватил Миреку, которую

едва не задавили.

Слышались стоны и проклятья, но охотнику было на них плевать. Он уселся прямо на землю и принялся баюкать свою возлюбленную, находящуюся в полубессознательном состоянии. Никто из хуторянок и детей сильно не пострадал, даже, которых расшвырял магией Хасл.

Некпре был и, валяясь на земле, благодарил за спасение. К нему уже приближался Сухорукий.

— Твой отец предал моего сына, — сказал он, в тот же миг, как его нож вонзился в шею младшего сына Викле. — За это ты и умираешь.

Хасл полубезумным взглядом обвёл хутор. Дым от крыши валил чёрными клубами, но огня уже не было — охотник затушил его, сам не поняв как. Если хуторянкам не найдётся места в городе, они смогут вернуться...

Нет. Плевать. Главное, что Мирека жива, вот она, в его руках. Девушка заплакала, и Хасл гладил её волосы, не зная как успокоить. Она не пыталась вырываться, но в его руках как будто была статуя, а не живая девушка.

И тут Хасл понял, кто его держал. Вернее, не держал, а поддерживал, не давал упасть. Помогал. А он...

Могильщик. Что с ним?

Хасл нашёл его взглядом. Велион поднимался с земли, из его носа хлестала кровь, бок стал совсем чёрным из-за разошедшихся швов, но он был жив, и это главное. Они живы.

Могильщик поднялся, пошатнулся, цыкнув, ощупал раненый бок, угрюмо посмотрел на оставшихся в живых и погибших хуторян, потом уставился на Хасла. Снял перчатку с правой руки, утёр голый ладонью лицо, перепачканное кровью и грязью, сплюнул и устало сказал:

— Всё, блядь, из-за баб.

Глава шестнадцатая. Мёртвый город (1/3)

Могильщик шипел и ругался сквозь зубы, надевая на себя рубаху. Умельцев, способных зашить рану на боку, среди пастухов не нашлось, пришлось затянуть рёбра в тугую широкую повязку, мгновенно напитавшуюся кровью. Впрочем, всё было не так уж и плохо — разошлось только три шва из восьми.

Он опробовал пару трофейных клинков и остановился на сабле, которой Викле едва не прикончил охотника. Несмотря на возраст (оружие явно относилось ещё к довоенным временам), у сабли было прилично заточенное и почти не потраченное лезвие, заостряющееся к концу и имеющее длину в сорок дюймов, да пятую часть от этого добавляла рукоять. Эфес довоенный мастер выполнил в форме овала с отходящей С-образной дужкой, защищающей пальцы. Совершив пару пробных выпадов, Велион снял с пояса Викле ножны. Таким оружием можно было и колоть, и рубить.

Проблема в том, чтобы маг позволил себя рубить и колоть.

Тела погибших хуторян и их приспешников свалили в кучу, баб и детей к ним не подпускали. Те сейчас разбежались по домам, откуда слышался их траурный вой. Одна лишь Мирека осталась с Хаслом: её мать чётко дала понять девушке, что теперь на хуторе её видеть не хотят. Хуторянка уселась посреди двора и уткнула лицо в колени, не реагируя на все попытки охотника поговорить с ней. Спустя несколько минут Хасл бросил эту затею и просто уселся рядом, вид у него при этом был как у побитой собаки. Это чувство усугубляли окровавленное лицо и слипшиеся от крови волосы.

Велион оставил их на время, пока ходил за своими вещами. Но вернувшись, понял, что ничего не изменилось — охотник и хуторянка сидели рядом с самым прискорбным видом, даже не поменяв позы.

— Хасл, — позвал он, толкая охотника в плечо, — нам нужно идти.

Парень поднял голову и невидяще уставился на могильщика.

— Идти?

— Да. Мы должны убить Урмеру, помнишь?

— Сейчас?

— А когда? Через пару лет?

— Но...

— Никаких «но»! Бери свою бабу в охапку и уходим.

— Но...

Велион уже начинал злиться.

— Думаешь, у нас есть время, чтобы утирать кому-то сопли? Единственное наше преимущество — это внезапность. Урмеру на хуторе нет, значит, он сдал своих союзников. Возможно, для того чтобы потянуть время и подготовиться к нашему приходу. Может быть, просто оставил на хуторян всю грязную работу. В любом случае, он уверен, что мы провозимся здесь до вечера, до завтра или вообще не справимся. Но хутор уже наш, хотя едва рассвело. Урмеру точно не ждёт, что мы заявимся в его логово к вечеру.

Но Хасл, кажется, даже не слышал. Он смотрел на могильщика пустыми глазами, его рот был полуоткрыт.

— Я едва не убил тебя, — проямлил он, наконец. — Ты пытался мне помочь, а я

потерял голову...

— Меня пытались убить много раз, и твоя попытка была одной из худших, поверь мне. — Могильщик показал охотнику правый кулак, затянутый в чёрную кожу перчаток. — Они рассеяли большую часть твоего удара.

— Я потерял голову... — повторил охотник.

— Ты потеряешь её, если будешь сидеть здесь дальше.

— Но мы...

Велион схватил охотника за грудки и встряхнул с такой силой, что у Хасла кляцнули зубы.

— Бери свою бабу в охалку и пошли, иначе уйду я, и разбирайся тогда со своими проблемами сам.

Это подействовало, но не Хасла, а на Миреку. Девушка поднялась с земли и долгим взглядом посмотрела на могильщика.

— Я знаю таких как ты, — сказала она, — они иногда приходили от Шранкта. На моей памяти их было трое. И с каждым происходило одно и то же — отец принимал их как дорогих гостей, убеждал, будто в Бергатте их убьют горожане, и заставлял таскать ему оружие из Шранкта в обмен на кров и еду. Но после первого же успешного похода он убивал и грабил их. Отец говорил, будто так делал ещё его дед. И я помню тебя. Если бы дровосеки тогда не ночевали у хутора, отец позвал бы тебя в гости, и ты уже тоже был бы мёртв, а так нам пришлось тебя прогнать. Ты пришёл отомстить за своих товарищей?

Велион горько усмехнулся.

— Если бы я хотел отомстить за каждого убитого могильщика, мне пришлось бы вырезать половину страны. Признаюсь: теперь вид твоего мёртвого отца доставляет мне удовольствие. Но даже этот вид не заставит меня задержаться здесь ещё хотя бы на пару минут. Ты идёшь с этим олухом или остаёшься здесь?

— Хочешь, чтобы она шла с нами в Бергатт? — встрепенулся Хасл.

— Нет, хочу, чтобы она ушла в город и сообщила твоему дружку Микке, что хутор теперь наш, и его можно грабить. Но пока ведь нам по пути?

Охотник поднялся, наконец, с земли. Его лицо приобретало хоть какое-то осмысленное выражение.

— Мирека, — сказал он, — я пришёл за тобой. Я люблю тебя. Я знаю, что... — охотник сглотнул, — что всё произошло не так, как хотелось бы... но...

— Я поняла, — обречённо мотнула головой девушка. — Сказать честно, отец заставил меня отслеживать твой путь. Мы ждали вашего нападения. Но я наврала ему, будто вы ещё далеко.

— Отслеживать путь? — переспросил Хасл.

— У вас тут каждый второй что ли маг? — буркнул могильщик.

— Я могу чувствовать приближение, но... только Хасла.

— Только моё?

— Да. Ты часто обо мне думаешь.

— Но... — охотник заткнулся. Он то краснел, то бледнел, то вообще, кажется, готов был упасть в обморок. Лицо девушки тоже поменяло выражение с подавленного на смущённое. Велион почувствовал бы умиление, если б не так сильно болел бок, не говоря уже о том, что их ждут дела.

— Мы торопимся, — напомнил им могильщик. — Выяснять отношения будете потом.

— А меня примут в городе?

— Когда придёшь туда, спросишь Микке, это мой друг, он... — начал было Хасл, но его прервал объявившийся Сухорукий.

— Я провожу тебя, девочка, — сказал он. — Я уже много лет мечтаю побывать в городе и выпить пива в таверне. Мой вид так их напугает, что тебя никто не посмеет тронуть, поверь мне.

— Ты убил моего брата, — бесцветным голосом произнесла Мирека. Её взгляд вновь потух, а лицо приобрело скорбное выражение.

— Твой отец обрёк моего сына и отца Хасла на долгие муки. За это я убил его сына. Ты можешь меня ненавидеть, но я всего лишь провожу тебя до города, и больше ты меня не увидишь, если не захочешь. Моё место давным-давно среди пастухов.

— Вот и отлично, — буркнул могильщик. — Пошевеливайтесь.

Могильщик обеспокоился лестницами ещё в прошлый раз, так что через частокол они перебрались без проблем. В полной тишине они дошли до стен Бергатта и какое-то время шли вдоль них в сторону города, пока Велион не нашёл подходящий пролом в стене.

На прощание Хасл обнял Миреку и махнул Деду рукой. Охотник с тоской смотрел, как они уходят, пока чужак, усевшись на стену, изучал улочку, по которой им предстояло идти по Бергатту. Их цель была хорошо видна издали — башня магов, даже полуразрушенная, возвышалась над всеми зданиями, и лишь на другом конце города виднелись постройки ещё выше, величественный замок, почти не пострадавший во время войны.

— Я боюсь за неё, — сказал Хасл, отвлекая Велиона. — Дед... он же ничего ей не сделает?

— У неё минимум два ножа с собой, — отозвался могильщик. — У тебя боевая девка, не переживай.

Хасл уныло кивнул, но Велион не обратил на охотника почти никакого внимания. Могильник звал его. Или, скорее, бросал вызов. И он жаждал принять этот вызов. Чёрная кожа перчаток приятно покалывала его ладони, и это покалывание погасило даже боль в сломанном носу и ране на боку.

— Иди за мной след в след и ничего не трогай, — сказал Велион, облизывая пересохшие от возбуждения губы. — Если я скажу стоять — стой. Падать — падай. Бежать — беги, но только по своим следам.

— Но... как я различу свои следы? Даже всю пыль смыло...

— Никак. Поэтому, если придётся бежать, просто беги и постарайся не наступать туда, где есть хоть что-то металлическое. И молись, если тебе так будет легче. Пошли.

Но перед тем как охотник и могильщик перебрались через стену, из тумана вышла облезлая кошка. Она повернула свою окровавленную мордочку в сторону людей и уставилась на них кровавыми провалами, на месте которых ещё пару часов назад были её глаза.

— Мяу! — сказала кошка.

«Мне нужно с вами поговорить».

— Что? — переспросил могильщик, поворачиваясь к охотнику. — Ты что-то сказал? Или мне с недосыпа показалось?

Хасл обернулся и взглядом нашёл кошку.

— Это она, — ответил он, указывая на выбравшуюся из тумана животину. — Я уже разговаривал с такой кошкой, её отправил ко мне друг Урмеру.

— Ещё один друг Урмеру? — буркнул Велион, вглядываясь в изуродованную мордочку

кошки. — Я бы сделал с ним тоже самое, попади он мне в руки.

Кошка мяукнула.

«Меня зовут Шемех. И мне нужно поговорить с вами».

— Говори, — сказал Хасл.

— Что-что она говорит? — буркнул могильщик. — Я слышу только какие-то обрывки.

— Мяу.

— Говорит, чтобы ты снял перчатки.

— Конечно. Может, ещё оружие выбросить? — проворчал Велион. Но, оглядевшись, всё же снял перчатки и положил их на стену рядом с собой.

— Мяу, — спросила кошка.

— Теперь слышу, да. Что, на хрен, нужно, живодёр грёбанный?

«Это вынужденная мера.

Вы хотите убить Урмеру? Что ж, если это так, то я с вами. Он угробил Сильгию, превратил её в чудовище, и я хочу ему за это отомстить».

Если вы доберётесь до улицы, на которой почти не растут деревья, вы найдёте тропу, по которой Урмеру ходит к людям. Эта улица располагается в полумиле по левую руку от вас».

— А что ты хочешь от нас в обмен на эту информацию? — спросил могильщик.

«Покоя. Вы не тронете меня, я не трону вас. Я был вынужден спрятаться в тумане, когда люди пытались меня убить. Моё тело покалечено, но я сохранил твёрдую память и крепкий разум. Признаюсь, тогда я ненавидел их... но с годами ненависть ушла. Я простил их всех. Поэтому я хочу покоя. Но Урмеру никогда не даст его мне.

Когда-то этот ублюдок создал это проклятый туман. Заклинание уничтожило Бергатт, практически каждого горожанина, не обладающего Даром. Тогда, в самом начале войны, посреди всей царящей в Империи неразберихи, это выглядело как самооборона. Но когда нас изгнали из Ордена и мы вернулись сюда, Урмеру захотел наслать туман на весь мир. Из-за этого мы поругались, и я вынужден был бежать. Он запудрил Сильгии мозги, пообещав исцелить её. Для этого ему нужен был материал, которым и стали те, кто пережил ту магическую атаку.

Тогда я верил ему... и сейчас жалею об этом. Это кольцо тумана, опоясывающее Землю живых, создано им. Когда нужда в людях отпадёт, он уберёт все защитные барьеры, чтобы отомстить за все обиды семидесятилетней давности.

Сейчас Сильгия мертва, и его жизнь находится под угрозой. Я уверен, что сейчас, в своей башне, он уже снимает барьеры. Стоит ему узнать, что хутор погиб, а вы идёте по его душу, он уничтожит всех выживших. Вся котловина, в которой построен Бергатт, будет купаться в тумане. Сколько тогда людей выживет? Вы вдвоём? Сомневаюсь, что кто-то ещё».

— Тебе-то что с этого? — недоверчиво произнёс Хасл. — Ты же вообще живёшь посреди этого тумана. К тому же, он должен знать, что ни мне, ни могильщику вреда от этого не будет.

«Я не выживу без людей. Я приманиваю животных, иногда подворываю овощи, чтобы не умереть с голода. Если не станет вас... Во внешний мир я не вернусь — это я знаю точно. Мне останется только умереть, а я хочу жить, несмотря ни на что, несмотря на все мои мучения».

— Прекрасно, — сказал могильщик, спрыгивая с разрушенной стены. Он уже надел перчатки. — Прогулка в полмили — это хорошо, если там мы действительно найдём свободную от проклятий дорогу. Но сперва...

Коротко сверкнула сабля, и кошка с разрубленной головой повалилась на мёртвую землю.

— Покойся с миром, киса. Больше тебе не нужно страдать.

— Мы действительно пойдём туда? — спросил Хасл. — Когда я в прошлый раз разговаривал с ним, он хотел, чтобы Урмеру пришёл к нему.

— Может, он хотел его убить? — усмехнулся могильщик. — Да и какая тебе разница? Если тебе предлагают помощь, бери. Я сильно сомневаюсь, что проведу тебя через Бергатт живым. Но расчищенная тропа сильно упрощает задачу.

— Я ему не верю.

— Я не говорил, что ему нужно верить. В любом случае, сначала мы должны убить Урмеру, а потом уже разбираться с его друзьями и ненавистниками.

***

Указанное расстояние они прошли довольно быстро. Серый Зверь вёл себя неожиданно спокойно, его брюхо едва колыхалось и не норовило заползти на тропу, как это происходило обычно. И это несмотря на практически полное отсутствие ветра, дующего от Башни. Был ли это подтверждением слов Шемеха? И можно ли вообще ему верить?

Хасл знал, что туман не навредит ему, но слишком сильна была память о страхе, который он переживал при виде Зверя практически каждый день своей прошлой жизни. Этот страх никуда не делся, и каждые несколько секунд охотник кидал обеспокоенный взгляд на серую пелену слева.

К тому же, сегодня молодой охотник отчётливо различал разноцветные вспышки, время от времени проявляющиеся в теле Серого Зверя. Хасл рассказал об этом Велиону, но тот только пожал плечами. Вернее, повёл правым плечом, чтобы не тревожить рану. Самого охотника мучала головная боль, но он готов был пересечь хоть всю Землю Живых за этот день, лишь бы то, о чём говорил Шемех, не воплотилось в жизнь. В какой-то момент Хасла посетила мысль, что это даже не самый плохой вариант. Он заберёт из города Миреку и Деда, и вместе с могильщиком они уйдут прочь отсюда, куда-нибудь очень далеко. А остальные выжившие... что ж, быстрая смерть в брюхе Серого Зверя куда предпочтительней долгих голодных мук.

От этой мысли охотник испугался сам себя. Он затолкал её подальше, вообще запретив себе так думать.

Они почти дошли до той расселины, на которую они наткнулись позапрошлой ночью во время первой попытки покушения на Урмеру. Велион махнул рукой, останавливая охотника, и долго всматривался в очередную, ничем, казалось бы, не примечательную расселину в стене.

— Здесь почти нет проклятий, — сказал, наконец, могильщик. — И деревья растут реже. Давай за мной.

Через секунду он уже запрыгнул в щель. Хасл же с опаской некоторое время всматривался в полумрак мёртвого города. Чёрные деревья, тускло мерцающие проклятья Древних, мрачные руины, — всё это он видел не раз. Но сегодня охотник всей своей сутью ощущал опасность, исходящую от Бергатта, так отчётливо, как никогда раньше.

— Не вздумай колдовать, — сказал тем временем могильщик. Его широкая спина перекрывала обзор на добрую половину улицы. — Самая большая опасность для мага в могильнике — это колдовство. Если ты попытаешься что-нибудь накамлать, твоё заклинание может напитаться энергией, сосредоточенной на всём этом хламе. Возможно, ты просто разрушишь пару домов, но скорее всего, тебя порвёт на мелкие тряпочки, и меня с тобой в придачу. Ты можешь почувствовать, что тебя переполняет энергия, и так оно и будет. А может быть, тебя раздавит, и ты возненавидишь белый свет и себя, и решишь, будто лучше будет умереть. Тебя может вырубить. Или ты захочешь вырубить себя сам. В общем, вся эта прорва колдовской энергии, которая сейчас осела в Бергатте, может сделать с тобой что угодно. Если ты просто вырубись или поплывёшь, я постараюсь тебя вытащить. Но если начнёшь буяннить, я не могу сказать, смогу ли спасти тебя. В любом случае, помни —

если ты начнёшь колдовать, мы оба, скорее всего, покойники.

— Я понял, — ответил Хасл.

В горле знакомо запершило, охотник с трудом сдержал кашель. Осторожно, будто руины стены несли в себе опасность, он забрался в Бергатт. Резкий порыв ветра зловеще пронёсся по улице и ударил Хасла в лицо, будто предостерегая от похода на руины.

Нет, его теперь уже не остановить. Охотник крепко сжал кулаки, стиснул зубы и сделал шаг вперёд, наступая примерно туда, где четверть минуты назад стоял могильщик.

Когда Хасл был мальчишкой, он тоже боялся Бергатта. Тогда это его не останавливало. Сейчас же у него куда больше причин быть здесь. Но в то время они с друзьями едва ли заходили на пару кварталов вглубь города, сейчас же ему предстояло дойти до Башни Друга...

С другой стороны, могильщик обязан довести его. Друг ходит здесь по несколько раз в год, а для мага посещение руин несёт очень большие опасности. Здесь же ходила Сильгия. И Познающие Истину. А Дед ещё и умудрился выбраться из Бергатта без всяких проводников.

Эти мысли немного успокоили Хасла. Но тут же он резко осознал, с какой умопомрачительной скоростью они движутся — Велион шёл по улице быстрым шагом, перепрыгивая скелеты, ямы и кучи битого кирпича, обходя деревья. Он останавливался на долю секунды, будто принюхиваясь, и шёл дальше, словно кругом не мерцали красно-оранжевые змеи Проклятий.

— Смотри, — сказал Велион, резко останавливаясь. — Грёбанный Шемех не наврал, видишь?

Хасл видел груды перебитых и переломанных костей, перемешанных с раскрошившимся кирпичом и обломками булыжника, о чем он и сказал. Могильщик тяжело вдохнул и покачал головой.

— Надеюсь, сюда кинули труп, но могли и завести живого человека. В любом случае, это было очень давно. В общем, здесь был приличный комок змей — видишь среди камня ржавое железо? Этот кусок дороги буквально прорыло на полметра в глубину, а осколки мостовой наделали дыр вон в тех стенах. — Велион тяжело вдохнул, обводя взглядом руины. — Иногда начинает казаться, что с тех пор прошло лет десять, так хорошо в могильниках сохраняются кости. Даже железо, поражённое проклятьями, ржавеет куда медленней. И только каменные стены разрушаются со своей обычной скоростью, но до войны строили на века. Когда-нибудь последний могильщик сдохнет с голода от того, что ему нечего будет продать барыгам, а эти дома ещё будут стоять. Или, быть может, всё это дерьмо расчистят, и здесь когда-нибудь вновь закипит жизнь.

Замолчав, могильщик мотнул головой, призывая охотника продолжать путь.

Закипит жизнь... Хасл всегда знал — эти скелеты принадлежат погибшим людям. Но только сейчас, когда он слышал о тысячах людей, живущих в городах, он начал понимать, сколько действительно народа покоится здесь, буквально под его ногами. Они шли по огромной могиле, надгробным камнем для которой служили стены, дома и замки Бергатта.

В следующий раз уже Хасл остановил могильщика. У охотника резко потемнело в глазах, а грудь сдавило так, что он едва мог вздохнуть.

— Подожди, — сказал он, едва успев ухватить своего проводника за локоть. — Сердце... сердце давит...

Велион подставил ему плечо и осторожно усадил на дорогу.

— Сейчас должно пройти, я тоже ощутил что-то подобное, но куда слабее.

— Нет, — отозвался Хасл, — нет...

По Бергатту ходили призраки. Тысячи призраков. Толпы спешащих куда-то людей. Кто-то шёл небольшими группами, кто-то поодиночке, многие болтали между собой, некоторые, столкнувшись, осыпали бранью давно уже растворившегося в толпе обидчика. Странные безрогие коровы с длинной шерстью на шеях и головах тащили телеги. На некоторых из «коров» Хасл видел странные сидушки, и на них сидели люди. Тысячи людей. Странно одетых, высоких и низких, с чистыми как у могильщика лицами, и с лицами, изуродованными оспой, но никому из них не вырезали шрамы специально. И среди них было множество стариков куда старше сорока лет.

В один момент все они резко остановились и упали. Плоть растаяла, и от каждого остался лишь костяк. Часть из них лежала в тех же позах, что и семь десятков лет назад, от некоторых сохранилось лишь несколько осколков костей.

Они были не единственными, кто погиб здесь. Хасл увидел вереницу людей, испуганно бредущих среди трупов. Один за другим они падали, и их кости разлетались в разные стороны, сгорали, осыпались мелкой крошкой. Часть старых костяков тоже пострадали, но Бергатт, ставший могилой для своих жителей, упокоевал каждого, не делая различия, кто погиб раньше, а кто позже.

Медленно и осторожно прошёл по городу призрак Мерше. Несколько костяков постарались остановить его, хватая несчастного за щиколотки. Брат трактирщика постоял какое-то время среди мёртвых и ушёл, утаскивая с собой несколько намертво вцепившихся в его одежду истлевших кистей.

Один из костяков поднялся. В черепе зияла огромная дыра, от рёбер остались лишь осколки, торчащие из позвоночника, а левой руки не хватало по плечо. Костяк протянул правую руку в сторону охотника, намереваясь вцепиться ему в одежду.

И тут раздался беззвучный пугающий крик. Рядом с Хаслом стоял ещё один призрак, полупрозрачная фигура. Лишь чёрные перчатки на руках и сияющие — если такое вообще возможно — угольки антрацитовых глаз резко выделялись на фоне синевато-серого тела призрака.

Это был могильщик. Но кричал не он, кричали перчатки. Их вопль, полный боли и ярости десятков людей, заключённых в кожу, усиленный тёмными злыми чарами, резал Хаслу уши. На костяк они действовали куда сильнее — тот попытался отступить, но упал и, сжавшись в комок, замер, упокоившись навсегда.

Одна из перчаток сомкнулась на предплечье Хасла. Боль прошла его тело ледяной иглой.

— Нет! — закричал охотник и, дёрнувшись, потерял сознание.

***

Велион выждал полчаса, но Хасл так и не приходил в сознание. Хорошо хотя бы то, что он прекратил визжать и дёргаться. По его телу время от времени проходила мелкая дрожь, да глаза судорожно метались под сомкнутыми веками, но в остальном охотник больше походил на труп, чем спящего или бессознательного человека.

Что с ним делать станет понятно, когда он придёт в себя. Либо, если сознание к охотнику не вернётся, придётся вытаскивать его из города и продолжать путь в одиночку. Пока же Велион присел к наиболее надёжной на вид стене, сжевал кусок кислого сыра, взятого у пастухов, и принялся ждать. Но это ожидание становилось невыносимым —

могильщик вообще не любил сидеть без дела. К тому же, его начало клонить в сон, а на могильнике находиться в таком состоянии равносильно самоубийству.

Решив, что с охотником ничего не должно случиться, Велион поднялся и вернулся на сотню шагов назад, к границе третьего квартала, если считать от городской стены. Могильщик почувствовал в этом месте мощные магические эманации, но не стал искать их источник. Хаслу сорвало крышу даже здесь, где магии было не так уж и много, да и времени терять в тот момент не хотелось. Но сейчас можно заняться более глубокой разведкой.

Эту улицу действительно расчищали, здесь было безопасней, чем даже в пресловутом Крозунге. Та дорога, которую Велион хотел выбрать до появления кошки, выглядела практически непроходимой. Пойди они там, могильщику, скорее всего, пришлось бы отправлять охотника домой уже спустя пару кварталов. Конечно, один он вряд ли совладал бы с магом... но сам бы поворачивать назад точно не стал. Слишком много усилий он потратил на то, чтобы оказаться здесь. Слишком многие погибли. Слишком ценны были знания, которыми мог одарить его Урмеру.

Про добычу Велион даже не вспоминал. Хотя, возвращаясь, наткнулся на валяющийся по дороге кошель, машинально на ходу распутал пучок мелких змей и сунул добычу в рюкзак.

Добравшись до перекрёстка, Велион свернул. Мощь, сосредоточенная буквально в половине квартала, подавляла. Большая часть домов на этой улице рухнула, а из-под руин, обрамлённых густыми зарослями кустарника, торчали чёрные стволы деревьев. Могильщик некоторое время изучал руины, по которым ему предстояло пройти. Змеи и проклятья виднелись повсюду, они торчали из-под груды камней, таились в пустотах. Костей и металла почти не было видно, но стоит неосторожно наступить, и горсть земли или несколько посыпавшихся кирпичей могут привести заклинания в действие.

В такие моменты могильщик жалел, что у него нет сапог из той же чёрной кожи. Так же можно было помечтать о плаще и шляпе. И, конечно, трусах, защищающих самое важное для мужчины.

Внимание могильщика привлекли кусты, растущие по краю завала. А вернее, пара кустов, высаженных будто специально — их кроны смыкались, образуя некое подобие арки. Велион заглянул под эту «арку» и с удивлением обнаружил лаз, да ещё и подходящего для взрослого мужчины размера.

Из лаза на могильщика мрачно смотрела невероятно уродливая крыса с налитыми кровью глазами и торчащей из груди атрофированной лишней парой лапок. Она сидела на задних лапках и приняла позу, будто бы стараясь определить, съедобен ли пришелец.

— Пошла вон, — сказал могильщик крысе, но та и усиком не повела.

Тогда Велион подобрал камень и бросил в крысу. Тупая тварь сначала никак не среагировала, попытавшись увернуться уже слишком поздно, и камень угодил прямо ей в грудь. Крыса пискнула и издохла, лишь все три пары её лапок согнулись в предсмертной судороге. Откуда-то из ближайших ходов высыпало с полдюжины товарок погибшей, которые незамедлительно принялись её пожирать.

— Вы совсем как люди, — печально проговорил могильщик и начал пробираться по лазу.

Руины явно были обитаемы, а по слухам в самых хреновых местах вообще нет никакой жизни, даже насекомых. Здесь же из насекомых как минимум жили пауки — паутина свисала с практически каждого «угла» — а значит, и те, кем пауки питались. Кроме того, тот

лаз явно укрепляли, чтобы он не обвалился: уже через два десятка футов Велион наткнулся на распорку, подпирающую кусок стены. Рядом со стеной дрожала невероятно огромная улитка, из-за размеров лишившаяся ракушки. Судя по комку шерсти, едва торчащему из-под омерзительной слизистой массы, улитка переваривала одну из многочисленных крыс.

— Грёбаная мерзость.

Лаз кончился через пятьдесят футов. Могильщик очутился среди руин, обильно поросших кустарником, который рос по обочинам улицы, практически свободной от обломков стен. Тропа была узкой, но идти по ней было можно без особых проблем. Наконец-то появились кости, а в кустах мрачно поблёскивали тусклые змеи цвета свернувшейся крови.

Что-то впереди сосало из них энергию, и Велион хотел выяснить — что.

Тропа петляла среди зарослей, часть деревьев росла под большими углами к земле — видимо, укоренились на осевших насыпях. Могильщик едва не расшиб себе лоб об одно из них, пока смотрел под ноги.

Наконец, он выбрался на свободный участок улицы, посреди которого и находилось нечто, пожирающее энергию.

Это явно был амулет, но размером со статую. Чудовищное и неестественное переплетение человеческих костей, на некоторых из которых ещё оставались клочки плоти, и медной проволоки, удерживающей останки и соединяющей их в единую конструкцию. Складывалось впечатление, что кто-то пытался сделать паука из человеческих костей — у фигуры было по две пары рук и ног, в грудную клетку будто бы врастили три головы. Статуя стояла спиной к Башне магов. Казалось, будто она, раскинув руки, пытается удержать нечто, находящееся вне Бергатта, не пустить это в город и окрестности.

И это нечто сияло таким количеством энергии, которого хватило бы на то, чтобы превратить несколько ближайших кварталов в мелкую пыль.

Велион побоялся приближаться к статуе — тут его даже не спасли бы перчатки. Да и какой прок в перчатках, когда тебя размалывает подобная мощь? У могильщика, привычного ко всякому, даже сердце начало биться учащённо. Но, успокоившись и как следует рассмотрев статую, он понял — это защитный оберег. Нет, сунься он ближе, от него бы и мокрого места не осталось. Однако если пройти мимо, с ним ничего не случится, хотя артефакт с таким чудовищным зарядом запросто мог уничтожить всё живое даже на большом расстоянии.

Но его истинной целью была защита. При том, не от людей — они же с Хаслом спокойно прошли дальше, парень, как будто, поначалу даже ничего не заметил. Впрочем, могильщик не мог сказать, что именно происходило с охотником в городе.

Такая мощь нужна только для того, чтобы сдержать что-то подобное по силе. На ум не приходило ничего, кроме Серого Зверя. Тёплый ветер, шелестевший почти лысыми ветвями деревьев, как будто подтверждал это. Могильщик так толком и не понял, кто такой был для местных Урмеру, но Эзмел с уверенностью говорил, будто грёбанный маг не даёт туману проникнуть на земли живых.

Шемех — лжец. Возможно, он надеялся, что защита спадёт после гибели Урмеру. Но увиденное могильщиком говорило об обратном — сумасшедший создал этот защитный амулет, а могильник дал ему такую прорву энергии, которая не рассеется за десятки лет.

Для этого колдуну всего-то пришлось убить троих и искалечить как минимум ещё одного человека. И наверняка подобные «скульптуры» расставлены по всему периметру

города.

Но цель ведь оправдывает средства?

Список людей, которых Велион поклялся убить, пополнился ещё одним именем. Без грёбанных магов это место станет только лучше.

Могильщик снял шляпу перед теми, кто погиб для того, чтобы стать частью этой защиты.

Пока же ему нужно выяснить сможет ли потомок этих людей продолжать путь мести. Если нет — он, чужак, возьмёт эту обязанность на себя.

***

Очнулся Хасл от грызущего чувства голода. Осознав, что он всё ещё находится в Бергатте, охотник едва не поддался паническому желанию резко вскочить на ноги и бежать, куда глаза глядят. В большей степени от этого порыва его сдержали воспоминания о жутких скелетах, один из которых пытался в него вцепиться, чем твёрдая воля.

Хасл медленно и очень осторожно сел. В горле запершило так, что он откашлялся, с трудом преодолев приступ только к тому моменту, когда глаза уже готовы были вылезти на лоб, а лёгкие вывалиться из рта. Рядом, буквально в паре шагов, мирно посапывал могильщик, прикрывший лицо шляпой. Кажется, время уже перевалило за полдень. Выходит, охотник валялся без сознания три или четыре часа, не меньше. Ничего удивительного, что он захотел есть.

— Велион, — прохрипел Хасл, начиная рыться в своей поясной сумке.

Могильщик мгновенно напрягся и уже через секунду снял с лица шляпу.

— Я уж думал, ты сдох, — прокаркал он осипшим после сна голосом. — Хотел идти дальше один.

Еды, которую Хасл захватил из города, почти не осталось — горсть орехов да полоса вяленой говядины. Охотник с жадностью съел остатки пищи и надолго присосался к фляжке с водой, осушив её почти до дна. Но съеденного едва хватило, чтобы только притупить чувство голода. Посмотрев на могильщика, охотник с удивлением увидел, как тот раскладывает на тряпочке куски белого сыра, сушёную землянику, свежие яблоки и ломти варёного мяса, покрытого белыми комками застывшего жира. Жестом он пригласил Хасла присоединиться к трапезе.

— Где ты это взял?

— У пастухов, где же ещё?

— А мне в дорогу ничего не дали.

— Мне тоже, — усмехнулся Велион. — Я взял сам.

— Своровал? — поразился Хасл. — Это же... это...

— Плохо, да, — задумчиво отозвался могильщик. — Знаешь, парень, от некоторых вещей из тех, которым вас обучил Урмеру, просто нельзя отказываться. Они помогут вам прожить в дальнейшем.

— Но ты...

Усмешка могильщика неожиданно стала злой.

— Ты думаешь, что я здесь задержусь? Когда Урмеру отдаст концы, и мы с тобой выберемся из могильника, я сделаю ручкой этому проклятому месту. Неужели ты думаешь, что я буду рисковать жизнью, оставаясь здесь? Меня здесь ненавидят. И я не хочу, чтобы вину за все ваши беды кто-нибудь решил свалить на чужака, при появлении которого начались все проблемы. Если ты не планировал избавиться от присутствия пришедшего могильщика как можно быстрее, ты идиот.

Охотник ничего не ответил, он усиленно жевал, поглядывая куда-то в сторону.

— Вижу, что планировал. Тогда, быть может, у тебя есть будущее как у лидера. — Велион хлопнул Хасла по плечу. — Не переживай. Я нашёл достаточно монет, чтобы

дотянуть до весны, а у меня в запасе ещё целых два месяца для увеличения моего богатства. Если мне удастся кое-что выпросить у Урмеру перед тем, как он умрёт, это будет самой большой наградой за поход в Бергатт.

Хасл даже на пару секунд перестал жевать от удивления.

— О чём ты хочешь у него выпросить?

— Хочу узнать, что здесь происходило семьдесят лет назад.

Охотник какое-то время помолчал. А потом рассказал о видениях, которые начали его посещать в последние дни. О молодой парочке фермеров, лодке с магами и живом городе.

— Возможно, во всём этом есть доля правды, — сказал Велион, выслушав истории. — В жизни ты точно ничего подобного не видел, так что, быть может, магия пробудила в тебе возможность заглядывать в прошлое. Говорят, такой дар изредка пробуждается у магов, но он не пользуется большой популярностью, ведь куда полезней предсказывать будущее. Но этого, насколько я знаю, не может никто. — Могильщик сунул в рот последний ломтик кислого яблока и скривился. — Ладно, пошли, нам ещё многое нужно сегодня сделать.

Они пустились в дорогу по могильнику. Велион продолжал отмерять дорогу широченными шагами, Хасл едва поспевал за ним. За последующие пару часов путники задержались лишь дважды. В первый раз могильщик несколько минут изучал завал, перегородивший улицу, а потом пошёл в обход. Во второй они едва не угодили буквально в сияющий от проклятий переулок, и Велион какое-то время искал свободную дорогу. Всё это время он сосредоточенно молчал, да и у Хасла, если честно, не было никакого желания болтать.

На самом деле, чем дальше они продвигались вглубь Бергатта, тем менее мрачно выглядел город. Чёрные деревья, которые местами росли непроходимыми чащами, практически перестали попадаться. Скелеты, конечно, никуда не исчезли — однажды они прошли через площадь, буквально заваленную костями так плотно, что земли практически не было видно — но и их как будто бы стало сильно меньше. На домах, становящихся всё выше и красивей, местами ещё не облупилась краска, кое-где сохранились показавшиеся Хаслу волшебными разноцветные стеклянные витражи. А у одного из поместий, практически полностью заросшего одичавшими садовыми деревьями, охотник даже остановился, чтобы рассмотреть полтора десятка статуй, раскрашенных в весёлые цвета.

— Я в жизни ничего такого не видел, — сказал Хасл могильщику. Тот в ответ хмуро хмыкнул.

По крайней мере, ожившие призраки охотнику больше не мерещились, и он спокойно продолжал дорогу, лишь изредка покашливая. Даже рана на голове практически перестала напоминать о себе, настолько Хасл увлёкся разглядыванием диковинных вещей. В то же время он надеялся, что видит всё это в последний раз жизни, и нога его не ступит больше в Бергатт.

Башня становилась всё больше и больше. В отличие от домов и статуй на ней не было ни грамма краски, либо же кладка обгорела где до пепельно-серого, где до тускло-чёрного цвета. В высоту башня достигала ста футов, если не больше, и при этом чётко становилось понятно, что нескольких последних этажей не хватает.

В конце концов, ближе к вечеру от громады башни двух путников отделяла только площадь да щербатая стена, окружающая двор. Ворота сиротливо валялись посреди абсолютно пустого пространства, но могильщик встал на границе площади как вкопанный.

— Наверное, когда они ударили, верхушку снесло, — сказал Велион, задумчиво глядя на

башню. Потом его взгляд опустился под ноги. — А тут у нас полное дерьмо. Я даже не знаю, как нам идти дальше.

— А что тут? — спросил Хасл, продолжая смотреть исключительно на Башню Друга. Что-то непреодолимо притягательное было в её мрачном контуре, отчётливо выделяющемся на фоне вечернего неба.

— Под нос себе посмотри, колдунишка недоделанный.

Охотник с трудом отвёл взгляд от Башни и взглянул себе под ноги. Казалось бы, ничего такого на площади не было, но...

На расстоянии примерно двух ярдов от того места, где они остановились, шёл ряд небольших серебряных булавок, вбитых между плитками. Расстояние между булавками составляло примерно три ярда. В трёх ярдах за первым рядом Хасл разглядел ещё один ряд. И ещё. И ещё... В какой-то момент одна из булавок ярко вспыхнула, и эта вспышка прошла по всей площади. Через полминуты сверкнула уже другая булавка, потом третья, но в каждый раз сияние охватывало всю площадь.

Теперь Хасл почувствовал энергию, исходящую от пустой на первый взгляд площадки. Они проходили мимо куда более мощных источников силы, но чтобы убить парочку проходимцев здесь хватит с головой.

— Что это? — спросил Хасл. — Не похоже, чтобы это осталось здесь после войны.

— Заклинание сотворили уже после войны. Твой Урмеру подстраховался на случай незваных гостей. Если перейти границу... не знаю, что именно произойдёт, но точно ничего хорошего. Теоретически, всю сеть активирует одна булавка, если вырвать её, то всё полетит к чертям. Но каждый раз это разная булавка, мать её. Если ошибиться... ну, умрём ярко. Кроме того, Урмеру сразу узнает о нашем приходе.

— Как? Он видит нас?

— Нет, он нас не видит. Надеюсь. Это сигнализация.

— Что?

— Ты отупел на хрен? Ни разу не натягивал верёвку с колокольчиком перед ночёвкой?

Хасл и хотел бы сказать, будто понимает о чём речь, но не мог. Велион принялся объяснять, зачем это нужно, однако почти сразу замолчал и зло сплюнул.

— В общем, мы в жопе, — сказал он через пару секунд. — И я не знаю, как нам из неё выбраться. Ладно, стой здесь, сейчас что-нибудь придумаю.

Могильщик прошёл вдоль площади и остановился у края. Постоял там какое-то время, сунулся к границе «сигнализации», но отшатнулся, словно его кипятком окатило. Подступился ещё раз, шаря в пустоте руками, продвинулся практически к полосе булавок... и вновь отпрыгнул, потому что в воздухе сухо затрещало, как от жара, а перед лицом могильщика сверкнул разряд молнии. Мрачно матерясь под нос, Велион развернулся, миновал Хасла и ушёл в другой конец площади. Там он простоял недолго и, даже не пытаясь подобраться к полосе булавок, вернулся к охотнику.

— У меня есть два предложения, — сумрачно проговорил могильщик. — Первое: мы убираемся отсюда к чёртовой матери. Защита явно идёт по всему периметру башни, причём, там, где кончается открытая площадка, хрен проссышь, куда понатыканы булавки. Снять заклинание я не могу. Если попробую, от меня ничего кроме перчаток не останется. Второй вариант. — Велион помолчал. — Помнишь, что я говорил тебе, когда мы только вошли на могильник?

— Что мне ни в коем случае нельзя колдовать, — ответил Хасл, уже понимая, в чём

закljučается второй вариант.

Могильщик громко щёлкнул пальцами.

— Именно. Заклинание так напилось энергией, что стало нестабильным — иначе та грёбаная молния не выстрелила бы. Если чем-нибудь по нему засадить... да посильнее... Ну, мы как минимум сдохнем посреди охренительного фейерверка, так ведь?

Глава семнадцатая. Познать Истину

Чёрное дерево ответило Хаслу сразу. Если бы оно обладало эмоциями, охотник решил бы, будто оно даже обрадовалось, почувствовав в нём родственную душу. Да, в этом отравленном магией растении было что-то очень близкое молодому охотнику, куда более близкое, чем у той травы, благодаря которой он выследил могильщика в ту проклятую ночь.

Человек и дерево слились в крепких дружеских объятиях и стали едины, хотя расстояние между ними превышало сотню футов. По жилам Хасла медленно и неторопливо потёк древесный сок, а дерево напиталось яростной и горячей человеческой кровью. Охотник закашлялся, но чёрная древесина в тот же миг забрала этот кашель, вычищая из человеческих лёгких мелкую чёрную сажу, осевшую в них несколько дней назад.

Мощный древесный корень изогнулся дугой и вырвался из-под земли, выламывая расшатавшиеся за годы булыжники мостовой. За ним последовал второй, третий... Самый длинный отросток пробрался в пустой оконный проём и, зацепившись за что-то в доме, подтянул по дороге всё дерево.

Хасл улыбнулся дереву, и его губы, покрытые корой, растянулись, скрипя и осыпаясь мелкой пылью. В ответ дерево рассмеялось, шелестя мелкой и узкой листвой. Или это смеялся сам охотник, и листва лишь вторила ему.

Медленно — куда торопиться растению, способному прожить на этой земле сотню лет? — но неумолимо чёрное дерево подползало к границе площади. Руки и ноги Хасла при этом деревенели всё сильнее, а избранное им растение становилось жутковатой смесью деревянных волокон и чёрной отравленной плоти.

Наконец, они вдвоём остановились на границе площади. Хасл хотел извиниться, но дерево не обладало эмоциями. Кора лопнула, исторгая из себя поток чёрной сажи и мутно-красного сока, и этот поток обрушился на сеть булавок. В тот же момент охотника скрутил жестокий приступ боли в животе, и он рухнул на колени, чувствуя, как мутится его рассудок. По упавшему на площадь дереву прошло несколько искр, а от листвы начали подниматься клубы чёрного маслянистого дыма.

Но практически сразу непреодолимая сила выдернула Хасла из того полубессознательного состояния, в котором он сейчас чувствовал себя наиболее комфортно. Велион дёргал его за куртку, что-то говоря и указывая куда-то в сторону плотной храмовой застройки, находящейся в половине квартала от них. Вид у могильщика был обеспокоенный.

Сначала как будто бы ничего особенного не произошло, только сухое потрескивание в воздухе, раньше практически не слышимое, стало оглушающе громким. Потом разом сверкнули несколько булавок, да так, что яркими всполохами осветило всю улицу, по которой со всех ног драпали прочь от площади охотник и могильщик.

— Сюда! — рявкнул Велион и, схватив Хасла за плечо, уволок его за храм с мощными гранитными стенами. Впрочем, верхушку храма семьдесят лет назад постигла та же участь, что и верхние этажи Башни — её как будто срезало циклопическим ножом.

В небо неестественно медленно поднялась огромная невероятно разветвлённая фиолетовая молния, едва не ослепившая Хасла. Грома они не слышали, но от ударной волны в воздух поднялись тучи пыли. Жалобно дребезжали уцелевшие витражи, и от звона сыплющегося на мостовую стекла Хаслу становилось не по себе. Ему было жаль, что их

приход погубил эту невероятную красоту.

К сожалению, пострадали не только витражи. Раздался треск, за которым последовал звук рушащихся стен. И всё это перекрывал набирающий силу вой ветра.

Треск стихал. Вернее, уходил за границу слышимости, напряжение от него никуда не делось. У охотника вновь сдавило грудь, однако в этот раз это затронуло и могильщика — он раскрывал рот как рыба и пучил глаза.

Раздался грохот. По улице пронеслось несколько вихрей, несущих с собой пыль, осколки костей, тлеющую деревянную щепу и прочий мусор. Охотник с удивлением смотрел на странные завихрения, напоминающие воронки в воде. Они словно прогуливались в небольшом отдалении от их укрытия.

Стекло уже не звенело. Хотя, может, Хасл просто оглох. Чудовищный грохот слился с воем ветра, а потом пропал, сменившись комариным писком, ввинчивающимся в уши и глубже, глубже, глубже...

Последовала ещё одна вспышка, и мир рухнул. Солнце заслонили тучи пыли. Ветер ворвался в проулок, где прятались Велион и Хасл, смял людей, как тряпичных кукол, и протащил по дороге. Охотник ударился боком о торчащий из земли постамент, лишившийся статуи, и замер, а над его головой пролетел огромный кусок стены.

Земля содрогнулась. Крыша одного из ближайших зданий съехала, но клубы пыли даже не успели подняться, их содрало ветром. Хасл закрыл глаза, чтобы ничего этого не видеть. Да и держать их открытыми становилось всё сложнее, столько в них набилось пыли. Пыль скрипела на зубах, набилась в одежду... Но охотнику было совсем не до этого, он цеплялся за каменную глыбу, и молил всех богов о жизни.

Второй толчок оказался куда слабее первого, третий охотник и вовсе почти не почувствовал. Ветер перестал срывать с него кожу, хотя всё ещё продолжал дуть. Хасл рискнул открыть глаза, но почти сразу закрыл: на улице, по которой они с могильщиком только что бежали, сейчас бушевали проклятья Древних. С трудом охотник заставил себя взглянуть на происходящее кругом ещё раз. Кусок железного шпиля растёкся кроваво-алой лужей в паре десятков футов от того места, куда ветер приволок могильщика, а на ней извивались несколько белоснежных змей, осыпая округу яркими искрами. Между двумя ближайшими постаментами повисла багровая пелена, внутри которой бушевали молнии. По улице пронеслось чёрное нечто, врезавшееся в стену и рассыпавшееся горой мёртвых иссохших пауков. Но это буйство быстро успокаивалось. Тучи пыли медленно оседали на мостовую, а самого Хасла присыпало толстым слоем щебёнки.

Запах гари, донёсшийся до охотника, буквально вгрызся в его нос, правда, того глубинного кашля вызвать дым уже не мог. Наверняка, где-то недалеко загорелись чёрные деревья. Да ещё эта чёртова пыль... Хасл закашлялся, но уже от пыли, и сам не слышал своего кашля. Вообще ничего, кроме комариного писка, сводящего его с ума. Охотник сжался в комок и зашёлся в беззвучном рыдании, силясь понять, жив он или всё-таки умер.

Кто-то ухватил его за руку и резко дёрнул. Могильщик, кто же ещё. Его лицо пепельного цвета пересекали четыре чёрные полосы — две на губах и подбородке и две сходили по щекам. Но сабля, рюкзак и даже потрепанная шляпа были на своих местах.

— Кровь, — сказал Хасл, — у тебя из ушей течёт кровь.

Велион не слышал его. Сам охотник, впрочем, тоже.

Могильщик скинул рюкзак и сгорбился над ним на какое-то время. Оттуда он извлёк на свет — или, вернее, в толщу пыли — моток тряпок, затем снял с пояса фляжку с водой.

Через пару секунд в лицо охотника шлёпнулась мокрая тряпка, второй Велион прикрыл себе рот и нос. Ничего не говоря, он потащил охотника за собой.

Они пробирались по развороченной дороге через тучи пыли. Хасл не мог рассмотреть перед собой ничего, что находилось дальше его вытянутой руки, но Велион продолжал волочь его за руку с такой скоростью, будто от этого зависела их жизнь.

Впрочем, так оно наверняка и есть.

Идеально подогнанные друг к другу каменные плиты площади превратились в горячий песок, в который по щиколотку проваливались ноги. Уже через несколько десятков шагов песок жёг практически нестерпимо. Но могильщика это остановить не могло. Кажется, его вообще ничто не могло остановить в эту минуту. Он обернулся только раз, и его полубезумный взгляд говорил сам за себя.

Ворота разнесло в щепки, которые тлели, нестерпимо чадя. Могильщик как таран пронёсся сквозь это препятствие. Хаслу казалось, что вот-вот начнут дымить уже его сапоги. В этот же момент он неожиданно ступил на твёрдое. Полоса каменной крошки закончилась. Ближе к Башне плиты сильно потрескались, однако смогли выдержать удар.

Велион едва не вляпался в раскалённый комок серебра, по поверхности которого прыгали искры и извивались змеи. Хаслу показалось, будто змеи, танцуют какой-то ритуальный танец и пожирают искры, как светлячков. В этот момент его скрутил жестокий спазм, и охотник упал на четвереньки. Рвота лилась даже из носа, из глаз хлестали слёзы. Это продолжалось вечно, и чёрная фигура могильщика висела над ним всё это время, будто угрожая.

— Быстрее, сукин сын! — неожиданно расслышал Хасл.

— Я стараюсь...

— Быстрее!

Охотник принялся с трудом подниматься. Велион грубо поставил его на ноги и насильно поволок за собой. Хасл старался переставлять ноги как можно быстрее, но выходило у него очень плохо. Почти никак. У него начала кружиться голова, в глазах темнело. Но, до хруста сцепив зубы, он продолжал идти хотя бы как-то.

Наконец, они миновали площадь и достигли стены. Могильщик сгорбился у одной створки, какое-то время шарил по ней руками и, убедившись, что здесь нет никаких ловушек, опять схватил охотника за локоть.

Во дворе было куда меньше пыли, сквозь неё даже проступил тёмный силуэт Башни, хотя внутренний двор имел радиус в добрые полторы сотни футов. Велион потащил Хасла дальше, но не прямо, а вправо. Через несколько десятков шагов они наткнулись на дровяник, практически заполненный сухими дровами. Они буквально ввалились в него и тяжело рухнули на землю.

— Вот здесь, — едва расслышал Хасл, — хочешь — кашляй, хочешь — блюй. А я отдохну.

Могильщик убрал с лица тряпку и закрыл глаза, будто потерял сознание. Но через секунду его правый глаз открылся и со злым весельем подмигнул охотнику.

Хасл уткнулся лицом во влажную землю и зашёлся кашлем, стараясь сплюнуть всю пыль, которой он наглотался.

Оставалось всего ничего — убить Урмеру и вернуться. Проще простого.

Охотник с трудом встал и, подавшись неожиданному порыву, припал к поленнице. Поленья впились в его лицо острыми углами, однако это принесло успокоение. Нос

наполнился приятным запахом сухого дерева и смолы, и Хасл вдыхал, вдыхал, вдыхал его, чувствуя, как наполняются не только его лёгкие, но и всё тело, становясь каким-то эфемерно-воздушным.

Писк, давящий на уши пропал, молодой охотник услышал собственное дыхание и тяжёлое сопение могильщика. Хасл отлип от поленницы и, наклонившись, вцепился в руку Велиона, изо всех сил стараясь передать ему ту лёгкость, которая наполняла его.

Но перед ним встала непреодолимая преграда, и волшба вернулась, вызвав короткий приступ боли. Тогда Хасл сдёрнул с руки спутника перчатку и повторил попытку. На этот раз она оказалась успешной — могильщик дёрнулся и вскрикнул.

— Жжёт, мать твою, — рыкнул он, резко садясь и тут же ухмыльнулся. — Я слышу! Ля-ля-ля. А-а-а! Ты меня слышишь, Хасл?

— Слышу.

— Отлично. Что будем делать дальше?

Этот вопрос озадачил охотника. Вообще-то он предполагал, что какой-то план есть у Велиона.

— Я раньше никогда не убивал магов, — сказал Хасл вслух. — Я думал, у тебя есть план.

— Думаешь, я когда-то убивал магов?

— Но...

Могильщик, натягивающий перчатку на руку, выругался.

— Слушай, парень, не думай, будто кто-то каждый раз будет приходить и решать все проблемы за тебя. Если бы не было меня, кому пришлось бы убивать Сильгию? Как бы ты брал хутор, если бы не пастухи? Когда я уйду, тебе придётся решать все проблемы самостоятельно! А тебе ещё управлять целым грёбаным посёлком.

— То есть, у тебя плана нет? — буркнул Хасл.

— Нет. Придётся действовать по обстоятельствам.

Они выбрались из дровяника. Пыль ещё не осела, и можно было не опасаться о том, что Урмеру увидит их из Башни. Впрочем, наверняка он сейчас в том же состоянии, в котором Хасл и Велион находились минуто назад.

— Осмотримся, — тихо сказал могильщик.

Они прошли через двор, огибая башню. Двор практически полностью заполняли уродливые постройки, в которых хранились инструменты и припасы. Всё это явно делал не Урмеру, и явно не он пользовался всеми этими тятками, вилами и топорами.

Если вспомнить о Деде... Хасла посетила безумная надежда. Он ухватился за неё, хотя с такими вещами всегда нужно быть аккуратней. Три года назад он, будучи ещё совсем сопляком, надеялся на то, что Друг не заберёт с собой отца. Его чаянья не оправдались.

Но сейчас... разве не может он спасти отца?

Да, Варл бунтовал против Урмеру... но... старик-то остался жить. Ублюдочный маг не убил его сразу, а значит... шанс есть.

Заднюю часть стены специально снесли, а двор расширили, чтобы превратить в огород. У края грядки валялись два чучела...

Сердце Хасла будто резануло ножом. Это не чучела, а два изорванных трупа, изуродованных настолько, что и не определить мужчины перед ним или женщины.

— Нет, — прошептал охотник.

Он пошёл дальше, наплевав на требование могильщика остановиться. Ещё труп,

женский. Это же... Хасл приблизился к Ашени, матери Хории, ушедшей с Урмеру три Йоля назад.

Хасл тихо вздохнул и стиснул зубы, стараясь сдержать крик ужаса.

Её протащило по неровной земле, изломав, как тряпичную куклу, но не это поразило охотника. Ещё при жизни у женщины отняли обе ноги по колено и сняли правую часть лица, как раз ту, куда Урмеру наносил ритуальные узоры. И дальше, насколько хватало обзора, можно было увидеть искалеченные тела.

Кулаки охотника сжимались и разжимались, он тяжело дышал. Теперь ясно, кто превратил старого Хасла в Сухорукого. Но... он должен найти отца. С трудом преодолевая страх, боль и отвращение, охотник двинулся дальше.

Позади тихо и зло выругался могильщик.

«Да, Велион, вот к чему нас готовили всё это время. Посмотри, что ждало каждого из нас, узри Познающих Истину».

Это хуторянка. Судя по скрюченному телу, у неё не хватало рёбер. Трёхпалая ладонь тянется к лицу, на котором навек застыла гримаса боли. А вот Крувле, которого все называли Кулак. При жизни он не мог сжать кулаки минимум несколько лет, ведь у него просто не осталось ладоней. Да и ямы на скрюченных руках говорят о вырезанных мышцах.

— Хасл, — слышался позади обеспокоенный голос могильщика, — тебе не нужно на это смотреть.

— Я должен найти отца, — процедил охотник сквозь зубы.

А вот эти раны на теле одного из смутно знакомых пастухов свежие, хотя нанесены уже после смерти. Рука оторвана, кусок щеки выдран, причём, кусали мёртвую плоть человеческими зубами.

Впереди раздалось глухое ворчание. Хасл остановился и схватился за лук... но свой лук он потерял ещё на хуторе, а тот, который ему дали пастухи, наверное, где-то за той стеной, где он прятался от магического удара.

Охотник зашипел и схватил нож. Правым плечом он чувствовал присутствие могильщика. Раздалось шипение извлекаемой из ножен сабли.

Раздался ещё один злой возглас, и фигура двинулась в их сторону. Что-то большое и уродливое приближалось к охотнику, и он готовился выплеснуть на это всю ярость, которая скопилась в нём.

У вышедшего из облака пыли чудовища было по две пары рук и ног, правда, одной из правых рук не доставало. Туловище будто слепили из трёх разных, стянув всё это медной шипастой проволокой, которая намертво вросла в плоть. В груди, составленной из огромного количества сращенных рёбер, торчали две головы, и одна из них усиленно работала челюстями, жуя сырое мясо. Из её рта, буквально недавно лишённого губ, лилась слюна, перемешанная с комками свернувшейся крови. Лицо, вросшее в плоть, безумно пучило глаза на пришельцев, но как будто не замечало их.

Венчала картину единственная голова, покоящаяся, как и надо, на шее. Но сама она была изуродована — нижнюю челюсть вырвали, а ошмётки щёк срослись омерзительными сизо-розовыми комками.

Но, как бы Урмеру не изуродовал его, Хасл не мог не узнать того, кому эта голова когда-то принадлежала.

— Отец, — прошептал он, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Отец! Ты узнаёшь меня?

Тот, кто ещё три года назад был Варлом, вырвал из мёртвых рук одного из Познающих Истину вилы и иноходью бросился в атаку.

***

Велион отшвырнул замершего от шока Хасла с пути чудовища и бросился наперерез. Левой рукой он метнул в уroda кинжал, и тот угодил прямо в глаз жующей голове, от чего её челюсти остановились и не дожёванная мясная кашка потекла по подбородку.

— Ы-ы-ы... — промычал монстр и в ответ бросил в могильщика вилы, но тот легко увернулся.

Противники сблизились. Велион нырнул чудовищу за левый бок и полоснул длинным клинком по рёбрам, высекая горсть искр. Лезвие раскалилось, и если бы не перчатки, руки могильщика наверняка обгорели бы. Грёбаная магия.

— Ы. ы. ы.

Тот, кого Хасл назвал отцом, неуклюже топало по грядкам, а могильщик отступал, уворачиваясь от не слишком умелых попыток схватить его. Всё могло кончиться для Велиона в одном случае — если бы он просто смылся. Но рисковать саблём больше не хотелось, и единственным вариантом убить противника был ближний бой.

Это грёбаная магия, а у могильщика на руках чёрные перчатки.

— Ну, иди ко мне! — рявкнул он.

Можно было и не просить. Чудовище бросилось к нему, пытаясь облапить руками. Велион ушёл атакующему за спину, наплевав на риск, всадил саблю между рёбер. Послышался скрип стали о медь, на спину твари высыпался сноп искр, но клинок вошёл в плоть по самую рукоять, высунувшись с другой стороны.

— Ныааа! — промычало чудовище практически с человеческими интонациями и завертелось на месте, стараясь ухватить руками саблю за рукоять.

Велион выбрал момент, прыгнул противнику на спину и вцепился в проволоку. Кисти мгновенно онемели, по телу чудовища пробежали всполохи, задымилось горящее мясо. С воплем могильщик выдрал кусок проволоки вместе с ошмётками пригоревшей плоти и отступил.

Чудовище, когда бывшее Варлом и ещё двумя людьми, неожиданно остановилось и задрожало всем телом. Оно попыталось сделать шаг, однако в этот же момент одна из правых ног отвалилась.

— Ы...

Велион обошёл замешкавшегося противника и с наскока выдрал саблю из его тела. Клинок немного поплыл, загнувшись кверху от жара, но пользоваться им ещё было можно. Чудовище дрожало всем телом и постанывало. Могильщик подступился к нему и вогнал раскалённый клинок в нёбо.

Варл стоял ещё пару секунд, прежде чем упал на бок. Его тело неестественно извивалось в предсмертных судорогах.

И на миг, на какую-то долю секунды, глаза Варла осмысленно и с тоской посмотрели на поднимающегося с земли Хасла, а потом медленно закрылись, хотя нечто, созданное сумасшедшим магом, жило ещё какое-то время. По носу Варла стекала единственная слезинка.

Велион выдрал саблю из головы поверженного прислужника Урмеру и повернулся к Хаслу. Парня шатало из стороны в сторону, казалось, что он едва не теряет сознание, но это

было не так.

Совсем не так.

Глаза охотника, полные ненависти, горели огнём. Напряжённые желваки замерли, будто у Хасла свело челюсти. Он выпрямился, и из-под земли вверх выстрелили неестественно длинные древесные корни.

Яростный вопль охотника едва не оглушил могильщика.

— УРМЕРУ!!! УРМЕРУ, БЛЯДСКИЙ ТЫ ВЫРОДОК!!! ВЫХОДИ, И Я ВЫРВУ ТИ ГНИЛОЕ СЕРДЦЕ!!!

Велиону в лицо ударил резко порыв ветра, рассеявший пыль. Плотно закрытые ворота Башни сорвало с петель, и они с грохотом ударились о стену, вылома большой кусок кладки. Хасл, сгорбившись, рванул к открывшемуся входу. Могильщик, не успев его остановить, и ему оставалось только матерясь на чём свет стоит, побежать следом за озверевшим охотником.

Когда он вбежал в Башню, Хасл уже взлетал по винтовой лестнице на второй этаж. Мебель ходила ходуном от одного присутствия колдуна. Велион ещё раз выругался и бросился к лестнице. На середине пролёта он услышал звон бьющегося стекла, бешеный рёв охотника и треск ломаемой мебели.

Маги сцепились на третьем этаже. Здесь было что-то вроде лаборатории, но понять это уже практически не представлялось возможным: уцелело лишь несколько склянок. По полу растекались реактивы, в которых среди битого стекла плавали человеческие органы и какие-то совершенно чудовищные и невообразимые химеры, переплетённые всё той же медной проволокой. В нос могильщику ударил резкий химический запах, глаза сразу же начали слезиться.

Одна из химер ползла к бушующему посреди лаборатории Хаслу, протягивая к нему тщедушные ручонки, которые тем не менее опасно отсвечивали красноватым. Велион пригвоздил уродца к полу.

И тут на него обратил внимание Урмеру, которого охотник зажал в угол, поливая щепками, кусками мебели и потоками чистой энергии, бьющей практически из каждого куска дерева.

— Ты! — проревел маг, увидев вбежавшего чужака.

Могильщик невольно содрогнулся при виде колдуна. Его лицо представляло собой сплошной оплывший шрам, на который практически безрезультатно пытались нарастить кожу.

— Могильщик! — завизжал Урмеру и, сорвав с шеи один из двух оставшихся у него амулетов, швырнул его в Велиона. — Сдохни, тварь!

Бросок, к которому колдун присовокупил заклинание, был хорош, он должен был угодить Велиону в грудь, но могильщик поймал амулет и, ухмыльнувшись, сдал его двумя руками, а потом отбросил никчёмную вещь в сторону. Белая полоска змеи, высунувшаяся из повреждённого артефакта, обвилась вокруг валяющегося на полу скальпеля и замерла.

Тем, что Урмеру отвлёкся, воспользовался Хасл. Несколько корней выбили чудом уцелевшее во всём этом хаосе стекло и обвили колдуна. Старик вскрикнул, когда корни сжались, но почти сразу же захлебнулся кровью, обильно хлынувшей из его рта. Послышался хруст костей, тело мага безвольно обмякло, и лишь его полные ненависти глаза продолжали метаться между охотником и могильщиком.

— Сдохни, — прошипел Хасл.

— Подожди! — рывкнул могильщик, хватая разбушевавшегося охотника за плечо. — Я хочу с ним поговорить.

Хасл измерил его полным ярости взглядом, но корни на какое-то время перестали ломать тело мага.

— Поговорить? — просипел Урмеру. — Со мной?

— Да. Я хочу с тобой поговорить, старик. И ты мне ответишь, тогда, быть может, Хасл подарит тебе быструю смерть.

— Если бы не Он, вы бы сейчас умоляли меня о быстрой смерти, — простонал маг. — Если бы не Он...

— Ты должен сказать мне, что здесь произошло семьдесят лет назад, — быстро проговорил могильщик, осторожно приближаясь к едва живому старику. — Из-за чего началась война?

— Зачем тебе это?

— Я просто хочу знать. Я — дитя той войны.

Урмеру фыркнул от смеха, но тут же закашлялся от крови, пошедшей горлом. Его взгляд обратился к Хаслу.

— Он — дитя той войны, а ты выкидыш, — сглатывая кровь проговорил колдун. — А если ты хочешь что-то узнать... Сходи в Имп, если кишка не тонка. Мой друг Альсит собирался оставить послание... потомкам... — Маг закашлялся. — А теперь... подарите мне... достойную смерть...

— Сейчас, — кивнул Хасл. — Конечно, Учитель. Как ты и учил, врага нужно уважать.

Корни с новой силой впились в тело Урмеру. Он закричал и сразу захлебнулся от крови. Корни давили и душили жертву охотника ещё долго, пока не раздался хруст, и тело мага не разорвало на несколько кусков, повисших на ветвях.

— А теперь, — сказал Хасл, зло ухмыляясь, — я сожгу это место. Башню, огород, где работали поколения моих предков, трупы. Я сожгу всё, могильщик!

Велион шагнул к абсолютно обезумевшему мальчишке и вlepил ему пощёчину.

— А теперь, — холодным и спокойным голосом проговорил он, — мы похороним погибших и уйдём.

— Ты... — зашипел охотник, задыхаясь от ярости, но могильщик заткнул его ухватив за горло.

— Слушай меня, мальчик. Ты отомстил, и я тебя прекрасно понимаю. Но ты должен подумать о будущем. На тебе сейчас великий груз ответственности за всех выживших. Если ты попытаешься поджечь это место, ты погубишь все припасы, которые здесь есть. Огород не убран. С завтрашнего же дня ты начнёшь водить сюда людей для сбора урожая, может быть, тогда у вас не останется времени на грызню. Не заставляй меня разочаровываться в тебе, Хасл.

Охотник внезапно поник, его глаза потухли. Велион отпустил парня, и тот пошатнулся, едва устояв на ногах.

— Пошли, — тихо сказал он.

— Подожди.

Могильщик приблизился к замершим корням, готовый в любой момент отпрыгнуть, если одни из них зашевелились. Найти нужный кусок тела Урмеру было непросто, настолько изуродовало мага, но могильщик возился недолго.

— Вот, — буркнул он, вернувшись к охотнику, и сунул ему в руки амулет,

изображающий восьмиконечную звезду.

— Зачем?

— Затем, что ты теперь главный. И, говорят, что с этой штукой удобней колдовать. А ещё скажешь, что благодаря ей ты продолжишь держать Серого Зверя на месте.

— А я смогу?

— Тебе ничего не придётся делать. Уж о чём, а об этом Урмеру позаботился, и даже его смерть ничего не изменит.

Они спустились и вышли на улицу. Хасл, сжимающий в левой руке восьмиконечную звезду, отпечаток которой на его груди останется с ним до могилы, печально оглядел валяющиеся на огороде трупы и махнул рукой. Земля вздыбилась, и на поверхности не осталось ни одного тела.

— Вот и прекрасно, — сказал могильщик и одобрительно хлопнул Хасла по плечу. — Пошли, до городской стены нам по пути.

— Потом ты уйдёшь? — тихо спросил охотник.

— Да, но сначала эта сабля проткнёт ещё одного ублюдка, виноватого в ваших мучениях.

— Нет! — резко произнёс Хасл, и его глаза вновь загорелись. — Ты не посмеешь. Это сделаю я. За всех их, и за тех, кто уже умер, и кому предстояло умереть, если бы не мы. Это не твоя забота, Велион.

Могильщик печально улыбнулся и кивнул.

— Что ж, тогда мне нужно успеть до конца осени на побережье Мёртвого моря.

— В Имп?

— В Имп.

***

Хаслу снился странный сон. Две нечеловеческие фигуры бродили по разрушенной лаборатории, выискивая что-то в рухляди на полу.

На самом деле, существа напоминали людей, двух больших мускулистых женщин, фактически, нечеловеческими были только их головы. Шею одной из них венчала кошачья голова трёхцветного окраса, а второй — коровы. Плотоядной коровы, если такие вообще существовали. Клыки, торчащие из её нижней челюсти, больше напоминали кривые кинжалы.

— Нет, — абсолютно без эмоциональным голосом произнесла Кошка, — здесь нет его руки.

— Но куда бы она делась? — так же бесцветно ответила Корова. Могло сложиться впечатление, что это один и тот же человек задал себе вопрос и тут же на него ответил. Нет, не человек. Люди так не общались. Их разговор напоминал разговор куклы, вдруг освоившей человеческую речь.

— Может, могильщик унёс?

— Не мог, Собака бы знала.

— Руки у Урмеру уже не было, когда его убили. Иначе он не проиграл бы.

— Но кто мог её забрать?

— Неужели Крион? Ходили слухи, что он пропал где-то в этих краях после войны.

— Выродок давно сдох. Если бы он остался в живых, ни один маг не пережил бы войну.

— Нет, он не смог бы убить всех. А вот затаиться на время, копя силы, вполне мог.

— Согласна. Может, этот тот, кому мы помогали? Шемех?

— Нет. Он тоже мёртв, я была у него в логове и видела его обезглавленное тело. Кошки пожрали его плоть, и я выпила их энергию.

— Тогда никого, кроме Криона не остаётся?

— Есть местный маг, мальчишка, но Рука убила бы его своей мощью.

— Да, точно. Что будем делать с местными?

— Дыхание Низвергнутого здесь, но защита, которую выстроило это ничтожество Урмеру, хороша, её долго придётся ломать.

— Оставим всё так?

— Да. К тому же, что нам жалкая горсть жертв здесь, если мы сможем забрать энергию из соседнего города, если разрушим защиту с другой стороны.

— Сделаем это сейчас?

— Конечно. Можно сделать пару дыр и скрыться, чтобы не вызвать панику. Ветер разнесёт заклинание далеко.

— Что ж, так и сделаем.

— Обезьяна не обрадуется тому, что мы не нашли Руку.

— Мы все расстроены.

Перед тем как уйти, существа синхронно подошли к одному из разлагающихся ошмётков Урмеру и, оторвав по куску, сунули их себе в рот. Уже через миг они испарились.

Хасл проснулся в тот же момент.

Сегодня, да уже недели две подряд, на улице была зима, и глава выживших замёрз даже под одеялом. К тому же, Мирека уже проснулась, и тепло её тела не согревало постель.

Зато Хасла согрела мысль о том, что его жена беременна. Уже месяц она не роняла кровь.

Выбравшись из-под одеяла, он оделся и вышел на улицу.

Да, сегодня даже холоднее, чем обычно. Но жизнь в городе кипела.

Им пришлось собраться всем в одном месте. Не стало ни хуторян, ни изгоев, ни горожан, только люди. Конечно, Крамни противился, но когда ближайшее дерево едва не задушило норовистого пастуха, его люди быстро согласились, а уж без них ни он, ни Грала не выжили бы.

А всё из-за припасов, которые пришлось таскать из Бергатта. Это был тяжёлый труд — пока женщины послабее и дети убирали урожай, остальные переносили собранные овощи и фрукты, а пастушата перевели весь скот, потеряв единственную корову, угодившую в проклятье. Но больше никто не погиб, благо то буйство энергии, вызванное уничтожением «сигнализации», ещё больше расчистило дорогу из могильника.

Хоркле пересчитал припасы и пришёл к выводу, что их хватит на всех на два Йоля. Старик хоть как-то пытался отойти после убийства Хории, и работа ему помогла. Помог и Хасл, выяснивший, кто вогнал дочери хозяина таверны в рот нож в ту ночь, когда бунтари шли на штурм хутора. Сейчас их тела, вросшие в деревья, разлагались на выходе из города.

Чуть дальше, у самого брюха Серого Зверя, воткнут кол, на котором покоится голова Шемеха. Она смотрит на проклятый туман, и, кажется, туман её испугался — в последние недели он отступил с насиженных мест.

Но этих людей должен объединять не только страх. Друга не только боялись, но и любили. Пусть, он сам внушил им это лживое чувство. Хасл же был одним из них, те, что постарше, знали его с самого детства, а младшие восторгались его успехами в охоте. И в его

правление уже жил первый младенец, на чьей коже сейчас не было ни единого шрама.

Мирека собирала стиранное бельё у площади.

— Смотри, — сказала она со смехом, — оно твёрдое! А возьмёшь в руку, и сразу становится мягким. Ты будешь носить твёрдые штаны?

— Я буду носить любые штаны, постиранные твоими руками, — улыбнулся Хасл, подходя к жене.

При его появлении разговоры затихли. И так будет всегда. Но овцы должны понимать, кто их пастух, и слушать его.

Что-то холодное и мокрое опустилось на лицо Хаслу. Он поднял голову, ожидая увидеть дождь, льющийся из тяжёлых туч, повисших над Землёй Выживших, но с неба падали странные белые мухи.

— Что это? — удивлённо спросила Мирека.

— Это... — Хасл задумался только на секунду и заговорил так громко, чтобы его услышали все, кто находился на улице: — Это снег. Могильщик про него рассказывал. Это просто замёрзшая вода.

Воспоминания о могильщике вернулись к главе людей и тут же погасли, оставив после себя лёгкую тоску. Хасл часто видел Велиона во сне, он шёл куда-то, и, кажется, с ним всё было в порядке.

— Действительно — вода, — сказал тем временем кто-то из мальчишек и принялся бегать по площади, стараясь поймать языком снежинки. Остальные дети быстро присоединились к нему, раздался залиvistый хохот.

Хасл тоже улыбался. Одна снежинка упала Миреке на правую щёку, прямо между шрамов, и растаяла капелькой воды. Охотник стёр эту каплю большим пальцем так нежно, как мог.

Иногда ему снилось, что они с Мирекой идут с могильщиком.

Но... иногда, заработав свободу, обрекаешь себя на рабство уже добровольно. В том разница между ним и Урмеру — старый маг считал себя хозяином выживших, а Хасл хотел служить им. Хотел закончить ту кровавую вендетту, которая велась между людьми. Его Дар будет служить для того, чтобы выжившим лучше жилось, а не для пыток, исполняемых ради застарелой ненависти.

Мирека уже собрала всё бельё и собиралась схватиться за кадку, но Хасл отстранил жену.

— Я помогу. Смотри, я несу её на вытянутой руке. Но до дома, наверное, не донесу...

Они пошли бок о бок к своему дому, намереваясь согреть холодную постель теплом собственных тел. К счастью, люди, занятые своими делами, уже не обращали на них никакого внимания.

А в Бергатт впервые за семьдесят два года готовилась прийти зима.

Больше книг на сайте — Knigolub.net